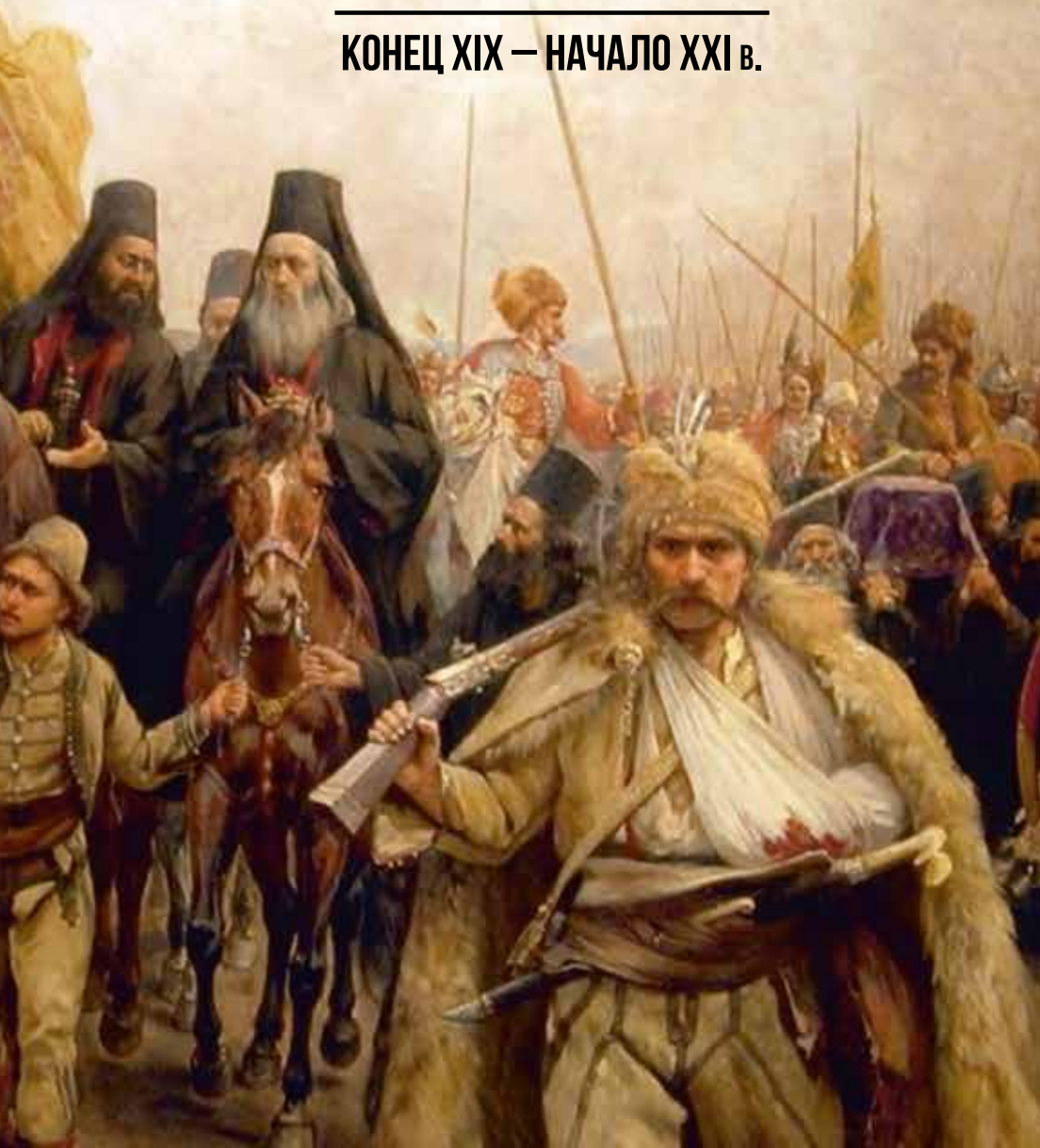

КОНСТАНТИН НИКИФОРОВ

ОТ СЕРБИИ ДО СЕРБИИ

В ПОИСКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КОНСТАНТИН НИКИФОРОВ

ОТ СЕРБИИ ДО СЕРБИИ

**В ПОИСКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ
КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI В.**

«ИНДРИК»

МОСКВА 2021

УДК 94(497.1)
Н62

Рецензенты:

доктор исторических наук *Я.В. Вишняков*
кандидат исторических наук *Б.С. Новосельцев*

Никифоров К.В.

От Сербии до Сербии. В поисках модернизации.
Конец XIX — начало XXI в. — М.: Индрик, 2021. — 280 с.

ISBN 978-5-91674-619-8

DOI: 10.31168/91674-619-8

В книге рассматривается почти полуторавековой период сербской истории — от получения Сербским княжеством независимости в 1878 г. и до наших дней, до нового появления Сербии как самостоятельного государства после ее длительного развития в рамках «трех Югославий». Основное внимание обращено на процессы модернизации, которые приняли сначала имитационный характер, потом — альтернативный (и даже альтернативный альтернативному), затем — вновь имитационный. Особенно подробно рассматриваются титовская и милошевичевская (сербско-черногорская) Югославии, а также постмилошевичевская Сербия. Много места уделено вопросам историографии, русско-сербским отношениям, специфике социалистической Югославии, сербскому варианту постсоциалистической трансформации.

Для специалистов и всех интересующихся историей Сербии, Югославии и Балкан.

Оформление обложки П.К. Донского

При оформлении обложки использованы фрагменты картины сербского художника Павла (Паи) Йовановича «Переселение сербов» (1896)

© Никифоров К.В., Текст, 2021

© Оформление, Издательство «Индрик», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Новое время для Балкан и Сербии	11
Взгляд русских и сербов друг на друга	30
Особенности изучения русской эмиграции в Югославии	62
Судьба общерегиональных балканских национальных меньшинств	76
Советская и российская историография о титовской Югославии	89
«Особый путь» социалистической Югославии	107
Особенности восточноевропейской трансформации	127
Трансформационная революция по-сербски	148
Российско-сербские отношения во время югославского кризиса	171
Сербия на пути постсоциалистической трансформации	185
Полуторопартийная парламентская система в Сербии	223
Политические системы постъюгославских государств	233
Заключение	273
Именной указатель	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

К

ак известно, автономное Сербское княжество получило независимость от Османской империи после Берлинского конгресса 1878 г. Через несколько лет, в 1882 г., Сербия была провозглашена Королевством. В 1918 г., после окончания Первой мировой войны, Королевство Сербия, объединившись с Черногорией и югославянскими провинциями развалившейся Австро-Венгрии, превратилось в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Топоним «Сербия» растворился в названии более крупного образования, где, правда, наравне с другими югославянскими народами оставалось упоминание о сербах. В 1929 г. исчезло и оно — Королевство СХС было переименовано в Королевство Югославия.

После Второй мировой войны на смену «первой», королевской Югославии пришла «вторая» — социалистическая республиканская федерация. В 1992 г., после развала Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в новой, уменьшенной федерации, получившей название Союзная Республика Югославия (СРЮ), остались только Сербия и Черногория. «Третья», сербско-черногорская Югославия в 2003 г. была преобразована в Государственное сообщество Сербия и Черногория. Название «Югославия», просуществовавшее три четверти века, ушло в небытие. В 2006 г. распался

и этот аморфный сербско-черногорский союз, а на политической карте Европы появилось государство с названием Республика Сербия.

В книге и рассматривается этот период — от Сербии, получившей независимость, прошедшей через три Югославии, и до нынешней, вновь полностью самостоятельной Сербии. Хронологические рамки книги превратились в ее заглавие — «От Сербии до Сербии». Причем какие-то вещи в этой полуторавековой истории сербского народа повторяются. В частности, современная Сербия почти так же, как и после Берлинского конгресса, решает задачи национальной модернизации и пытается «вернуться в Европу». Отсюда и вторая половина названия книги — «в поисках модернизации». Причем речь идет прежде всего о модернизации политической, экономические вопросы подробно не рассматриваются.

Но, конечно, не только модернизацией или ее попытками отличалась сербская история в этот период. Вместо мирного развития приходилось много воевать, хотя войны по-своему тоже двигали модернизацию. В XX в. Сербия пережила две Балканские войны, две мировые и десятилетнюю череду межэтнических гражданских войн во время развала Югославии. Сначала эти войны происходили по соседству с Сербией, но затем затронули сербский край Косово и Метохию и были дополнены прямой агрессией НАТО против сербско-черногорской Югославии. После этого на короткое время война пришла на юг Центральной Сербии, в Прешевскую долину. Некоторые исследователи даже стали говорить о сербах, учитывая, конечно, и всю их предыдущую историю, как о «людях вечной войны».

Как и Россия, Сербия проиграла свой XX век. В 2002 г., выступая на конференции в Сербской академии наук и искусств, известный писатель, академик Добрица Чосич говорил: «Сербия вступила в XX в., развиваясь по европейскому пути, с демократическим

устройством, на экономическом и культурном подъеме, одержав политические и военные победы; закончила же XX в. в национальной депрессии, с недемократическим и криминальным обществом, потерпев военные и политические поражения. В начале века мы были народом надежды, в конце века стали народом, потерявшим покой, народом изгнанников и переселенцев. В начале века у нас было государство, которое имело силу и союзников, чтобы объединить весь сербский и югославянские народы, в конце века мы остались без государства и без единого союзника, а мировые державы несправедливо наказали нас блокадой и международными санкциями. Блок НАТО свою чудовищную военную силу первый раз употребил против сербского народа в Боснии, а в последний год века 78 дней бомбил Сербию. В первой половине века мир поражался сербской жаждой свободы, сербскому героизму и достоинству; в конце века мир провозгласил нас военными преступниками и поджигателями. В начале века мы освободили Косово и Метохию, в конце века — потеряли Косово и Метохию. Сербский народ в первой половине XX в. Европа, Америка и весь цивилизованный мир уважали и почитали, сегодня же он, по воле Америки и Европейского союза, посажен на черную скамью гаагского судилища, его судят за агрессию против народов, которых он освобождал во время двух мировых войн и которые ему за это освобождение ответили геноцидом»¹. Если Д. Чосич и допускал некоторую идеализацию положения сербского народа в начале XX в., то, обрисовывая его

---

¹ *Ђосић Д.* Српска политика у другој половини XX века // Велика Србија. Истине. Заблуде. Злоупотребе. Београд: Srpska književna zadruга, 2003. С. 43. Впрочем, сегодня пересматривается роль Сербии и в Первую мировую войну. Вместе с Россией она изначально назначается ее виновницей и зачинщицей. См.: *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

положение на рубеже XX и XXI вв., он не сгущал краски. Недаром возникло даже такое понятие, как «сатанизация» Сербии на Западе².

Может быть, наибольшей проблемой в XX в. стало то, что в связи с многочисленными войнами, миграциями, экономическими трудностями Сербия столкнулась с процессом депопуляции. В историографии встречаются разные цифры сербских жертв в XX в. Сербский историк К. Николич приводит, в частности, осторожную цифру в 1 800 000 человек общих сербских потерь³. Обезлюдил не только собственно Сербия. Сербов не стало и во многих районах бывшей Югославии, где они некогда не только присутствовали веками, но и составляли большинство населения. Наконец, население исторически еще одного сербского государства — Черногории все больше начинает дистанцироваться от сербов и забывать свои сербские корни.

Тематически предложенный труд в известной мере продолжает и дополняет книгу «Сербия на Балканах. XX век»⁴. Новая книга написана в таком же очерковом стиле, некоторые главы также апробированы автором в предыдущих статьях, докладах на научных конференциях, в лекциях, прочитанных студентам кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Некоторые из идей, прозвучавшие в предыдущих работах лишь намеками, сейчас получили более аргументированное продолжение.

Обо всех темах, затронутых в книге, говорить можно долго. По ее прочтении читатель составит собственное мнение. Скажем лишь, что не все периоды сербской

---

² См., например: *Džonston D. Suludi krstaši. Jugoslavija, NATO i obmane Zapada*. Beograd, 2005.

³ См.: *Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20. веку*. Београд, 2016. С. 379.

⁴ См.: *Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век*. М., 2012.

истории освещены в предложенном труде одинаково полно. В книге более подробно рассматриваются вопросы развития Сербии в титовской и милошевичевской Югославии и в постъюгославский период. Книга построена по проблемно-хронологическому принципу, но все-таки проблемный принцип преобладает. Отсюда неизбежны некоторые повторы, которых, впрочем, автор старался по возможности избегать.

В работе сознательно много места уделено вопросам историографии. Именно с этих вопросов и начинается изучение того или иного периода, с историографии начинается теоретическое осмысление любой исторической проблемы. Вниманием к историографии хотелось также подчеркнуть, что в последнее время усилиями отечественных специалистов было сделано очень много для лучшего понимания сербской истории, особенно того ее периода с конца XIX в. и до наших дней, который и можно назвать — от Сербии до Сербии.

НОВОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ БАЛКАН И СЕРБИИ

При всей условности начальной даты Нового времени для Балкан начинать эту эпоху, по-видимому, правильно с рубежа XVII и XVIII вв. Война Священной лиги (Австрия, Польша, Россия, Венеция) против Османской империи 1683–1699 гг. «ознаменовала крутой переменой в раскладе и расстановке сил, христиане стали стороной наступающей, мусульмане — обороняющейся и отступающей... Роли переменялись. ... И все это происходило на фоне первых ростков балканского Возрождения»⁵. Воистину будущее обещало большие изменения, но расцвет лишь брезжил.

Не менее важно, что именно в XVIII в. Балканы, по точному замечанию болгаро-американской исследовательницы М. Тодоровой, перестали рассматриваться в Европе только как часть Османской империи⁶. В последней трети XVIII в. Балканы стали частью общеевропейской международной системы в связи с возникновением Восточного вопроса. А сам Восточный вопрос был открыт Кючук-Кайнарджийским миром, заключенным после очередной русско-турецкой

---

⁵ Виноградов В.Н. Предисловие // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 3.

⁶ См.: История Балкан. Век восемнадцатый. С. 527.

войны, в 1774 г.⁷ Чуть позже завершилась и последняя австрийско-турецкая война (1788–1791 гг.). А России в XIX в. предстояло воевать с Турцией еще четыре раза (1806–1812 гг., 1828–1829 гг., Крымская война 1853–1856 гг., 1877–1878 гг.).

Великая французская революция и начало наполеоновских войн еще больше ускорили процесс втягивания Юго-Восточной Европы в мировые международные отношения, что не могло не сказаться на судьбах проживавших там народов. Сербский историк Р. Люшич пишет: «Конец XVIII и начало XIX в. представляют собой время войн и революций, и их можно считать переломным периодом в истории Европы, и, естественно, Балкан, являющихся ее частью...»⁸

Полунезависимое Сербское княжество возникло в результате двух восстаний против власти Турции — Первого сербского восстания (1804–1813 гг.) и Второго (1815 г.). Причем при возникновении нового сербского государства решающее значение имела помощь России. В 1875 г. по соседству с княжеством вспыхнуло боснийско-герцеговинское восстание против турок, которое вполне заслуживает наименования Третьего сербского восстания⁹. Оно послужило началом Великого восточного кризиса, сербско-черногорских войн с Турцией, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и закончилось Берлинским конгрессом, признавшим независимость Сербии, Черногории и Румынии. Северная часть Болгарии с центром в Софии получила автономию. Турецкие войска из нее были выведены. Босния и Герцеговина де-юре

---

⁷ См.: *Достян И.С.* Особая позиция России // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 15.

⁸ *Люшич Р.* Други српски устанак (1815) // *Люшич Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 65.

⁹ См.: Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878: Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008.

осталась в составе Османской империи, но де-факто оказалась под оккупацией Австро-Венгрии. Одна иноземная власть сменила другую.

В XIX в. при воссоздании на Балканах независимых национальных государств и попытках их расширения до трактуемых весьма расширительно этнически обусловленных границ (именно тогда появились все «великие» балканские планы — греческая «мегали-идея», сербское «Начертание»¹⁰ и т. п.) проявилась та самая конфликтогенность региона, о которой столь много написано в историографии. В отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен. Причем огромную роль в воспроизводстве межэтнической напряженности сыграло постоянное вмешательство на Балканы великих держав. Во многом именно из-за этого в регионе возникла пресловутая этническая чересполосица, провоцировавшая множество территориальных споров.

Убедительный пример этого — упоминавшаяся ситуация с Боснией и Герцеговиной. Проиграв борьбу за объединение немецких земель и войну с Италией, Австро-Венгрия стала искать компенсации на Балканах. После Берлинского конгресса 1878 г. она добилась права на оккупацию Боснии и Герцеговины, а также на ввод своих воинских гарнизонов в Новопазарский санджак. Тем самым карты на Балканах вновь оказались смешаны. Например, для Сербии пути расширения в сторону Боснии и Герцеговины и Старой Сербии, в том числе и к Адриатическому морю, огибая с одной или другой стороны Черногорию, оказались перекрыты мощным противником. Оставался путь в противоположную

---

¹⁰ О сербской национальной программе подробнее см.: Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

сторону, на юго-восток, — по долине Вардара до Салоник и с выходом уже в Эгейское море.

Период после Берлинского конгресса и до начала Первой мировой войны оказался особенно важным для дальнейшей эмансипации балканских народов. И не только потому, что после Берлинского конгресса многие из них после долгого перерыва получили независимость, а Болгария — самостоятельность. В.Н. Виноградов считает, что после Берлина «в связи со стремительным ослаблением Турецкой державы резко снизилось значение Восточного вопроса в судьбах Европы, под ним стали понимать соперничество держав»¹¹. Но и державы уже не были полновластными хозяевами в любой точке Балкан. «Османское владычество в регионе пришло к концу, — продолжает В.Н. Виноградов. — Вместе с тем отошла в прошлое система международных отношений в регионе, в котором тон задавали великие державы, то соперничавшие, то сотрудничавшие друг с другом. Отныне решающими субъектами международного права здесь стали сами балканские государства, их взаимоотношения и, как скоро выяснилось, их соперничество»¹².

Национальные планы балканских государств не только накладывались на планы великих держав и на планы друг друга и одновременно — на вековую отсталость. Образно говоря, из Азии, куда они попали после турецкого завоевания, эти страны вновь вернулись в Европу. Но вернуться формально было недостаточно, нужно было вернуться фактически, то есть европеизировать все стороны своей во многом еще

---

¹¹ Виноградов В.Н. Последняя русско-турецкая война // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М., 2013. С. 325.

¹² Виноградов В.Н. Предисловие // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 7.

патриархальной жизни, стать настоящими европейцами. Поэтому имитационная модернизация (или европеизация) являлась основным содержанием периода истории балканских государств после Берлина и до Первой мировой войны. Для стран с догоняющим развитием не было более актуальной и насущной задачи. Кстати, и в России этот период связан с той же модернизацией (причем довольно успешной).

Этот же период от Берлинского конгресса до Первой мировой войны был периодом так называемой «первой глобализации». Казалось, это предоставляло балканским государствам новые возможности. Однако этот шанс ни европейскими державами, ни балканскими странами использован не был. Балканские страны остались «бедными родственниками» западного мира с угрозой попасть в новую зависимость, но уже не от Турции, а от европейских держав. В случае Сербии, например, таковой державой оказалась Австро-Венгрия.

Р.Р. Субаев смотрит на эти события через призму имперского наднационального наследства, попыток греков (наиболее последовательных), болгар и сербов восстановить свою «Неовизантию», заключенных в концепциях «мегалойдей». Такая тенденция в остаточных формах сохранялась до 1878 г., эволюционировав затем от империи к национальному государству¹³. Так что и здесь Берлинский конгресс стал своего рода водоразделом.

В то же время возрождавшиеся балканские государства все равно оставались в имперском окружении, сохраняя с ним глубинные связи. В современной историографии происходит частичный отход

---

¹³ См.: Субаев Р.Р. Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегалойдей» // Славяноведение. 2015. № 1. С. 3–21.

от «канонизации» национального государства. Кстати, апологетика национального государства существовала и в отечественной исторической науке, хотя и признавалась, например, объективная роль политики Австрийской империи в возрождении национального самосознания сербов, хорватов или румын. Сегодня империи трактуются уже не только как препятствие в нациестроительстве и как заведомо устаревшая форма. «В действительности большинство процессов, которые подготовили создание современного государства, происходили в имперских метрополиях»¹⁴, — пишет А.И. Миллер.

Таким образом, XIX век уже не объявляется однозначно только веком наций-государств, а империя перестает трактоваться как нелегитимное образование. Дискуссии продолжаются. И если для одних историков XIX столетие остается «эпохой на пути предначертанного заката империй и различных национальных возрождений», то другие исследователи «видели в той же империи прогрессивную правовую интеграцию, охраняемые конституцией личные права и невиданный культурный расцвет»¹⁵.

В целом Берлинский конгресс сохранял свою силу до Балканских войн 1912–1913 гг., хотя его решения и стали пересматриваться намного раньше. В 1885 г. произошло объединение Болгарии, а затем и сербско-болгарская война. В 1896–1897 гг. разразилось восстание на Крите, переросшее в греко-турецкую войну. В 1903 г. произошел государственный переворот в Сербии, завершившийся сменой правившей династии.

---

¹⁴ Миллер А.И. Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 248–249.

¹⁵ Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени // Всемирная история. Т. 5. С. 13–14.

В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, закрепив новые балканские переделы со стороны великих держав. В том же году усилиями молодых офицеров произошла Младотурецкая революция в Османской империи.

Рост влияния офицерства, в целом военного фактора, милитаризация политики в истории балканских государств этого периода носили общерегиональный характер. Офицерство пыталось взять на себя ответственность за развитие своих стран. Тогда же, в 1908 г., в Греции возникла панэллинистическая организация «Военная лига». В Сербии переворот 1903 г. был также совершен военными. Они создали затем тайную организацию «Объединение или смерть», известную под названием «Черная рука», и претендовали на главную роль в государстве. На определенном этапе развития страны офицерство пыталось заполнить нишу потомственной элиты, уничтоженной в Сербии и некоторых других балканских странах после турецкого завоевания. Исключением в силу своей отдаленности от Стамбула оказалась «боярская Румыния».

Наконец, выбор цивилизационного пути часто означал для балканских стран выбор между Западом и Россией. Еще А.Л. Погодин применительно к сербам писал о том, что контрастами, поражающими в их жизни, являются «европейские вкусы небольшой группы лиц... и глубоко укоренившаяся в массах привязанность к России»¹⁶. Подобную ситуацию можно было наблюдать в Болгарии и некоторых других балканских странах. Причем это явление оказалось на удивление устойчивым, его можно наблюдать и в наши дни.

Но вернемся к балканским территориальным спорам. Их пытались разрешить по-разному, но прежде

---

¹⁶ Погодин А.Л. История Сербии // История Сербии и Черногории. М., 2002. С. 205.

всего самым традиционным способом — войной. В 1885 г., уже через несколько лет после Берлинского конгресса, произошла сербско-болгарская война — первая между освободившимися балканскими странами.

Особое место в переустройстве Юго-Восточной Европы принадлежало Балканским войнам, особенно первой из них. Она оказалась своего рода восточноевропейской Реконкистой, выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию. Малые балканские государства впервые в истории выступили вместе и самостоятельно, а не для поддержки тех или иных действий великих держав. Балканских союзников стали называть даже «седьмой великой державой». И в целом следствием «ожидаемого вытеснения Турции из Европы» стало «превращение Балкан в отдельный регион»¹⁷.

Союз балканских государств продлился, как известно, совсем недолго. Вторая балканская война была войной между вчерашними союзниками. Как борьба против мавров не удержала христианские королевства от борьбы друг с другом, так и изгнание османов сопровождалось борьбой новых балканских государств за дележ турецких трофеев.

Часто цитируется знаменитая формула-предостережение австрийского драматурга Франца Грильпарцера: «от гуманизма через национализм к зверству». В спрессованном виде в этой формуле заключена в какой-то степени эволюция вышедших из лона империй балканских государств, в которых просветители пробудили национальные чувства и которые передрались из-за имперского наследия друг с другом. Кстати, именно тогда появилось определение Балкан как «порохового погреба Европы».

Балканские войны после Берлинского конгресса 1878 г. «стали хронологически вторым, а по значимости —

---

¹⁷ Белов М.В. В. Таки. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017. 320 с. // Славяноведение. 2017. № 5. С. 91.

равным ему этапом становления национальной государственности балканских государств»¹⁸. Причем корни Балканских войн обычно находят в решениях Берлинского конгресса, а непосредственный повод — в Младотурецкой революции 1908 г. Принятые в Берлине решения опирались на идею национальной государственности и тем самым вели к реализации идеи раздела османского наследства между новыми балканскими государствами. «Национализм победил имперскую традицию»¹⁹. Так или иначе «Балканские войны завершили не только “долгий XIX век”, но и переходную (во многом — переломную) эпоху в развитии всех государств региона»²⁰.

Именно на Балканах вместо ожидавшейся эры благоденствия мир скатился к мировой войне. Соперничество великих держав тоже никуда не делось. Более того, оно неуклонно нарастало. И если после наполеоновских войн европейские державы придерживались определенных правил игры, ограничений во взаимоотношениях друг с другом, то затем эти правила начали меняться. Начало процессу их разрушения положила Крымская война. «Окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился в ходе Первой мировой войны»²¹.

---

¹⁸ Улуян Ар. Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 48.

¹⁹ Субаев Р.Р. Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе... С. 10–11, 19.

²⁰ Шемякин А.Л. Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. С. 123.

²¹ Миллер А.И. Империя и нация в «долгом XIX веке». С. 262.

Первая мировая война привела к исчезновению Восточного вопроса из повестки дня международной дипломатии, что произошло одновременно с распадом Османской империи. Россия, сорвавшись в революцию, так и не получила «ключи от своего дома» — контроля над Проливами и Константинополем.

Первая мировая война также была тесно связана с процессами модернизации. И одновременно являлась при этом «своего рода ее двигателем, что и стало ее главной особенностью по сравнению с другими военными конфликтами». Действительно, «благодаря этому война существенно увеличила возможности реализации ранее возникших теоретических замыслов и идей»²². Подобно тому как рубеж XVIII и XIX вв. открыл Балканы Европе и миру, рубеж XIX и XX вв. окончательно сделал их «интегральной частью Европы». Великая французская революция, писал сербский академик М. Экмечич, стала своего рода матрицей для XIX в., а Первая мировая война — для XX в.²³

Распад Османской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны привел к образованию на их месте новых национальных государств в результате реализации модного и ставшего актуальным лозунга о праве наций на самоопределение. В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными.

---

²² Грдина И. Первая мировая война — кризис доверия и конфликт между модернизацией и реализацией проектов // Slovenica III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К 100-летию начала Первой мировой войны. М., 2014. С. 19.

²³ См.: Экмечич М. Огледи из историје. Београд, 1999. С. 163.

Почти все балканские страны в начале XX в. столкнулись с национальными катастрофами. Потерю европейских владений, а затем и распад империи пережили турки. Горькое разочарование дважды ждало Болгарию — после Второй балканской и Первой мировой войн. Свою Голгофу во время Первой мировой войны пережила Сербия. Осталась разделенной Македония. Уже после Первой мировой войны в связи с поражением в греко-турецкой войне 1919–1921 гг. «малоазийскую катастрофу» пережила Греция. Фактически исключение в этом ряду составляет только карпато-балканская Румыния.

Никуда не исчезли после мировых войн и проблемы балканской, в частности сербской, модернизации. После Первой мировой войны она была по-прежнему имитационной и догоняющей, и, в конце концов, сократить отставание от развитых держав вновь не удалось. После Второй мировой войны во всех странах (кроме Греции) в очередной раз происходила догоняющая, но уже альтернативная модернизация, модернизация по социалистическому типу. И вновь успехи в начальной стадии обернулись крахом в конце пути. Причем этот крах вновь сопровождался ростом национализма во всех балканских странах, именно национализм стал тогда альтернативой коммунизму. Сербам вновь пришлось воевать — на этот раз в череде межэтнических гражданских войн «за югославское наследство».

Сегодня балканские страны вновь переживают этап догоняющей имитационной модернизации. Почти все они входят или стремятся войти в Европейский союз. И вновь этому способствует глобализирующийся мир.

Однако этот масштабный европейский проект опять не означает конца многочисленных балканских противоречий. Остались нерешенными, по крайней мере, сербский и албанский национальные вопросы. Остались и такие застарелые противоречия, как, например, турецко-греческие. Надо подчеркнуть и то, что в последние

годы у «новых европейцев» случилось определенное разочарование от «возвращения в Европу». Ожиданий было гораздо больше, и они во многом не оправдались — разрыв в уровне жизни «новой» и «старой Европы» остается прежним и не сокращается.

К тому же сам Европейский союз столкнулся с большими трудностями. Совсем не случайно случился так называемый *brexit* — выход из Евросоюза Великобритании. Проблемы усилились еще больше после финансово-экономического кризиса 2008 г., миграционного кризиса 2015 г., пандемии коронавирусной инфекции, начавшейся в 2019 г. в Китае.

Разочарование в Евросоюзе (евроскептицизм) в разной степени наблюдалось везде — от центральноевропейских стран и до Балкан, включая Грецию, которая вступила в организацию еще в 1981 г. Появились и такие заметные фигуры евроскептицизма, как, например, Вацлав Клаус и Виктор Орбан. Ряды евроскептиков пополнила Польша после прихода к власти Партии права и справедливости Ярослава Качиньского. Конечно, это не означает, что население Центральной и Юго-Восточной Европы выступает против членства своих стран в Евросоюзе, но оно стало относиться к евроинтеграции более трезво.

Заметнее всего и быстрее всего разочарование в «европейскости» произошло в России, где и до этого не было консенсуса в выборе дальнейшего пути. Нынешний Евразийский экономический союз (ЕАЭС, ЕврАзЭС) на постсоветском пространстве, продвигаемый Россией поворот России на Восток как раз и возникли как замена не удавшегося для нее европейского вектора развития в 1990-е годы. Причем под евразийством подразумевается пространство, выходящее за пределы постсоветской территории. Насколько эта замена вектора развития, этот поворот на Восток окажутся долгосрочными, покажет время. Причем надо иметь в виду, что в центр

экономики и политики Евразии неумолимо выдвигается Китай. Россия, как и в случае с евроинтеграцией, может оказаться на периферии и этого процесса.

Цивилизационно Россия все-таки остается неотъемлемой частью Восточной Европы, хотя, конечно, со своими особенностями и с небольшими вкраплениями других культур. Разговоры об особой русской цивилизации, как правило, призваны обосновать для России какой-то специфический, ни на что не похожий «третий путь» развития. Поиски такого пути в XX в. принесли России неисчислимые бедствия.

Конечно, на определенное евразийство Россия обречена уже в силу своего географического положения. 23% ее территории находится в Европе и 77% — в Азии. Другой подобной евразийской страной, находящейся в Европе (5%) и Азии (95%), является Турция. После безуспешных попыток, начиная с 1963 г., вступить в Европейский союз в Турции тоже явно усилилось разочарование в Европе. Одновременно в турецкой политике резко выросла роль исламского и неоосманского фактора.

* * *

Историки любят говорить о «долгом XIX веке», который оказался дольше отмеренных ему календарных столетий, поскольку он закончился только с началом Первой мировой войны. И в этом, конечно, есть свой смысл. Однако в историографической традиции последних десятилетий этот век предстает не только в удлинненном, но и в укороченном виде, не только «долгим», но и «коротким». Его начинают не только с 1789-го, а то и с 1776 г., но и с 1815-го и даже 1848 г.²⁴

В последней дате есть свой резон и для Балкан, хотя события революции не затронули, кроме Валахии,

---

²⁴ См.: Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории. С. 7.

территории Европейской Турции. Однако процесс самой начальной, еще почти незаметной «европеизации» пошел на Балканах после революции быстрее. Есть резон и в такой важной дате, как 1956 г., — окончание Крымской войны, самого крупного военного конфликта в Европе в XIX в. После Парижского мира покровительство России христианскому населению Балкан было заменено коллективным покровительством европейских держав. Для России «перестало действовать старое правило — решать споры с Турцией с глазу на глаз, без постороннего вмешательства. Восточный вопрос во всех его аспектах превратился в интернациональный»²⁵.

И все же рискнем заметить, что для балканских народов этот «короткий XIX век» можно начинать на тридцать лет позже — с 1878 г. Собственная новая история для этих народов как раз и началась после Берлинского конгресса. И она оказалась спрессованной в 36 лет — до Первой мировой войны. И за этот небольшой срок балканским государствам на ниве эмансипации и модернизации предстояло сделать чрезвычайно много.

И этот балканский «короткий XIX век» размером в 36 лет — от Берлинского конгресса до Первой мировой войны — нам представляется целесообразным разбить на два этапа — «эпоху Берлинского конгресса» и «эпоху Балканских войн». Первая эпоха относительно мирная (с плавающей границей для разных балканских стран) и вторая — период сползания к военному лихолетью, когда Балканские войны оказались уже событием, общим для всех.

Как и общим для всего региона стало основное содержание этого периода. «Хребтом века становится прогресс вместо статистической модели Просвещения...

---

²⁵ *Виноградов В.Н.* Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012. С. 422.

все приходит в движение, и желающим не отстать от прогресса предлагается “вскакивать на подножку”; парадигма “догнать” и “перегнать” вызывает фрустрацию от недостижимости этой цели». Одновременно «в последней трети XIX в. западная цивилизация расширяет не только свои пространственные границы, она меняет свою сущность, осознавая себя как доминирующую культуру»²⁶.

Надо сказать, что совсем не случайно этот балканский «короткий XIX век» привлек к себе в последнее время пристальное внимание отечественных историков. Достаточно назвать выходящую в Институте славяноведения РАН серию «Человек на Балканах»²⁷, а также сразу несколько научно значимых книг на русском языке²⁸. Завершена также 4-томная серия «История

²⁶ Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории. С. 8, 15.

²⁷ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.). СПб., 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. М., 2012; Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016. См. также: Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX — начало XX в. М., 2008. Автору этих строк довелось принять участие в первом и последнем выпусках этой серии, причем в последнем выпуске прошла апробацию статья, ставшая основой для этого очерка.

²⁸ См.: Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007; Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века.

Балкан в Новое время»²⁹, причем четвертый том серии как раз и относится к периоду от Берлинского конгресса до Первой мировой войны. Все эти работы, несомненно, увеличили наше знание и наше понимание модернизации и других сложных процессов, протекавших на Балканах на рубеже XIX и XX вв. Одновременно это освобождает нас от более подробного освещения процесса модернизации в Сербии в этот период.

* * *

В отличие от «длинного XIX века», XX век в любом случае оказался короче из-за затянувшегося почти на двадцать лет начала. Но остается вопрос о его окончании. Иногда XX век заканчивают 1989 годом, когда произошли так называемые трансформационные «бархатные революции» на Востоке Европы. Зримым воплощением окончания старого миропорядка стало падение Берлинской стены и объединение Германии. Закончилась «холодная война» и биполярный Ялтинско-Потсдамский мир. Известный британский историк Эрик Хобсбаум оканчивает «короткий XX век» 1991 годом, то есть распадом Советского Союза³⁰.

М., 2012; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016; *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020.

²⁹ См.: История Балкан. Век восемнадцатый / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004; История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2011; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2013; История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2017.

³⁰ См.: *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991) / Пер. с англ. М., 2004.

Однако на рубеже двух столетий произошли еще два важных события, которые, возможно, и не были столь судьбоносными, но тоже потрясли основы современного мироустройства.

Общепризнано, что одним из таких поворотных моментов стали террористические акты в США 11 сентября 2001 г., вошедшие в историю просто как 9/11. После этих событий мир действительно стал другим. Оказалось, что, пока США и западные державы строили новый мировой порядок, новую систему безопасности вокруг НАТО, делили постъюгославское и другие пространства, появились и окрепли силы, вообще не связанные рамками определенного государства и какими-либо цивилизованными нормами.

Однако незадолго до этого случилось, на наш взгляд, еще одно эпохальное событие, сходное по значению с террористическими актами в Северной Америке. И это случилось, когда США посчитали себя единственным и не сдерживаемым никакими обязательствами центром силы в современном мире. 24 марта 1999 г. началась агрессия НАТО против Союзной Республики Югославии. И возможно, именно тогда, весной 1999 г., мир начал становиться другим. В какой-то степени агрессия против Югославии стала прелюдией террористической атаки на США. Да и саму эту агрессию можно также назвать формой государственного терроризма.

Вполне сопоставимы и жертвы этих акций среди мирного населения. В Америке, не считая самих смертников-камикадзе, погибло 2977 человек, в большинстве своем никак не связанных с военным персоналом. В Югославии под бомбами погибло около 2 тыс. мирных граждан, из них не менее 89 детей. Порядка 10 тысяч были серьезно ранены. Без вести пропал 821 человек. От последствий бомбардировок люди продолжали умирать и через много лет после агрессии. В любом случае количество жертв в этих двух акциях почти совпадает.

В последней дате есть безусловная символика: получается, что XX век начался и закончился на Балканах. Начался если не с Балканских войн, то с сараевского выстрела Гаврило Принципа в 1914 г., закончился — с натовской агрессией в 1999 г.

Для Сербии возможны некоторые уточнения. Так, одним из последствий агрессии НАТО было падение режима Милошевича в Сербии во время «бульдозерной революции» 2000 г. Тем самым закончились наконец социалистический и неосоциалистический периоды развития страны. Наступил новый исторический этап.

Тем не менее сербский историк Коста Николич пишет, что, хотя свержение Милошевича произошло точно на краю XX в., это еще «не было историческим концом сербского XX века, поскольку в победившей коалиции (ДОС) вместо обсуждения будущего и создания демократической государственности сразу возник конфликт около “политики по отношению к прошлому”». В результате концом сербского XX века Николич считает «прекращение функционирования Государственного сообщества Сербии и Черногории (2006 г.), так как обновление черногорской государственности перечеркнуло вековое представление о Черногории как сербском государстве»³¹.

В 2006 как рубежном для Сербии есть, несомненно, свой резон. Нам представляется, что главным поражением Сербии в процессе югославского кризиса на рубеже XX и XXI вв. вовсе не была фактическая потеря Косово. Во многом она случилась раньше, еще до прихода к власти С. Милошевича. Показателем этого стал происходивший в течение всего времени существования социалистической Югославии уход из края сербского

---

³¹ Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20. веку. Београд, 2016.

населения³². Главным же поражением, на наш взгляд, стал разрыв с Черногорией. Правда, потеря Косово, являющегося духовной колыбелью сербов, воспринимается в сербском национальном сознании гораздо болезненнее, чем отделение Черногории. Одновременно главным достижением сербов стало возникновение в Боснии и Герцеговине Республики Сербской, автономия которой после Дейтонских соглашений 1995 г. получила международное признание.

---

³² К. Николич и С. Цветкович приводят такие цифры: в 1961 г. сербов в крае было 23,55%, в 1981 г. — уже 13,22, а в 1991 г. — 9,93%. Конечно, нужно учитывать и самую высокую в Европе рождаемость у албанского населения Косово. См.: *Николић К., Цветковић С. Срби и Албанци на Косову и Метохији*. Београд, 2014. С. 322. В настоящее время после агрессии НАТО сербов в крае еще меньше.

ВЗГЛЯД РУССКИХ И СЕРБОВ ДРУГ НА ДРУГА

Как начиналось изучение русско-сербских взаимоотношений, взглядов одного народа на другой, какая научная литература существует по этой теме? Начинать, по-видимому, нужно с Ирины Степановны Достян. Она смело бралась за новые, еще не разработанные в историографии темы. Одной из таких тем стало отражение в русской общественной мысли первой четверти XIX в. взглядов на балканские народы, в частности на сербов. Этой теме И.С. Достян посвятила специальную монографию «Русская общественная мысль и балканские народы»³³. Мы солидарны с М.В. Беловым, который назвал это исследование «пионерским»³⁴.

Отметим и то, что книга И.С. Достян в определенной мере послужила началом серии работ, в том числе относящихся к популярному ныне в славистике и балканистике научному направлению, в котором обобщаются разнообразие свидетельства одних народов

---

³³ Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.

³⁴ См.: Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., предисл., биогр. справки, комм. и закл. ст. М.В. Белова. СПб., 2018. С. 3.

о «других»³⁵. Из работ, относящихся к первой половине XIX в., нужно назвать монографию российского исследователя М.М. Керимовой³⁶.

Однако переворот в теме восприятия сербов русскими (уже применительно ко второй половине XIX — началу XX в.) во многом произошел благодаря многолетнему труду А.Л. Шемякина, который вылился в трехтомное издание документальных свидетельств «Русские о Сербии и сербах»³⁷. Причем Шемякин прямо подчеркивал, что хронологически его работа — продолжение труда Керимовой. Он писал, что имеется ряд работ, касающихся русских свидетельств о сербах применительно к первой половине XIX в., и «самое фундаментальное исследование, где все они практически были собраны и обработаны, — это монография российского этнолога М.М. Керимовой³⁸.

Активная публикаторская и исследовательская деятельность А.Л. Шемякина требует особого изучения. И оно уже ведется. Отметим лишь, что автор прямо или косвенно вел острую дискуссию, вступал в ожесточенный спор с рядом сербских исследователей, которые,

---

³⁵ См., например, одну из последних работ: Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / под общ. ред. О.В. Хавановой. М.; СПб., 2020.

³⁶ См.: Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.

³⁷ См.: Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб, 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост., подг. к изд., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. М., 2014; Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) / сост., введ. А.Л. Шемякина; комм. А.Л. Шемякина, А.А. Силкина. СПб.; М., 2019.

³⁸ См.: Шемякин А.Л. Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 11.

по его словам, занимались «европеизированием» собственной истории — «значительно больше, чем она того заслуживает». Вместе с тем «реальная жизнь Сербии в последней трети XIX — начале XX в., — по мнению А.Л. Шемякина, — никак не соответствовала тем “современным” формам, в кои облачают ее многие сербские историки»³⁹.

Подчеркнем еще раз, что А.Л. Шемякин поднял историко-имагологические работы по сербской тематике на качественно более высокий уровень. Уже после выхода его работ, опираясь на них, большую публикацию о свидетельствах русских путешественников о Балканах в первой половине XIX в. подготовил профессор Нижегородского университета М.В. Белов⁴⁰. Причем совсем не случайно в названии его труда словосочетание «братья-славяне» взято в кавычки. По мнению историка, в это время «“славянское братство” продолжало оставаться неочевидным для русских авторов, побывавших на Балканах. ... Балканские славяне представлялись крайне противоречивыми субъектами в текстах русских наблюдателей...». И только во второй половине XIX в. «все затруднения были благополучно забыты. “Братская риторика” укрепились в период подготовки к проведению Славянского съезда в Москве и во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.»⁴¹.

Скажем и о том, что упомянутые работы А.Л. Шемякина получили столь же качественное развитие в Сер-

---

³⁹ *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 645, 670.

⁴⁰ См.: Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века.

⁴¹ *Белов М.В.* На пути к славянскому братству. Претворение опыта русских путешественников на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. С. 588–589.

бии. Почти зеркальным ответом на его исследования стали работы профессора Белградского университета Мирослава Йовановича⁴².

В целом о сербском отношении к русским, в том числе в XX — начале XXI в., написано уже много. Интерес к России в Сербии не ослабевает. По подсчетам того же М. Йовановича, за первое десятилетие XXI в. только о современной России в Сербии опубликовано, как минимум, 30 книг, а общее количество статей, в том числе и в Интернете, даже трудно сосчитать. Ничего подобного не наблюдалось в отношении США и других западных стран.

Впрочем, количество не всегда переходило в качество. По словам М. Йовановича, авторы этих книг, как правило, не только не имели каких-либо специальных знаний о России и российской реальности, но часто не знали даже элементарных вещей. Таким образом, интерес к России во многом замешен на мифотворчестве, а не на рациональном знании. Большинство подобных авторов часто не видели особой разницы между Сербией и Россией: поучали последнюю, как надо было поступать в том или ином случае, в частности более правильно проводить политику защиты Сербии⁴³.

Принято считать, что из всех славянских и балканских народов именно сербы настроены наиболее русофильски. И это совершенно справедливо. В основе такого отношения лежит благодарность за помощь России при освобождении Сербии от османского ига. Причем часто в сербском представлении Россия представляла

---

⁴² См.: Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија / приредио М. Јовановић. Београд, 2011; *Јовановић М.* Срби и Руси. 12–21 век. (Историја односа). Београд, 2012.

⁴³ См.: *Јовановић М.* Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // *Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka.* Београд, 2010. S. 13–14.

в идеалистическом ореоле: «Бог на небе и Россия на земле». Старые идеалистические представления никуда не исчезли, благодаря чему русофильство стало даже частью сербского национального самосознания. Однако не все, конечно, так просто.

Во-первых, русско-сербские (советско-югославские, но тоже понимаемые преимущественно как русско-сербские) отношения не всегда были безоблачными. Это в полной мере справедливо для XX в. Известно, например, неприятие большевизма королем Александром Карагеоргиевичем, когда между Югославией и Советским Союзом не было даже дипломатических отношений. Следующий период осложнения отношений был связан с конфликтом между Сталиным и Тито в 1948 г. И даже после нормализации отношений случались периоды новых охлаждений.

Официальная политика России во время югославского кризиса 1991–2001 гг. многими в Сербии воспринималась негативно и даже как прямое предательство. Завышенные ожидания сербов от России существовали всегда и никуда не исчезли. В итоге в ответ на политику Ельцина — Козырева С. Милошевич поддерживал связи с российской коммунистической и националистической оппозицией, что, естественно, не способствовало сближению двух стран в тот период.

Во-вторых, если в простом народе, прежде всего в сербском крестьянстве, из поколения в поколение воспроизводилось русофильство, то среди части политической и интеллектуальной вестернизированной элиты регулярно возникали прозападные настроения⁴⁴. В результате с внешнеполитической повестки дня Сербии никогда не сходил вопрос о ее пророссийской

---

⁴⁴ С середины XIX в. сердцевину подобной элиты составляли «париэлии» — молодые интеллектуалы, получившие образование во Франции, преимущественно в Париже. Отсюда и их название.

или прозападной ориентации. Эта дилемма актуальна и в наши дни⁴⁵. Так, современное сербское руководство, проводя политику интеграции в Евросоюз и определенного заигрывания с НАТО, натолкнулось на протесты населения во многих городах Сербии.

В любом случае сегодня в Сербии можно встретить как искреннее русофильство, так и, правда в меньших размерах, антирусские настроения и даже русофобию. М. Йованович считал, что эти два противоположных отношения к России с течением времени не только не сглаживаются, но еще более углубляются и радикализируются. Причем в обоих дискурсах эмоции преобладают над рациональностью («любить vs ненавидеть»), являясь частью внутренней политической и идеологической борьбы⁴⁶.

Проживший в Сербии два года россиянин о разделении сербов на русофобов и русофилов написал следующее: «К группе русофобов относятся в первую и основную очередь так называемые западники, то есть люди, считающие, что Сербия — это часть западного мира и что антитезой Запада является Россия. Эта группа идеализирует Запад, в особенности ЕС. Россию же, сознательно демонизируют, наделяя ее всяческими пороками и недостатками. Как правило, эти люди относятся к ведущим слоям сербского общества. Они в основном образованны и относительно успешны».

«Группа русофилов состоит из двух неравнозначных частей. Первая группа — это, собственно, и есть русофилы, являющиеся таковыми в большей степени из-за

---

⁴⁵ Обзор литературы по этой проблеме см., например: *Калоева Е.Б.* Сербия между Востоком и Западом // Современная Россия в оценках восточноевропейцев. М., 2009. С. 126–139. См. также: *Мировић Д.* Запад или Русија. Београд, 2004.

⁴⁶ См.: *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима. С. 20, 35.

религиозных и культурных соображений. Для таких людей характерно уважение к лучшим образцам российской национальной культуры и ощущение совместной православной идентичности. Таких людей немного. Эти люди имеют несравнимо малое влияние в сербском обществе в сравнении с русофобами. Их голос почти не слышен, а если иногда и бывает услышан, то только для того, чтобы стать предметом ироничных комментариев». Другая, более многочисленная часть русофилов «может быть отнесена к условным русофилам. Россия, по их мнению, должна взять на себя роль защитника Сербии и сербов в различных значимых для них вопросах. Сама Россия как таковая, ее культура, самобытность, ее внутренняя жизнь, ее радости и проблемы таких людей волнует мало или не волнуют совсем».

«Основную же часть сербского общества можно отнести к неопределившимся. По большому счету, Россия для них далекая и безразличная, а также малоинтересная страна, о которой известно не очень много, а большая часть из того, что известно, базируется на различных предрассудках и стереотипах». Есть также небольшая группа людей, «которые, не являясь ни русофобами, ни русофилами, стараются быть беспристрастными и объективными. К счастью, и среди комментаторов СМИ, порой встречаются такие здравомыслящие и неангажированные люди».

«Касаясь отношения к русским как к этносу, следует отметить, что оно также подвержено влиянию различных предрассудков. Так, зачастую, по этим представлениям, все русские мужчины, как есть, повально алкоголики. А женщины России не отличаются высокой моралью и легкодоступны»⁴⁷.

При всей субъективности и даже нарочитом оппонировании общепринятому мнению эти наблюдения

---

⁴⁷ URL: <http://maxpark.com/user/sergmalinin/content/370749>

зигждутся не на пустом месте, какое-то рациональное зерно в них, безусловно, есть. По крайней мере, они заставляют задуматься.

Повторим, что не только в отношении к России как к стране, но и в отношении к русским в Сербии существуют твердые мифологические конструкции, связанные с симпатией или антипатией отдельных лиц, их семей, окружающей среды. Чаще, конечно, эти мифы имеют положительную окраску. «Отец посадил меня на колени и рассказал о России» или «Дедушка завещал держаться русских» и теперь можно услышать в неофициальных обсуждениях из уст многих граждан Сербии⁴⁸. Несколько лет назад автору этих строк белградский таксист, серб из Черногории, напевал любимую песню своего отца: «Плови патка, плови гуска, ова земля биће руска»⁴⁹. Ну где еще такое можно услышать!

* * *

Первоначально знакомство русских с сербами происходило через рассказы вернувшихся домой редких путешественников. Но, конечно, гораздо сильнее на формирование образа другого народа действовали не одиночные встречи, а массовые контакты. Один из первых подобных контактов русских с сербами произошел в XVIII в. Тогда в Российскую империю переселилось несколько тысяч сербов, основавших на территории Новороссийского края (нынешних Кировоградской и Луганской областей Украины) поселения, получившие названия Новая Сербия и Славяносербия⁵⁰. Другой

---

⁴⁸ Timofejev A. Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopolitičkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Ibid. S. 20.

⁴⁹ «Плывет утка, плывет гусыня, эта земля будет русской» (серб.).

⁵⁰ См.: *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. М., 2006. С. 259–260. Подробнее см.: *Рудяков П.* «В службу и вечное

массовый контакт произошел спустя сто с лишним лет и уже на территории Сербского княжества, куда для участия в сербско-турецкой войне 1876 г. прибыло около 3 тыс. русских добровольцев.

В XX в. таких контактов было больше. Сначала русские солдаты и офицеры воевали вместе с сербами на балканских фронтах Первой мировой войны. Затем миллионы русских людей оказались в изгнании после 1917 г., и около 40 тыс. из них осели в Югославии⁵¹. Учитывая то, что почти весь межвоенный период дипломатические отношения между Югославией и Советским Союзом отсутствовали, сербско-русские отношения в данное время — это отношения сербов с русскими беженцами и их выросшими детьми⁵². Осенью 1944 г. произошел еще один массовый контакт. Сербь повстречались с воинами Красной Армии (в большинстве своем этнически русскими), участвовавшими в освобождении от фашистов Белграда и Северо-Восточной Сербии.

В противоположную сторону — из Сербии в Россию — перемещение имело совершенно иные масштабы. Во время Первой мировой войны некоторые мобилизованные сербы из Австро-Венгрии, попав на Восточном фронте в плен, задержались затем в России, став, в частности, участниками революции и Гражданской войны. Немного позже другим каналом связи двух народов

подданство...». Сербские поселения Новая Сербия и Славяно-сербия на украинских землях (1751–1764). Киев, 2001; *Костић М.* Нова Србија и Славеносрбија. Нови Сад, 2001.

⁵¹ По теме русской эмиграции в Югославии существует обширная литература. См., например: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. Из последних работ см.: Столетие двух эмиграций. 1919–2019. М.; Белград, 2019.

⁵² Из редких исключений, впрочем, получился сборник документов: Советско-югославские отношения 1917–1941 гг.: Документы и материалы. М., 1992. См. также: *Животић А.* Югославско-советские отношения. 1939–1941. М., 2019.

в межвоенный период стала деятельность сербских (югославских) коммунистов по линии Коминтерна. Это нелегальное взаимодействие было достаточно долгосрочным, но априори не могло стать массовым⁵³.

Несколько лет после Второй мировой войны отношения двух стран были беспрецедентно тесными. В 1945–1948 гг. в югославской (и сербской прежде всего) культуре явно ощущалось советское присутствие: «Повсюду продавались произведения советских писателей, между окончанием войны и июлем 1949 г. на сербохорватский язык были переведены 589 советских книг, в югославских кинотеатрах показывали сплошь советские фильмы, политические песни сочинялись с оглядкой на советские образцы, театральные сезоны открывались премьерами русских и советских пьес»⁵⁴.

После разрыва отношений в 1948 г. некоторые граждане Югославии, которые учились или пребывали в СССР с другими целями, не захотели (возможно, не смогли) вернуться домой. Некоторые сами бежали в СССР и другие страны «народной демократии» из Югославии. Они составили югославскую политическую эмиграцию. Этих так называемых «информбюровцев» было около 5 тысяч. В СССР их было, как минимум, 628 человек (около 60% — сербы и черногорцы)⁵⁵.

Многие из них получили советское гражданство, часть — женились на русских и во многом обрусели⁵⁶.

---

⁵³ См.: Столетие двух эмиграций. 1919–2019.

⁵⁴ Зуппан А. Югославская культурная политика в эпоху Тито // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. М., 2016. С. 478.

⁵⁵ См.: Милорадович Г. Югославская политическая эмиграция в Советском Союзе в 1948–1956 гг. // Столетие двух эмиграций. С. 106–110.

⁵⁶ См., например: Из Югославии в СССР, или Непридуманные истории из жизни одного поколения. СПб., 2009.

Но были и те, кто вернулся в Югославию со своими русскими женами. Они тут же попали под подозрение. По словам М. Джиласа, «русские супруги» наших офицеров и функционеров были разоблачены почти без исключения как советские шпионки»⁵⁷. Трудно сказать, насколько такие обвинения были обоснованны.

Смешанные браки случались и в дальнейшем. С конца 1950-х — начала 1960-х годов Югославию затронула так называемая «брачная волна» эмиграции, когда после смерти Сталина произошла нормализация отношений между двумя странами и были разрешены браки между гражданами СССР и иностранцами. Но в основном эта волна эмиграции проявилась позже, в конце советского периода, и затронула советских (русских) женщин, вышедших замуж за учившихся в России сербов и уехавших с ними в Югославию⁵⁸.

Новый размах «брачная волна» получила в 1990-е годы, во время югославского кризиса и антисербских санкций. Тогда в России работали десятки тысяч сербов, главным образом строителей. Это был пик сербского присутствия в России, сопоставимый по численности с межвоенной русской диаспорой в Сербии. Массовое присутствие в России молодых сербских мужчин не могло не привести к увеличению смешанных браков.

В свою очередь, в годы югославского кризиса на стороне сербов воевали сотни русских добровольцев. Некоторые из них женились на сербах и остались жить в Сербии и Республике Сербской. Тогда же в бывшей

---

⁵⁷ Цит. по: Милорадович Г. Югославская политическая эмиграция. С. 104.

⁵⁸ См.: Дрляча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Русские в Сербии как исторический и социально-культурный феномен // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 81–82, 107–109.

Югославии с миротворческой миссией побывали тысячи российских военнослужащих и полицейских⁵⁹.

* * *

Теперь посмотрим подробнее, как упомянутые нами массовые контакты влияли на представления сербов о русских и России и что об этом думали сами русские.

Отношение к русским в годы Первой мировой войны было самым радушным. По свидетельству очевидца, среди офицеров и солдат раздавались такие реплики: «Без руса мы бы пропали, без русского войника мы бы давно были швабами; Россия — нам мать», а на всякого русского они смотрели «приветливо и доброжелательно»⁶⁰. Однако, как известно, Первая мировая война, скорее, завершала «долгий XIX век». По наблюдению М. Йовановича, эта война была пиком исторического развития связей двух народов. После нее в русско-сербских/сербско-русских отношениях начинается совершенно другая эпоха⁶¹.

Тем не менее отношение к русским в военные годы распространилось и на спасавшихся после Октябрьского переворота 1917 г. русских беженцев. Их тоже ожидал в Сербии очень доброжелательный прием. Кроме традиционного русофильства, сказывалась и благодарность за помощь России во время Первой мировой войны. Особо почитался у сербов царь-мученик Николай II (подобно любви соседних болгар к царю-освободителю

---

⁵⁹ См., например: Наши миротворцы на Балканах. М., 2007; Югославия: участники событий вспоминают. СПб., 2021.

⁶⁰ Астромов Б. В тылу полей кровавых (Сербия и Болгария). Пг., 1916. С. 19–33 // Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 599–600.

⁶¹ См.: Йованович М. Срби и Руси. 12–21. век (историја односа). Београд, 2012. С. 155.

Александру II). Сказывалось и то, что симпатию к русским испытывал воспитанник русского Пажеского корпуса король Югославии Александр Карагеоргиевич.

Радужный прием русских беженцев в Сербии бесспорен, это отмечают все — и очевидцы, и исследователи «первой волны» русской эмиграции. Так, например, русские беженцы сообщали своему уполномоченному в Белграде С.Н. Палеологу: «Прежде всего следует отметить необыкновенно теплое, даже восторженное отношение сербов ко всем русским без различия. Первым партиям русских беженцев, приехавшим из Одессы, устраивались триумфальные встречи по всему пути их следования с участием высших представителей военных и гражданских властей и множеством народа, радостно приветствовавшего русских»⁶². Русские эмигранты из других европейских стран со стороны еще лучше видели разницу в размещении беженцев: «И хочется сказать несколько искренних слов русским людям в Югославии... Вы живете в стране, где так же любят Россию, как сами русские...»⁶³

Появление русских беженцев, кроме радушия, вызвало понятное любопытство. Затем к ним стали присматриваться. «Бросалась в глаза неприспособленность пришельцев к повседневной жизни, их нежелание прочно устроиться... Удивляли и пренебрежение беженцев к быту, их нарочитая вежливость и изысканность манер»⁶⁴. Русские «держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали в пять, пили

---

⁶² Цит. по: *Йованович М.* «Русской песне тесно под южным небом. Ей нужно пространство, высокое небо...». *Образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // Человек на Балканах глазами русских.* СПб., 2011. С. 258.

⁶³ Цит. по: *Йованович М.* *Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940.* М., 2005. С. 204.

⁶⁴ *Арсеньев А.Б.* *У излуцины Дуная.* М., 1999. С. 154.

вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом... На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов»⁶⁵.

Удивляло даже отношение русских к домашним животным. Русские охотно заводили собак и кошек, «подбирали их во дворах или на улице, кормили бездомных котят, возбуждая насмешку или недовольство соседей»⁶⁶. Многие сербы старшего поколения вспоминали, что привычку подкармливать бездомных собак и кошек они также восприняли от русских.

Особенно была заметна разница в поведении русских и сербов в провинции. Русские меняли даже сам облик мест, где они разместились. Разительные перемены произошли, например, в небольшом воеводинском городке Сремски-Карловци, в котором расквартировалась основная часть штаба главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля. По воспоминаниям очевидцев, «щеголеватые офицеры... и балы навеивали дурман на все местечко, за ночь превратившееся в шумный военный табор. Первые долги господа погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством не способным скрыть свою ошеломленность и восторг»⁶⁷.

---

⁶⁵ Цит по: *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч. I. М., 2007. С. 26.

⁶⁶ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 161.

⁶⁷ *Он же.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах // Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии — последних 60 лет и сегодня. Белград, 2009. С. 156.

И еще одно свидетельство жительницы Сремски-Карловцев: «Здесь русские не общались с местным населением. У них был свой “клуб”. ... Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами... Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привезти эту уйму книг. ... Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужей они видели под башмаком своих жен, а тех — ленивыми. Говорили: «“те” отлеживаются, читают, командуют, а “эти” готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой»⁶⁸.

В патриархальной, крестьянской Сербии русским женщинам доставалось особо. Местное население делало вывод, что приехавшие к ним русские действительно «славные люди, только женщины у них дрянь. По целым дням вылеживаются на кроватях и диванах, жалуясь на мигрень. ... Однако мужья терпят и воркуют возле этих ипохондрических привередниц»⁶⁹. «Русских женщин упрекали в лени и чтении книг, в чрезмерном внимании к уходу за собой и своему туалету, а их супругов — за ведение домашнего хозяйства (работы “чисто женской”)⁷⁰.

Исследователь русской эмиграции на Балканах М. Йованович писал: «Реальная жизнь приводила к контактам двух во многом различных культур, менталитетов и привычек. Это было и своеобразной встречей людей севера с природной средой Юго-Восточной Европы и связанным с ней бытом, который многим был незнаком и чужд, так же как и многие другие обычаи и культурные особенности новой среды. Со своей стороны балканские народы столкнулись с людьми,

---

⁶⁸ Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. С. 158–159.

⁶⁹ Там же. С. 156.

⁷⁰ Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. С. 154.

у которых было другое восприятие пространства и времени, другое мировосприятие, иное отношение к детям, противоположному полу или собственному телу. Когда эмигранты и балканские общества оказались в реальном контакте, вскоре выяснилось, что у этих “других” почти все по-другому, от пространства и времени до привычек, миропонимания и культуры...»⁷¹

«Это была встреча (а затем и совместное существование), — писал далее М. Йованович, — двух совершенно различных миров. Русского — в основном городского, который был представителем буржуазной культуры и исключительно высокого, по стандартам того времени, образовательного уровня (12–15% лиц имели высшее образование и 60–65% — среднее), и сельского балканского (около 80% населения проживало в деревнях) — в основном неграмотного (свыше 50% населения), все еще находившегося под сильным влиянием патриархальных, сельских культурных образцов поведения и традиций... Русский городской элемент оказался в мире сельских патриархальных Балкан...»⁷²

Так или иначе, русским пришлось привыкать к сербской жизни, а сербам — к русским людям, «которые посреди патриархального балканского общества “купались в море посреди зимы”, иногда и “без соответствующих купальных костюмов”, которые даже “целовали женщинам руки” и “дарили цветы”, которые постоянно “пили чай”»⁷³

Особенность межвоенной русской диаспоры в Сербии состояла в том, что она не стремилась к натурализации, веря в скорое возвращение домой, а затем — в особую миссию Зарубежной России. В этом было их

---

⁷¹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 211.

⁷² Там же. С. 194–195.

⁷³ Там же. С. 217.

отличие от сербских переселенцев XVIII в. в Российскую империю, которые в родственном окружении чрезвычайно быстро ассимилировались. Русские в Сербии все же были изгнанниками, а не добровольными переселенцами. Более того, русские принимали специальные меры для сохранения своей идентичности, искусственной «закрытости». Как упоминалось, интеграции мешал и совершенно различный культурный уровень. Но, с другой стороны, этот высокий уровень культуры у русских влиял «на само окружение, меняя, расширяя и развивая некоторые из местных доминантных культурных образцов и стандартов»⁷⁴.

Собирательный образ русского можно найти в произведениях Милорада Павича — классика современной сербской литературы. Так, у него «русские всегда образованны, склонны к философствованию, но при этом несколько далеки от жизни». Жена русского офицера уже много лет живет в Сербии, но не знает ни слова по-сербски. «Русские эмигранты не интегрируются или не хотят интегрироваться в то общество, в котором уже живут, однако с огромным удовольствием делятся своим языком, литературой и культурой. Потеряв родину, они цепляются за все, что есть в них русского»⁷⁵.

Сербский этнолог Д. Дрляча видит причины известной обособленности русских эмигрантов от сербов еще и в наличии в менталитете этих двух народов целого ряда несовпадений. К ним он причисляет, например, большую приверженность русских к религии; их тягу к литературе, живописи, музыке; преданность своему делу; большую эмансипированность русской женщины

---

⁷⁴ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 222.

⁷⁵ Шатко Е.В. Русские мотивы в прозе Милорада Павича // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 529.

в семье и обществе, различия в статусе мужчин у этих двух народов и т. д.⁷⁶ Впрочем, эти ментальные отличия, возможно, кроме религии, вполне вписываются в отмеченную выше разность культурного уровня у представителей двух народов в момент их встречи.

Некоторые несовпадения в отношении русских и сербов к религии отмечали многие. По заключению одного из летописцев русской эмиграции в Югославии, В. Маевского, «сербы не привыкли к длинным службам и храмы посещали не особенно усердно; монашество у них было в упадке, и монастыри все больше пусты. Вообще, сербское православие не богато мистикой; оно какое-то практическое, и есть в нем что-то привычное и формальное... Служат сербы в большинстве недостаточно проникновенно; еще того хуже поют, — конечно, на русский избалованный вкус... Но простой народ, хотя и реже ходит в церковь, службу знает лучше русских». Во всяком случае, делал вывод Маевский, церковный быт русский и сербский разительно друг от друга разнятся⁷⁷. Маевскому вторит Зинаида Гиппиус. «Сербское православие, — по ее впечатлениям, — не совсем российское православие. Ниже или выше, хуже или лучше, — другой вопрос, но не такое: более бытовое и народное, более простое, а главное, — более веселое»⁷⁸.

И еще немного об упоминавшемся пристрастии русских людей к чтению. Действительно, «оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные поражались, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет. А их, вопреки трудностям, выписывали

---

⁷⁶ См.: Дрляча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Русские в Сербии... С. 102–103.

⁷⁷ См.: Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 166–167.

⁷⁸ Цит. по: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. М., 216.

из Берлина, Парижа, Риги, Шанхая... В русских домах постепенно создавались личные библиотеки»⁷⁹.

У сербов сложилось впечатление, что русские постоянно читают. В газете «Политика» в 1936 г. была опубликована фотография пожилого человека, читающего книгу, с пояснением: «Если видите в белградском трамвае кого-то читающего книгу — это обычно русский человек»⁸⁰. Русские привезли с собой не только книги, но и «традицию и культуру чтения — открывали библиотеки во всех местах, где это допускали обстоятельства»⁸¹.

Тяга русских к литературе, литературной деятельности не прошла незамеченной для сербов. Более того, возможно, именно эта черта новых соседей оказала на сербский образ жизни самое глубокое влияние по сравнению со всеми другими русскими привычками. Известный сербский литературовед и автор одной из первых серьезных книг о русской эмиграции в Сербии О. Джурич отмечал, что русская интеллигенция своей деятельностью способствовала тому, чтобы литературно-культурная жизнь вошла в привычку у молодого, еще бедного кадрами сербского общества. «На сербских просторах, где... книга только начинала стремиться к своей высокой духовной планке, русское преклонение перед письменным словом стало небесным даром. На домашнем культурном небе оно пронеслось как яркий след кометы...»⁸²

Однако с течением времени идиллия в русско-сербских отношениях стала исчезать. Русские стали

---

⁷⁹ Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. С. 159.

⁸⁰ Цит. по: Живанович М. Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы // Столетие двух эмиграций. 1919–2019. С. 167.

⁸¹ Цит. по: Там же. С. 167–172.

⁸² Ђурић О. Руска литерарна Србија. 1920–1941. (Писци, кружоци и издања). Београд, 1990. С. 271.

надоедать. «В широких слоях сербского общества стали задумываться над вопросом о русских эмигрантах: правда, это были гости и братья, но все же неожиданные; к тому же их было много, и неизвестно, на сколько времени они прибыли». Сербь так и не поняли, «отчего русские люди с оружием в руках боролись с большевизмом и оставили свою богатую родину для великих испытаний на чужбине? ...они не желали слушать, что им говорили эмигранты, и потому последние просто казались им людьми несерьезными, по какому-то капризу... покинувшими отечество». «По существу... между сербским обществом и русской эмиграцией оказалось мало точек соприкосновения, мало общего». Иллюзии уходили вместе со старшим поколением. «Сербь среднего и молодого поколения не знали русских и не интересовались ими, а русские не знали сербов»⁸³.

Сама «русская эмиграция не давала себе труда спросить, что и как нужно делать и как вести себя в новой среде... При этом нужно отметить, что положение усугубляли представители русского беженского “бомонда”... Его представители, зачастую весьма неудачные, привезли воспоминания блистательного С.-Петербурга, немного ценных вещей и много высокомерия... князь, графы и просто особы первых классов слишком красочно рассказывали о своем богатом и привольном житье на родине, давая иногда довольно неделикатно понять, что делают большое одолжение сербам, пребывая в их обстановке. И сербь это заметили, позавидовали и обозлились, начав вскоре посмеиваться над русскими...». Появились даже анекдоты, статьи в газетах и передачи по радио о русских, которых высмеивали под собирательными именами «Сережи» и «Ниночки». «Но беспечный русский “бомонд”, ничего этого не замечая, продолжал свою жизнь эмигрантской

---

⁸³ Маевский В. Русские в Югославии. С. 12–14.

богема на барский лад. Правда, отсеялась и выделилась серьезная часть эмиграции, но она была очень занята и не бросалась в глаза»⁸⁴. Попутно заметим, что в самой эмигрантской среде был популярен другой собирательный образ русского — студента Пети Абрикосова, простодушного и наивного мечтателя.

С течением времени отношение к русским в результате совместного проживания стало в лучшем случае нейтральным. Причем старшее поколение относилось к русским лучше, чем молодое, и по-прежнему «даже с благосклонностью». Отличалось отношение к русским и в разных слоях сербского народа. Как отмечал С.Н. Палолог, «вне всякого упрека к нам относятся: высшее Правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства... Средний класс: городские жители и торговцы совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас как на элемент, подлежащий эксплуатации, дерут с нас три шкуры (в особенности за комнаты)... Чувства симпатии... явление почти исключительное. Селяки, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: “Зашто смо допутовали из России?”»⁸⁵.

Но все же постепенно русские привыкали к устоям и традициям сербов. Югославия становилась для них «все более близкой и дорогой». У второго поколения эмигрантов уже достаточно часто отмечались смешанные браки⁸⁶. В частности, в метрических книгах русского церковного прихода в г. Нови-Сад отмечено, что в период между двумя мировыми войнами было зарегистрировано 226 церковных браков, из них

---

⁸⁴ Маевский В. Русские в Югославии. С. 68–71.

⁸⁵ «Почему мы приехали из России?» (серб.). См.: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 216.

⁸⁶ См.: Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. С. 165.

40% смешанных⁸⁷. Правда, смешанные браки у эмигрантов были обусловлены еще и ненормальным — 70 на 30% — соотношением между мужчинами и женщинами. Поэтому в эмигрантской среде наблюдался также исключительно большой процент лиц, не состоявших в браке — до 40%⁸⁸.

Тем не менее русские так и не стали до конца своими. Настороженность по отношению к ним осталась. Как уже отмечалось, отчасти в этом были повинны и сами русские — своим образом жизни и своим поведением. Они продолжали ощущать себя в Югославии инородным телом. «Парадоксально, что такое ощущение с течением времени усиливалось, вместо того чтобы в процессе обживания постепенно ослабнуть и уменьшиться»⁸⁹.

После начала Второй мировой войны и оккупации Сербии отношение местного населения к русским совсем испортилось. Прежде всего это произошло, поскольку многие эмигранты пошли служить в организованный немцами «Русский охранный корпус». В результате русские «стали объектами физических и вербальных нападений». По стране даже «прокатилась волна убийств русских эмигрантов». «Взаимопонимание между русскими эмигрантами и сербским населением становилось с каждым днем все более призрачным. “Батюшка Сталин” и “Красная Армия” вызывали полностью противоположную реакцию у значительных масс сербского населения и убежденных антикоммунистов из рядов русской эмиграции»⁹⁰.

---

⁸⁷ См.: *Арсеньев А.Б.* Русская колония в Нови-Саде // Русские в Сербии. С. 172

⁸⁸ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 401.

⁸⁹ Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941. Т. I. Београд, 2006. С. 111.

⁹⁰ *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 27–28; *Тимофејев А.Ј.* Руси и други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.

Еще один массовый контакт сербов с совсем другими русскими — советскими гражданами — произошел, как уже упоминалось, при освобождении Восточной Сербии Красной Армией осенью 1944 г. Причем, как пишет автор подробного исследования о «русском факторе» в Югославии в годы Второй мировой войны А.Ю. Тимофеев, «поведение советского солдата в Сербии осенью 1944 г. и отношение к нему местного населения оказали в дальнейшем исключительное влияние на формирование стереотипов друг о друге»⁹¹.

Вновь, как и в годы Первой мировой войны, практически все советские воины — участники освободительных боев запомнили радушие и гостеприимство сербского населения. В частности, едва советские солдаты появились в Белграде, их сразу бросились обнимать местные жители. Очевидец вспоминал: «В руках цветы, флажки. Обнимают солдат, зовут в гости, забыли, что освобождение города только началось. И так было везде: часто на одном конце улицы еще идет бой, а на другом конце, уже освобожденном... счастливые люди обнимают бойцов-освободителей»⁹².

Теплыми и сердечными были встречи советских воинов во всех сербских селах и населенных пунктах на пути следования Красной Армии. Еще более дружеские чувства проявляли товарищи по оружию — титовские партизаны. Довольно быстро красноармейцы и партизаны сблизились еще теснее, «чему способствовало неофициальное общение в форме коллективных пьянок». Это стало уже опасным и вызвало острую реакцию политорганов Красной Армии⁹³.

---

⁹¹ Тимофеев А.Ю. Русский фактор. С. 246.

⁹² Там же. С. 320.

⁹³ См.: Тимофеев А.Ю. Военнослужащие Красной Армии и население Сербии: опыт взаимовосприятия // Человек на Балканах глазами русских. С. 277, 293–294.

Сербы ожидали Красную Армию как свою освободительницу. Особое восхищение вызывала у них «многочисленная и мощная советская бронетехника». Вместе с тем солдаты были измотаны боями и многокилометровыми переходами. Очевидцы вспоминали, что красноармейцы «оставили печальное и крайне тяжелое впечатление. Ужасно плохо одеты и обуты». И это разочаровывало сербское население. Сербы смотрели с сожалением и на неумеренно пьющих русских. Отдельные военнослужащие совершали криминальные и антисоциальные поступки. Горький привкус от всего этого не мог, однако, изменить общую «радость освобождения от немцев, принесенного бойцами Красной Армии»⁹⁴.

В годы войны случилась и значительно меньшая по масштабам «вторая волна» русской эмиграции, которую составили так называемые «ДР», или «насильственно перемещенные» лица. В данном случае это были угнанные на работу в Германию советские девушки, некоторые из которых сошлись в неволе с югославскими мужчинами и вернулись затем не в СССР, а в Югославию, ставшую для них новой родиной. По некоторым данным, их было не менее 200 человек⁹⁵.

Следующая «брачная волна» эмигрантов, вернее, эмигранток, была связана с приездом в СССР югославских, в том числе и сербских, мужчин — сначала на учебу, а затем и на работу. Они женились на русских и уже вместе с ними возвращались на родину. Эту волну эмигранток, вероятно, следует разделить на две части. Первая — с конца 1950-х и до конца 1970-х годов, когда, особенно вначале, выход замуж за иностранца и отъезд в Югославию были сопряжены с рядом трудностей, неприятностями на работе или в вузе, беседами

⁹⁴ Там же. С. 299–300, 305.

⁹⁵ См.: *Девич-Романова В.П.* Третья волна россиян в Югославии — Сербии (конец 50-х — 70-е гг.) // *Русские в Сербии*. С. 316–317.

с предупреждениями и т. п. Однако «увенчанные ором романтических героев» югославские юноши привлекали внимание «таких же романтически настроенных россиянок, в основном студенток и интеллектуалок разных профессий». Более поздняя волна была обусловлена уже, скорее, социально-экономическими причинами⁹⁶. И таким образом, она стала частью «третьей волны» русской эмиграции.

Представительница «романтического поколения» россиянок, на долю которых выпали все зигзаги в советско-югославских отношениях, В.П. Девич-Романова пишет, что «нас встретили очень доброжелательно и с готовностью помогали нам, особенно люди, не отягощенные политическими “линиями”. Постепенно мы получили работу, добросовестно трудились, несмотря на трудности материального и морального характера и порою в какой-то степени ошутимую подозрительность»⁹⁷. По ее же подсчетам, таких россиянок, как она, было не менее трехсот человек⁹⁸.

О самой последней брачной волне эмиграции, обусловленной прежде всего экономическими причинами, привлекательностью титовской Югославии по сравнению с застойным Советским Союзом, известно совсем мало. Больше известно о русских, вышедших замуж за сербов в постсоциалистическое время, когда даже экономический фактор остался в прошлом. Более того, в 1990-е годы жизнь в России стала даже привлекательнее, чем в Сербии, страдавшей из-за международных санкций. Десятки тысяч сербов, главным образом строители, работали тогда в России. Это был пик сербского присутствия в России, сопоставимый по численности

---

⁹⁶ См.: Девич-Романова В.П. Третья волна россиянок... С. 316–317.

⁹⁷ Там же. С. 318.

⁹⁸ См. там же. С. 319.

с межвоенной русской эмиграцией в Сербии. Работают сербы в России и сегодня, но в значительно меньшем размере.

В силу заметно выросшей сербской диаспоры в России браки между двумя народами продолжились, и вновь обнаружили отмеченные ранее проблемы. Вновь в русско-сербских отношениях сказывалась разница в менталитетах, тем более что городские русские девушки, часто с высшим образованием, выходили замуж за простых строителей, зачастую родом из пригородной и сельской местности. Но и в городах сербский быт казался россиянкам более патриархальным, они жаловались, что сербские мужчины часто воспринимали их как всего лишь кухарок, домохозяек, домработниц.

Делами в семье часто заправляла «авторитарная мамаша» мужа, которой все не так и не эдак и которой «сынуля боится сказать слово поперек, даже если она не права». И даже когда молодые жили отдельно, мамыши бегали к взрослым сыновьям с кастрюльками еды. В то же время среди сербов, по мнению россиянок, сложно было найти разнеженного парня, скорее, бо́льшая их часть — это немного грубоватые мужчины с жестким характером. Попытки русских жен добиться более независимого положения подводили сербов к выводу о том, что русские девушки — необыкновенные, образованные, хорошо воспитанные, красивые, но, к сожалению, у них «тяжелый характер», они часто ищут только тех, кто бы их обеспечивал. Кроме того, у них есть еще один недостаток — они требуют много внимания и времени.

Отношения между людьми в Сербии казались русским женам более открытыми, простыми, даже грубоватыми — с обращением на «ты» даже к незнакомым, с обилием мата в разговоре, что воспринимается как норма. Но, с другой стороны, люди — доброжелательные, меньше хамства, даже незнакомые люди на улице

или в магазине приветливы друг к другу. И наоборот, сербы поражались, насколько в России неприветливыми были посторонние люди в транспорте, в магазине, в кафе и насколько люди теплые, душевные и радушные, когда тыходишь в круг их общения. «Чужие — замкнутые и заносчивые, а свои — добрые и отзывчивые»⁹⁹.

Как упоминалось, еще один достаточно массовый и длительный контакт сербов произошел с русскими добровольцами и миротворцами во времена югославского кризиса 1991–2001 гг. Конечно, он не идет ни в какое сравнение ни с «первой волной» белой эмиграции, ни с памятью о воинах-освободителях из Красной Армии, ни с женской «брачной волной», но все же и он не прошел бесследно.

Многие добровольцы в качестве самого сильного впечатления о Сербии вновь называли исчезнувшее и даже граничащее с иррациональностью русофильство сербов. В частности, один из первых добровольцев, житель Самары Ю.М. Хамкин, пишет, что не понимает, за что сербы «нас так уважают. Если мы их где-то поддерживаем, они говорят: “Нас с руссами 300 миллионов!” Если предаем, как сейчас, они вздыхают: “Бог высоко, рус далеко. Бог не слышит, рус не чует”»¹⁰⁰.

О.В. Валецкий, проведший на Балканах много времени и написавший о югославских войнах больше других добровольцев¹⁰¹, замечает, что среди сербов «встречал к себе весьма благожелательное отношение». И в то же время, по его мнению, «с сербами русским

---

⁹⁹ См., например: URL: www.balkantravel.ru/forum/5/2219.html; www.datingadvice.ru/marriageser.html

¹⁰⁰ Хамкин Ю.М. Поезжай и умри за Сербию. (Заметки добровольца). Самара, б.г. С. 196.

¹⁰¹ См.: Валецкий О.В. Югославская война. 1991–1995. М., 2011; *он же*. Война в Югославии. М., 2018; *он же*. Война в Косово и Метохии в 1999 году. М., 2019.

воевать было тяжело: слишком много было отличий во всем»; кроме того, сербы были склонны, «с одной стороны, к эйфории и самонадеянности, а с другой стороны — к потребительскому отношению даже к тем, кто стремится им помочь»¹⁰².

Полицейский наблюдатель в Республике Сербская Краина в Хорватии Б.К. Ракитин вспоминает первую встречу в сербском монастыре: «Встретили нас, как родных людей, вернувшихся домой из дальнего путешествия». И далее: «На сербских территориях наша национальность была дополнительным пропуском и защитой»¹⁰³.

Конечно, русских всегда очень подкупало такое отношение сербов к себе. «Вот именно за это я и люблю сербов — за то, что они нас и нашу родину любят больше нас самих, и это трогает до глубины души»¹⁰⁴. Часто русские даже испытывают от этого неловкость. «Такое отношение к русским, безусловно, невероятно льстит, а порой даже и смущает. ...не оставляет ощущение, что не заслужили мы этого. Не такие мы хорошие, как здесь любят думать. ...в самом деле, видя такую любовь и преданность, становится как-то неловко»¹⁰⁵.

---

¹⁰² Цит. по: *Энгельгардт Г.Н.* «Местное общество», политики и военные в балканских войнах 1990-х гг. глазами русского наблюдателя // Человек на Балканах глазами русских. С. 327, 335–336.

¹⁰³ *Ракитин Б.К.* Воспоминания о чужой войне // Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. С. 71, 75.

¹⁰⁴ URL: <http://vladimir-chub.livejournal.com/74725.html>

¹⁰⁵ URL: <http://www.yaplakal.com/forum1/topic829913.html>. Много раньше известный славист П.А. Кулаковский, преподававший в 1878–1882 гг. русский язык и литературу в белградской Великой школе, отмечал примерно то же самое: «России помогает лишь народная вера в нее — вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны...» Цит. по: *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 555.

Некоторые из русских добровольцев остались в Сербии, женившись на сербках и пополнив ряды русских или россиян, постоянно проживающих в этой стране. Впрочем, их было совсем немного, и их семьи коренным образом отличались от других смешанных брачных пар, которые образовывались главным образом за счет русских женщин, вышедших замуж за сербов, работавших в России.

Сейчас на территории Сербии, по последним данным, проживает более 2,5 тыс. человек, считающих себя русскими. На территории Республики Сербской — еще 370 человек. И даже эта немногочисленная русская диаспора очень неоднородна — есть сохранившие русский язык совсем немногочисленные потомки эмигрантов первой волны, есть недавние переселенцы из различных регионов России и СНГ¹⁰⁶.

Мы оставляем за скобками русско-сербских отношений русскую диаспору в Черногории. Скажем лишь, что по некоторым данным, сегодня постоянно проживающих в Черногории россиян — около 10 тыс., собственников жилья — до 20 тысяч. Это уже не классическая эмиграция, а чаще всего жизнь на два дома, на две «локации». Уже выходят первые серьезные работы по изучению этого нового явления¹⁰⁷.

* * *

Русско-сербские отношения, в том числе и их человеческое измерение, настолько богаты, что их невозможно оценить в одном небольшом очерке, который

---

¹⁰⁶ См.: *Дрляча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю.* Русские в Сербии... С. 81–82, 107–109; URL: <http://love-no-frontie.livejournal.com/10761.html>

¹⁰⁷ См.: *Радойчиц Д.* Миграция русских в Черногорию в начале XXI века // Европейская интеграция и культурное многообразие: В 3 ч. М., 2009. Ч. 1. Идентичность и миграции. С. 135–150.

представляет собой лишь малый набросок. Богатая традиция взаимоотношений существует на уровне коллективного менталитета, без разницы, идет ли речь о русофильских или русофобских позициях у сербов и, соответственно, о славянофильских или западнических позициях у русских в прошлом, патриотических или либеральных¹⁰⁸ — в настоящем.

Специально занимавшийся этой темой профессор М. Йованович попытался свести все многообразие отношений в несколько тезисов: 1) эти отношения всегда скрытно, но постоянно влияли на политическую сферу, даже на принятие политических решений; 2) ключевое значение на протяжении веков всегда имели отношения в сфере духовных и культурных контактов, обменов и сотрудничества; 3) в других сферах отношения были динамичными, с подъемами и падениями, от политического протектората до разрыва всех отношений; 4) ахиллесовой пятой русского влияния на Балканах всегда была экономика; 5) на отношения влияли миграционные процессы из одной страны в другую¹⁰⁹.

Нельзя не согласиться с М. Йовановичем, который в другой своей работе пишет, что, когда говорят о сербско-русских отношениях как в прошлом, так и в настоящем, акцент обычно делают на политических связях. Но история взаимоотношений ясно показывает, что не менее важными, если не более значительными были культурные, художественные, духовные, религиозные и церковные связи двух народов (конечно,

---

¹⁰⁸ Как пример подобных настроений часто приводят зарисовку Виктора Ерофеева, побывавшего в Белграде в 2002 г., через три года после натовских бомбардировок. См.: *Ерофеев В.* Не мешайте словам, или Краткая энциклопедия сербской души // *Огонек*. 2002. 24 ноября. № 46. С. 25. Тонкий наблюдатель, но ничего не знающий о Сербии, он надменно созерцал любовь сербов к России и поражался обшарпанности Белграда.

¹⁰⁹ *Йовановић М.* Срби и Руси. С. 251–253.

и научные связи, но они в силу своей особой специфики выходят за рамки общего описания)¹¹⁰.

Конечно, влияние, в том числе и культурное, огромной России на небольшую Сербию было значительнее обратного влияния Сербии на Россию. Классик современной сербской историографии академик С. Чиркович писал, что «русское влияние на сербскую культуру, самосознание и понимание сербами своего места в мире были непрерывными на протяжении всего XIX в. Россия для Сербии и сербов являлась непересыхающим источником идей самого широко спектра — от крайне консервативных до открыто революционных. ... И на протяжении всего XX в., и в сложной ситуации начала нынешнего столетия тесные связи, плодотворное взаимодействие русской и сербской культуры являются важнейшим фактором развития сербского народа»¹¹¹.

Но и на бытовом уровне Россия и русские постоянно присутствуют в сербской ментальности. Многие сербы старшего поколения с удовольствием вспомнят своего русского учителя гимназии, более младшего поколения — какого-нибудь русского, знакомого родителей, или другого русского, встреченного где-нибудь на жизненном пути. Д. Дрляча пишет: «По праву можно утверждать, что у каждого серба был или есть какой-нибудь “свой” русский, что большинство сербов знакомо хотя бы с несколькими русскими. Русские были и остаются неотъемлемой частью нашей жизни, воспоминаний, обязательной темой разговоров. Они оставили глубокий след в сербской среде, может быть, как раз потому, что они (несмотря на родство с нами) все-таки иные — и так близки, и так далеки»¹¹².

---

¹¹⁰ Jovanović M. U senci gasa i politike: kulturni i duhovni kontakti, veze i saradnja Srbije i Rusije // Odnosi Rusije i Srbije... S. 183.

¹¹¹ Чиркович С.М. История сербов. М., 2009. С. XIII.

¹¹² См.: Дрляча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Русские в Югославии... С. 109.

Несмотря на все перипетии прошлого века и первых десятилетий века нынешнего, сербское русофильство никуда не делось. Опросы общественного мнения в Сербии в 2010 г. показали, что сербы из народов «большой восьмерки» лучше всего относятся именно к русским. На шкале от -5 до +5 только русские расположились на плюсовом краю. (Хуже всего сербы относятся к американцам и англичанам, чуть лучше — к французам, но и они оцениваются со знаком минус. В то же время итальянцы и японцы имеют небольшой плюс¹¹³.)

И пусть чувства двух народов не всегда имеют под собой рациональное основание. Идеализация друг друга, несомненно, существует, как существуют и взаимные обиды. Но без идеализации и обид не бывает настоящей любви.

---

¹¹³ См.: Vesti B 92 за 05.10.10.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

Несомненно, большим достижением в российской гуманитарной сфере конца XX в. стало воссоединение двух ветвей русской культуры — советской и зарубежной, творцами которой были деятели первой волны русской эмиграции. Помимо самих деятелей культуры, это и ученые-гуманитарии, поскольку их работы тоже неотъемлемая часть культуры. Сегодня достижения эмигрантов вновь часть российской культуры и науки. Их достижения и идеи, прежде гонимые, отвергаемые, запрещенные, в лучшем случае тщательно дозированные, стали доступны. Однако их достижения принадлежат не только российской, но, в частности, и сербской культуре. Без преувеличения представители первой волны русской эмиграции внесли большой вклад и в модернизацию сербского общества и увеличившегося в несколько раз государства, крайне нуждавшегося в притоке свежих образованных сил после серии кровопролитных войн.

Работы, выходявшие в советское время и посвященные русской послеоктябрьской эмиграции, даже лучшие из них, никак нельзя было считать научными и объективными. Чаще всего они носили крайне идеологизированный, пропагандистский характер. Не столь ярко выраженный, но все-таки однобокий характер

носила одна из последних советских книг на эту тему, выдержавшая несколько изданий монография Л.К. Шкаренкова. Ее название говорило само за себя: «Агония белой эмиграции»¹¹⁴.

Почти одновременно, на исходе советской власти, в России началось серьезное научное изучение русской послеоктябрьской эмиграции. Первые работы об эмигрантах, осевших в Сербии и в целом в Югославии, были связаны с именами доцента кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ В.А. Тесемникова и будущего академика, заведующего сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР Ю.А. Писарева. Перу первого принадлежала статья «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)»¹¹⁵, перу второго — «Российская эмиграция в Югославии»¹¹⁶. Надо отдать им должное: в отечественной историографии они были первопроходцами, по крайней мере первыми, кто постарался и смог взглянуть на проблему эмиграции непредвзято.

Интересно, что оба ученых пришли к теме эмиграции благодаря существовавшему в Белграде «Русскому дому», построенному еще эмигрантами и в котором располагался Дом советской культуры (ДСК). В.А. Тесемников дважды по несколько лет работал в этом Доме, а Ю.А. Писарев часто бывал здесь во время командировок. Оба они застали остатки находившейся в «Русском доме» и уничтоженной почти полностью эмигрантской библиотеки.

---

¹¹⁴ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987.

¹¹⁵ См.: Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.

¹¹⁶ См.: Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151–161. Об этой работе см.: Никифоров К.В. Ю.А. Писарев о русской эмиграции в Югославии // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (мифы и реальность). М., 2019. С. 446–456.

Основная тема статьи Писарева — культурная и научная деятельность русской эмиграции в Югославии. И эта тема до сих пор остается доминирующей в отечественной и сербской историографии. Так, в России вкладом русских эмигрантов в сербскую культуру много лет занимался В.И. Косик. Отметим две книжки его очерков «Что мне до вас, мостовые Белграда?», а также исследование «Русские краски на балканской палитре» о русских, внесших вклад в развитие балканского театра, живописи, скульптуры, архитектуры, оперы и балета, музыки¹¹⁷. В.И. Косик вместе с В.А. Тесемниковым явился составителем своего рода хрестоматии «Русский Белград»¹¹⁸. В целом работ, посвященных вкладу русских эмигрантов в культуру приютивших их балканских стран, очень много. Отметим, например, монографию Н.М. Вагаповой «Русская театральная эмиграция»¹¹⁹. Появилась также справочная литература. Назовем, в частности, биографический словарь находившихся в Югославии русских врачей¹²⁰.

Строго говоря, не все работы о русской эмиграции полностью отвечали научным критериям. Вышедшие работы часто относились, скорее, к публицистике. Кроме того, после долгих лет оголтелой критики

---

¹¹⁷ См.: Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007; *он же*. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы: Эссе. М., 2007; *он же*. Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М., 2010. См. также: *он же*. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.

¹¹⁸ См.: Русский Белград / сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М., 2008.

¹¹⁹ См.: Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки. СПб., 2007.

¹²⁰ См.: Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). Белград; М., 2012.

белоэмигрантов в советское время, проявилась обратная тенденция их определенной апологетики. Конечно, в жизни все было сложнее. Но и такие работы обогащали наше знание.

Теперь мы гораздо больше знаем о многих русских людях, оказавшихся в эмиграции на Балканах. К примеру, сегодня одним из самых известных представителей русской эмиграции в Югославии является академик архитектуры Николай Петрович Краснов, имя которого на родине долгое время находилось почти в полном забвении. Хотя до революции он был главным архитектором Ялты, создателем Ливадийского дворца Николая II, а в Югославии выполнял заказы короля Александра Карагеоргиевича и спроектировал много правительственных зданий. Сейчас о жизни Н.П. Краснова написаны книги¹²¹, его творчеству посвящены выставки в Москве и Белграде, в Ялте в его честь названа улица, воздвигнут монумент, в Белграде сооружен бюст, как раз напротив здания Архива Сербии, построенного по его проекту.

Не менее известен театральный деятель, выдающийся режиссер и педагог Юрий Львович Ракитин. На сербской земле он развивал традиции Московского художественного театра, поставив на чужбине более 200 спектаклей. Конец жизни Ракитин провел в Нови-Саде, в центре которого есть улица, названная его именем. Не столь давно усилиями сотрудников филологического факультета Белградского университета были изданы его дневниковые записи¹²².

В Сербии тенденция изучения русской эмиграции была схожа с российской, значительно преобладали работы о русском культурном вкладе. Так, одной из первых

---

¹²¹ См., например: *Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М.* Архитектор высочайшего двора. Симферополь, 2003.

¹²² См.: *Ракитин Ю.* Дневниковые записи 1924–1937 годов. Белград, 2018.

научно значимых монографий стала книга известного литературоведа О. Джурича «Русская литературная Сербия»¹²³. По его словам, русская интеллигенция своей деятельностью способствовала тому, чтобы литературно-культурная жизнь вошла в привычку у молодого еще бедного кадрами сербского общества¹²⁴.

Следующей важной работой стал двухтомник «Русская эмиграция в сербской культуре XX века»¹²⁵, который вышел по следам научной конференции «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века» в 1994 г. В этих двух книжках фактически были намечены все основные направления дальнейшего изучения вклада русских эмигрантов в сербскую культуру. В них наряду с общими вопросами культурной и религиозной самоорганизации беженцев затрагивались вопросы науки, техники, здравоохранения, образования, архитектуры, литературы, изобразительного, театрального и музыкального искусства. Всего 54 статьи.

В издании были опубликованы составленная потомком эмигрантов в третьем поколении А.Б. Арсеньевым выборочная библиография по теме «Русская эмиграция в Югославии», а также именной указатель русских эмигрантов. К стати, наиболее полной библиографией русских эмигрантов, включая списки их изданий, до сих пор остается книга еще одного потомка эмигрантов, И.Н. Качаки, «Библиография русских беженцев в Королевстве СХС (Югославии). 1920–1945 гг.»¹²⁶. Книга

---

¹²³ См.: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1990.

¹²⁴ См.: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. С. 271.

¹²⁵ См.: *Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова / приред. М. Сабиновић, М. Межински, А. Арсењев; гл. и одг. уред. М. Сабиновић.* Т. I–II. Београд, 1994.

¹²⁶ См.: *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia). 1920–1945. Arnhem, 1991; *Качаки Ј.* Руске

Качаки необходима каждому исследователю, который занимается этой темой.

Многолетнюю плодотворную деятельность одного из составителей двухтомника, А.Б. Арсеньева, нужно отметить особо. Он является главным хранителем документации и самой памяти о русской эмиграции в Сербии, бескорыстно помогающим всем, кто к нему обращается. А.Б. Арсеньев — автор интересных работ о русских в Сербии, прежде всего в Воеводине¹²⁷. Последней на данный момент его работой стал совместный с М.Л. Ордовским-Танаевским большой труд в двух частях о втором поколении русской эмиграции: «Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)»¹²⁸. Удивительная работа, не имеющая себе равных по объему и уникальности собранного материала.

Тема вклада русских эмигрантов в сербскую культуру остается преобладающей в сербской историографии вплоть до наших дней. Назовем, например, недавно вышедшую в Белграде книгу о русском балетном искусстве¹²⁹.

избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија рада. 1920–1944. Beograd, 2003.

¹²⁷ См., в частности: *Арсеньев А.Б. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду*. М., 1999; он же. *Русская эмиграция в Сремских Карловцах*. Сремски Карловцы, 2008. См., также: *Русские в Сербии* / авт. А.Б. Арсеньев и др., отв. ред. А.А. Максаков. Белград, 2009.

¹²⁸ *Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)* / А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский: В 2 кн. Белград, 2018. См.: Рецензија А.Л. Шемјакина за рукопис «Гимназија у лицама. Прва руско-српска гимназија у Београду (1920–1944)». 25. октобра 2017 // *Русија и Србија на прелому века*. Српске теме Андреја Шемјакина. Београд, 2020. С. 341–344.

¹²⁹ См.: *Петричевић М.Л. Руска балетска уметност у Београду (1920–1944)*. Допринос руске уметничке емиграције формирању и развоју Балета Народног позоришта у Београду. Београд, 2020.

В последнее время плодотворно разрабатывает тему русского комикса в Югославии И. Антанасиевич¹³⁰. Этот жанр изобразительного искусства в СССР не получил должного развития, а в Югославии стараниями русских художников оказался на уровне современных ему лучших мировых образцов. Работы И. Антанасиевич доказывают, что даже в избитой, казалось бы, теме русского вклада в сербскую культуру можно найти новые интересные повороты.

Несколько особняком стоят работы, посвященные русским эмигрантам в годы Второй мировой войны, их участию в действовавшем в Югославии Русском охранном корпусе. В последние годы эту тематику плодотворно разрабатывает сербский историк А.Ю. Тимофеев¹³¹. Есть работы и о русских участниках антифашистской борьбы, в частности о самом известном из них — Ф.Е. Махине, генерал-лейтенанте Народно-освободительной армии Югославии. Так, А.В. Ганин в своей книге «Измена командармов» посвятил Махину большой очерк «Свой среди чужих и чужой среди своих»¹³².

Под редакцией А.Ю. Тимофеева недавно увидел свет сборник «Столетие двух эмиграций. 1919–2019»¹³³, рассматривающий различные аспекты русской эмиграции в Сербии и сербской — в России. В целом 100-летие

---

¹³⁰ См.: Антанасиевич И. Русский комикс королевства Югославии. СПб., 2018; она же. Русская классика в картинках. Београд, 2015.

¹³¹ См.: Тимофеев А.Ю. Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010; Тимофејевић А.Ј. Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији. 1941–1945. Београд, 2011; см. также сборник документов: Русский корпус на Балканах. 1941–1945 гг. М., 2008.

¹³² См.: Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной Армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России. 1917–1922. М., 2020. С. 27–332.

¹³³ См.: Столетие двух эмиграций; 1919–2019: Сб. ст. / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М.; Белград, 2019.

Русского исхода отмечалось в 2019–2020 гг. с большим размахом, во многих российских городах и местах русского рассеяния прошли конференции, вышли очередные сборники статей¹³⁴.

Об эмиграции в Югославии больше всего написано в России и Сербии. И это понятно — история русской эмиграции в Югославии принадлежит прежде всего этим двум странам. Защищаются диссертации. В частности, в 2010 г. на историческом факультете МГУ кандидатскую диссертацию «Российские профессора югославских университетов: 1920–1941» защитил В.С. Путятин. С середины 1990-х годов в Москве существует Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (с библиотекой, архивом, музеем и т.п.).

Повторим, что сейчас о русской эмиграции написано уже много. Появился даже термин «эмигрантоведение». Преобладают работы по изучению культурного наследия русских эмигрантов. Надо отметить, что такой обозначившийся с самого начала подход к проблеме эмиграции был вполне обоснован. Он менее политизирован, а главное — лучше обеспечен документальными и иными материалами. Конечно, все это не могло не привлекать исследователей. Однако в результате такого подхода в историографии произошел явный перекоп, в тени остались другие стороны эмигрантской жизни. Намного меньше работ, которые бы затрагивали политическую историю эмиграции, ее различные организации и течения, идейно-политическую борьбу ее представителей и т. п.

Наиболее глубокой, серьезной работой, отличавшейся от доминирующей тенденции, стала докторская диссертация профессора Белградского университета Мирослава Йовановича, опубликованная первоначально

---

¹³⁴ См., например: 100-летие русской эмиграции в Сербии: итоги и судьбы: Материалы Международной научно-практической конференции. СПб., 2019.

на русском языке¹³⁵. Автор справедливо отмечал, что в предыдущих работах «можно констатировать присутствие особого акцента на исследованиях русской культуры в эмиграции». И в то же время «было крайне мало попыток рассмотрения более широких тематическо-проблемных комплексов, явно заметно отсутствие сравнительных исследований, которые осветили бы различные аспекты жизни в эмиграции, и в особенности законченных работ, в которых бы в одинаковой мере были разработаны политические, дипломатические, структурные, социальные, демографические, психологические, антропологические, культурологические и идейные аспекты истории русского человека в изгнании»¹³⁶.

Этот пробел автор попытался восполнить в своей работе, и ему это во многом удалось. А.Л. Шемякин посчитал даже, что это «фундаментальное синтетическое сочинение» принципиально решило вопрос о русской эмиграции на Балканах «на макроуровне»¹³⁷.

Мы специально не останавливаемся в этом обзоре на многочисленных воспоминаниях и сочинениях самих эмигрантов первой волны. Это требует специального изучения, и данные работы часто следует отнести скорее к источникам, чем к историографии.

Однако мы не можем не упомянуть две работы-Во-первых, речь идет о втором томе записок секретаря Сербского патриарха Варнавы В.А. Маевского, изданных в США в середине 1960-х годов¹³⁸. В его воспоминаниях

---

¹³⁵ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. См. также: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС. 1919–1924. Београд, 1996.

¹³⁶ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 16–17.

¹³⁷ См.: Рецензија А.Л. Шемјакина за рукопис «Гимназија у лицама. Прва руско-српска гимназија у Београду (1920–1944)». С. 341–342.

¹³⁸ См.: *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. II. Нью-Йорк, 1966.

нашлось место не только для культурной, но политической деятельности эмиграции. Эта небольшая книжка до сих пор остается одной из самых востребованных у интересующихся этой темой, более того, часто именно с нее начинается знакомство с историей русской эмиграции в Сербии.

Во-вторых, назовем еще одну важную и необычную работу. Это книга, написанная русскими эмигрантами, оказавшимися в югославских тюрьмах после сталинско-титовского конфликта 1948 г.¹³⁹ Работа велась, естественно, не по доброй воле, а по приказу тюремщиков, создавших из отобранных русских заключенных своего рода «шарашку». Окончательно рукопись под грифом «секретно» была перепечатана в количестве 172 экземпляров, озаглавлена «Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941» и датирована «Белград, январь 1955 г.».

Итоговый труд содержал 10 глав (6 глав в первой книге и 4 — во второй): «Белоэмиграция до прибытия в Югославию»; «Прибытие белоэмигрантов в Югославию»; «Жизнь белоэмиграции в Югославии»; «Деятельность белоэмигрантов в Югославии в сфере образования и науки»; «Художественная и литературная жизнь белоэмиграции в Югославии»; «Политические течения, партии и организации белоэмиграции»; «Военная эмиграция»; «Русская православная церковь в эмиграции»; «Отношение бывшей Югославии к белоэмигрантам»; «Иностранные государства и белоэмиграция».

Предваряло сочинение русских эмигрантов совсем небольшое предисловие, которое написал высокопоставленный сотрудник госбезопасности, скрывшийся

¹³⁹ См.: Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941 / приредили Т. Миленковић, М. Павловић. Т. I–II. Београд, 2006. См. также: *Никифоров К.В.* Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић). Београд, 2006. Т. I. 506 с.; Т. II. 359 с. // Славяноведение. М., 2007. № 4. С. 89–92.

за инициалами В.Б. Он дал труду эмигрантов следующую характеристику: «Эти материалы (собранные в две книги) изложены как сухой исторический справочник — другого характера они иметь не могут. Нет серьезного анализа, нет правильных политических оценок... Цель этих материалов прежде всего — быть историческим справочником, предназначенным в помощь оперативным работникам при решении проблем, связанных с белоэмиграцией, которая и сегодня служит важной базой для советской разведывательной службы»¹⁴⁰.

В наши дни такая критика звучит, скорее, как комплимент. Значит, находившиеся в югославской «шарашке» эмигранты не стремились полностью угодить своим заказчикам-тюремщикам и смогли все-таки остаться достаточно объективными. Но, конечно, заключенные авторы не были свободны в своем творчестве («нет свободы в тюрьме!»). Публикаторы этого труда Т. Миленкович и М. Павлович справедливо подчеркивают, что они «знали, чего от них ожидают, и шли навстречу этим ожиданиям, не желая ухудшать свою и без того тяжелую жизнь в заключении»¹⁴¹.

Судьба распорядилась так, что кропотливый труд русских эмигрантов перестал быть актуальным к моменту своего завершения. В советско-югославских отношениях наступила так называемая нормализация. Однако еще долго исторический труд эмигрантов, их своего рода автопортрет, оставался в ведении госбезопасности. Лишь в начале XXI в. он, наконец, увидел свет. Но мы до сих пор не знаем его безымянных авторов. Хотелось бы надеяться также на перевод этой работы на русский язык (хотя это будет уже двойной

---

¹⁴⁰ Белоэмиграција у Југославији. Т. I. С. 21–22.

¹⁴¹ Там же. С. 23.

перевод). Заметим, что задача написания политической истории русской эмиграции в Югославии в межвоенный период не из-под палки и с учетом временной дистанции так и не выполнена.

Русская эмиграция в Сербии и Югославии имела лишь двадцать лет относительно спокойной жизни. Страна была славянской, родственной и в целом дружелюбной. Но судьба эмиграции оказалась несчастной. С началом Второй мировой войны отношение к эмигрантам изменилось. Они в большинстве своем пошли служить в Охранный корпус, вольно или невольно помогая немцам бороться с партизанами¹⁴². Для бойцов Красной Армии, освобождавших Восточную Сербию, идущего за ними Смерша, новой югославской власти эмигранты были откровенно враждебными элементами. Затем, после 1948 г., эмигранты превратились для югославских коммунистов в советских шпионов. Уцелевшие представители русской эмиграции и их потомки оказались в новом рассеянии, преимущественно в США¹⁴³. Русских людей в Югославии осталось совсем немного.

В завершение отметим, что, конечно, главные и самые известные фигуры русского зарубежного мира проживали в Берлине и Париже, а не в Белграде и тем

---

¹⁴² В конце 1941 г. в Охранный корпус записалось 1,5 тыс. человек. Осенью 1944 г. перед вступлением на территорию Сербии Красной Армии он насчитывал уже 11 тыс. (пополнение шло и за счет эмигрантов из Болгарии и других балканских стран, и за счет различных добровольцев). Когда, пройдя через всю Югославию в Австрию, Корпус сдался англичанам, в нем было 5,5 тыс. человек. *Тимофеев А.И.* Руси и Други светски рат у Југославији. С. 47–48.

¹⁴³ Мирослав Йованович приводит следующие цифры по численности русских в Югославии: 1922 г. — 42 500, 1926 г. — 32 500, сер. 1930-х годов — 27 500, перед войной — 25 000. См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 128; *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица. С. 186.

более сербской или югославской глубинке. Белград не был крупным культурным или научным центром эмиграции. В Сербию попали в основном довольно консервативные жители Юга России.

Однако два фактора все же выделяли эту эмиграцию из всего русского рассеяния. *Во-первых*, в 1922 г. сюда, в воеводинский городок Сремски-Карловци, перебрался из Константинополя вместе со своим штабом Главнокомандующий Русской Армией барон П.Н. Врангель¹⁴⁴. В 1924 г. он создал Русский общевойсковой союз (РОВС), объединивший большинство участников Белого движения в эмиграции. *Во-вторых*, в 1921 г. русские архиереи, оказавшиеся в изгнании, приняли решение о переезде в те же Сремски-Карловци, где Сербский патриарх отдал в их распоряжение свою резиденцию. Здесь в 1922 г. была образована Русская Православная Церковь за Границей (РПЦЗ) во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антоном (Храповицким). Характерно, что сторонников этой церкви по месту ее образования называли карловчанами¹⁴⁵. Об этих двух важнейших институтах русского зарубежья существует своя многочисленная литература.

Наконец, в работах, которые затрагивают проблемы русской эмиграции в Югославии, больше всего внимания уделено Сербии. Это понятно, поскольку именно в Сербии обосновалась основная масса русских беженцев. Тем не менее появляются работы

---

¹⁴⁴ О его похоронах в Белграде см.: *Никифоров К.В.* Последняя воля барона Врангеля // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов.* М., 2016. С. 250–260.

¹⁴⁵ См., например: *Пилипович Р.* Церковные группировки русской эмиграции (1920–1940) между Белградом и Константинополем // *Столетие двух эмиграций.* С. 193–218.

о деятельности русских эмигрантов в Хорватии¹⁴⁶, Словении¹⁴⁷, Северной Македонии¹⁴⁸ и других бывших югославских республиках.

---

¹⁴⁶ См.: *Пушкадия-Рыбкина Т.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; *Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И.* Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы. Загреб, 2019.

¹⁴⁷ См.: *Brglez A., Seljak M.* Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljna, 2008 (*Брглез А., Селяк М.* Россия в Словении. Русские преподаватели в Люблянском университете в период с 1920–1945 гг. Любляна, 2008).

¹⁴⁸ См.: *Руската колонија во Скопје (1920–1943 год): Зборник на документи.* Скопје, 2015 (*Русская колония в Скопье (1920–1943 гг.). Сб. документов.* Скопье, 2015).

СУДЬБА ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫХ БАЛКАНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Модернизация в Европе часто совпадала со становлением национальных государств. Балканы не были исключением. Причем, учитывая пестрый этнический состав региона, при решении задач модернизации нельзя было забывать о национальном аспекте, в том числе о национальных меньшинствах.

Обычно под национальным (этническим) меньшинством понимают группу граждан того или иного государства, не принадлежащих к коренной (титульной) национальности и осознающих себя отдельной национальной общиной. Эта группа осознает общность своего происхождения, отличается своеобразием культуры, религии, языка и стремится сохранить свою идентичность. Но в любом случае речь идет о жителях одного государства, а не целого региона.

Здесь у Балкан была своя специфика. В период между двумя мировыми войнами на территории Балканского полуострова насчитывалось несколько общерегиональных национальных меньшинств, то есть национальных меньшинств, проживавших во всех государствах региона. Назовем, по крайней мере, три подобных меньшинства — евреи, немцы и цыгане¹⁴⁹. Эти меньшинства проживали

---

¹⁴⁹ В какой-то степени следующие за немцами, евреями и цыганами общерегиональными национальными меньшинствами могут

не только на Балканах, но также и во всей понимаемой широко Восточной Европе (то есть в нынешних Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, включая Россию). Причем в состав какого-либо общерегионального меньшинства могли входить его самые разные субэтнические группы, которые довольно сильно отличались по происхождению, культуре, языку, но этническое самосознание у них было общим¹⁵⁰.

Проблема национальных меньшинств неразрывно связана с их защитой. Как это часто бывало в регионе, первыми защиту национальных меньшинств законодательно закрепили власти Австрии еще в 1867 г. Но почти за сто лет до этого, согласно Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г., Россия получила право покровительства турецким славянам; после Крымской войны 1853–1856 гг. такое право перешло ко всем европейским великим державам. Однако системы защиты коллективных прав национальных меньшинств в международном праве так и не сложилось.

Судьбы у многих национальных меньшинств были трагическими, и в полной мере это относится к упомянутым нами трем общерегиональным меньшинствам. Их судьбы были в чем-то схожи. Обстоятельства накануне, во время и после Второй мировой войны стали для двух из них роковыми, а третье оказалось сильно подорванным и до сих пор является в регионе наиболее сильным раздражителем для большинства населения балканских и центральноевропейских стран.

быть названы армяне и турки. Однако количественно они заметно уступают первым трем и к тому же присутствуют не во всех балканских государствах или присутствуют в некоторых из них совсем незначительно.

¹⁵⁰ Классический пример — евреи, которых на Балканах представляли сефарды, ашкенази и греческие евреи — романиоты. Еще больше различных цыганских групп. Да и немцы, например, в Румынии делились на католиков — швабов и протестантов — саксов.

Прежде всего с войной, как известно, связана трагедия европейского еврейства. Холокост существенно изменил этническую картину всего европейского континента, но особенно его восточную часть, включая Балканы.

К началу XX в. общая численность евреев оценивалась примерно в 11 миллионов. Из них 46% (около 5,2 млн.) жило в пределах Российской империи, в основном на территории современных Польши, Литвы, Украины и Белоруссии. Еще около 30% жили в других странах Европы. В годы войны были уничтожены около 6 млн. евреев. Это число закреплено в приговорах Нюрнбергского трибунала. В Восточной Европе доля еврейского населения сократилась после войны до 0,9%. В Венгрии, своего рода центре восточноевропейского еврейства, осталось всего 1,5% евреев.

Балканские евреи разделили общую судьбу. В Югославии из 80 тыс. евреев погибло 66 тыс., или 82%. В Греции из тех же 80 тыс. довоенных евреев осталось 10 тысяч. В Болгарии, союзнице Германии, до войны было около 50 тыс. евреев, и они почти не пострадали. Однако пострадали, были депортированы в лагеря смерти 8 тыс. евреев из Македонии и 5 тыс. из Фракии. Относительно благоприятно, по сравнению с другими странами, сложилась судьба евреев в Румынии, где уцелело 57% довоенного еврейского населения¹⁵¹. Но потом, десятилетия спустя, и из Румынии начался отток евреев. И если до войны в этой стране было 750 тысяч евреев, то в начале XXI в. их осталось менее 10 тысяч¹⁵².

Не стала исключением и Россия, в которой перестала существовать самая большая еврейская община

---

¹⁵¹ См.: *Марьина В.В., Яжборовская И.С.* Гулкое эхо прошлого. После­словие // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 502–503.

¹⁵² См.: Lenta.ru. Новости. 05.11.2010 // URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/05/grave/>

мира. В начале XXI в. в стране осталось около 180 тыс. евреев. Фактически это означает конец того многогранного явления русско-еврейского симбиоза, которое А.И. Солженицын назвал «Двести лет вместе».

Пострадали также цыгане, которых фашисты целенаправленно уничтожали наравне с евреями. Считается, что нацистами и их союзниками было истреблено примерно 150–200 тыс. цыган в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. Например, на территории так называемого Независимого государства Хорватии было убито 80 тыс. цыган и более 20 тыс. евреев. Это не считая 500 тыс. сербов и людей других национальностей¹⁵³. Примерно 30 тыс. погибших цыган были гражданами СССР.

Сейчас цыган во всем мире 8–10 млн., из них в Румынии — 0,5 млн., в Болгарии — 300 тыс., в Албании и Сербии — по 100 тыс., в Боснии — 60 тыс., в Хорватии — около 10 тыс. В Центральной Европе: в Венгрии — 0,5 млн., в Словакии — 65 тыс. В России цыган — 220 тыс., на Украине — 50 тыс.

Самые крупные этнические чистки предстояло испытать в военные годы и особенно после завершения войны еще одному общерегиональному национальному меньшинству — немцам¹⁵⁴. Немецкое население сначала бежало с отступающей армией, а затем в течение нескольких лет было насильственно выселено из своих домов в Польше, Чехословакии и других странах. Из депортированных немцев, преимущественно

---

¹⁵³ См.: Vesti B 92 za 22.04.2011.

¹⁵⁴ Первым с депортациями столкнулось немецкое население Советского Союза. После начала войны около 500 тыс. немцев были высланы из Автономии немцев Поволжья, а всего места проживания в европейской части России и Закавказье были вынуждены покинуть около 800 тыс. немцев. См.: *Ваннер Я.* Массовые депортации в СССР // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 84.

женщин, стариков и детей, далеко не все сумели благополучно добраться до Германии. В Восточной Европе фактически исчезла более чем 10-миллионная довоенная немецкая диаспора. В силу массовости и большого влияния на этническую картину послевоенной Восточной Европы процесс бегства и насильственного изгнания немецкого населения получил название «немецкого исхода».

Этот процесс «немецкого исхода» затронул и Балканы, в частности Югославию. Причем необходимо учитывать ту обстановку, которая существовала в стране до войны. «Для значительных слоев несербского населения, — пишет Л.Я. Гибианский, — Югославия отнюдь не была государством, за чье существование они были готовы сражаться и рисковать жизнью. Для таких крупных по численности нацменьшинств, как немцы или венгры, насчитывавших от 400 тыс. до примерно полумиллиона каждое, среди государств, напавших на Югославию, вообще были “этнические свои” Германия и Венгрия». К этим двум неславянским народам можно отнести и «примерно столь же крупное» албанское нацменьшинство¹⁵⁵.

Еще в ноябре 1944 г. новая коммунистическая власть постановила лишить гражданства все немецкое население. Это решение затронуло сотни тысяч человек. Из полумиллионной немецкой диаспоры довоенной Югославии, по переписи 1948 г., в стране осталось не более 55 тыс. человек¹⁵⁶. Через полвека в сербской Воеводине, по переписи 2002 г., оставалось около 3 тыс.

---

¹⁵⁵ См.: Гибианский Л.Я. Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движения и их элит (некоторые аспекты истории и историографии) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011. С. 265–266.

¹⁵⁶ См.: Goldstein I. Hrvatska. 1918–2008. Zagreb, 2008. S. 383.

немцев, а во всей Сербии их было менее 4 тысяч. Одновременно в ту же Воеводину после войны в рамках так называемой аграрной реформы и колонизации на опустевшие и конфискованные земли было переселено более 40 тыс. семей из Боснии, Черногории, Македонии, Хорватии, других республик¹⁵⁷.

Еще около 28 тыс. немцев проживало до войны в Словении. Они также практически полностью были высланы. Из Хорватии, в основном из Славонии, было изгнано около 90 тыс. немцев. В Славонию в рамках программы колонизации также переселялись жители из других регионов Югославии¹⁵⁸.

Исключение в первые послевоенные годы вновь составила Румыния, где осталось три четверти немецкого населения¹⁵⁹. Немцы стали покидать эту страну позже, уже во время правления Н. Чаушеску. В итоге из 760 тыс. человек довоенного немецкого населения сейчас в Румынии осталось только 60 тысяч¹⁶⁰. В то же время нельзя не обратить внимание, что президентом Румынии с 21 декабря 2014 г. является этнический немец из трансильванских саксов Клаус Йоханнис.

Помимо прямого уничтожения и депортаций, был и идейный фактор, препятствующий сохранению национальных меньшинств в Восточной Европе и, наоборот, способствовавший ассимиляции. Дело в том, что отношение к национальным меньшинствам было подспудно

---

¹⁵⁷ См.: Гуськова Е.Ю. Особенности национальной политики в Югославии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 461–464.

¹⁵⁸ См.: Goldstein I. Hrvatska. S. 383.

¹⁵⁹ См.: Марьина В.В., Яжборовская И.С. Гулкое эхо прошлого. Послевоенное // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. С. 501.

¹⁶⁰ См.: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%EC%FB%ED%E8%E8>

подорвано гитлеровской Германией, которая в предыдущий период активно разыгрывала карту немецкого меньшинства в ряде сопредельных стран. Параноидной боязнью появления пятых колон из национальных меньшинств объяснялись во многом и сталинские депортации целых народов (затем появился мотив их наказания за действительные или мнимые прегрешения во время войны).

В результате в сложившихся после войны условиях «в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Считалось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп... Так или иначе... в регионе многие отделенные от основной части своей нации этнические общности долгое время были лишены коллективных прав»¹⁶¹. Очень показательным стал отказ включить права национальных меньшинств во Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. И обоснованием этого было, в частности, индивидуалистическое понимание прав человека.

В послевоенное время пример попыток изменения этнического состава балканской страны дает, в частности, живковская Болгария, когда в конце 1984 — начале 1985 г. более 850 тыс. болгарских граждан в результате административного давления были вынуждены сменить свои мусульманские имена на болгарские¹⁶². Такое искусственное превращение турок и потурченцев в болгар привело к тому, что в 1989 г. около 300 тыс. болгарских

---

¹⁶¹ Марьина В.В., Яжборовская И.С. Гулкое эхо прошлого. Послесловие // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. С. 503.

¹⁶² Подробнее об этой акции см. документы № 2–17, опубликованные в сб.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века. I. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. С. 25–70.

турок покинули страну и перебралось в Турцию. Их было бы еще больше, если бы Турция не закрыла границу¹⁶³.

Характерно, что в своих мемуарах Т. Живков не только оправдывал проводимый им курс, но и критиковал своих предшественников Г. Димитрова и В. Червенкова. Получив, по его словам, в наследство проблемы, связанные с турками, болгарами-мусульманами и цыганами, они не только не нашли решения этих проблем, но их усугубили. Они осуществляли «абсурдную политику» формирования многонациональной Болгарии, что углубляло разделение ее народа и по религиозным признакам, и по образу жизни»¹⁶⁴.

В словах Т. Живкова не было ничего странного, как могло показаться на первый взгляд. Известны слова В. Гомулки, из страны с другого полюса советского блока, о том, что нет худа без добра и Польша из Второй мировой войны вышла фактически моноэтническим государством. В результате развернутой в Польше в 1967–1968 гг. антисемитской кампании из страны эмигрировали многие евреи, чудом пережившие Холокост.

Все это не случайно. Нам уже доводилось писать, что фактически везде в Восточной Европе наблюдалась тенденция создания монолитных в этническом отношении государств. И в этом — существенное отличие Восточной Европы от Западной¹⁶⁵. И в наши дни полиэтничность на востоке Европы продолжает уменьшаться, а на западе увеличиваться. Это показал и миграционный кризис в Европе, начавшийся в 2015 г.

---

¹⁶³ См.: Зудинов Ю.Ф. «Реальный социализм» в болгарском варианте: от «сталинизма» к «живковизму» (социально-политические аспекты) // Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 400.

¹⁶⁴ Зудинов Ю.Ф. Некоторые проблемы межэтнических отношений в Болгарии в 1944–1947 гг. // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 487.

¹⁶⁵ См.: Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. С. 129–139.

«Многоэтничность Юго-Восточной Европы еще недавно была чем-то очевидным: недаром ее обозначали расхожим итальянским выражением *macedonia di frutta*, “фруктовая смесь”, — пишет немецкий ученый Ш. Трёбст. Прекрасным примером этого, по его мнению, служит греческий город Салоники. Однако некогда «светская секуляризованная многоязычная столица Европейской Турции за несколько десятилетий превратилась в моноязычный и моноконфессиональный промышленный город, населенный вчерашними крестьянами, практически лишенный пригородов и к тому же расположенный на северной окраине маленького национального греческого государства». В данном случае Греция, конечно, часть Балкан и понимаемой широко Восточной Европы, а не западной части континента, хотя она и оказалась после войны в западном блоке биполярного мира.

И таких примеров, подобных греческим Салоникам, довольно много. Назовем навскидку: болгарский Пловдив, ныне украинскую Одессу, литовскую столицу Вильнюс.

Подобная тенденция к моноэтничности ярко проявилась и во время распада Югославии, который сопровождался чередой межэтнических войн и этническими чистками. В результате этническая карта югославского пространства была полностью изменена.

Советский Союз, подписав в 1975 г. Заключительный акт Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки, подтвердил тем самым и свои обязательства в области международно признанных прав человека. Но, конечно, это была всего лишь декларация. Другое дело, что вторая глава Конституции РФ, принятой в 1993 г., уже целиком была посвящена правам и свободам человека и гражданина. Вступив в Совет Европы в 1996 г., Россия еще раз обязалась соблюдать Европейскую конвенцию по правам человека. Но как защищать коллективные права людей, объединенных, в частности, по этническому

признаку, в этих документах не говорится. Подобный подход долго считался консервативным, если не реакционным, ведущим к росту национализма и т. п.

Могут возразить, что коллективные национальные права защищаются в федерациях, устроенных по этно-территориальному принципу, таких как бывшие Югославия и СССР или современная Российская Федерация. Однако при таком устройстве скорее защищаются права республик и их руководства, а их нетитульное население превращается уже в новое незащищенное национальное меньшинство. И события, происходившие на постсоветском и постъюгославском пространстве после распада СССР и СФРЮ, это в полной мере подтверждают.

Кстати, именно события первой половины 1990-х годов, когда разразились этнические конфликты на территории бывшего СССР и особенно бывшей Югославии, заставили мировое сообщество обратить более пристальное внимание на коллективные права национальных меньшинств.

В 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, а СБСЕ (ныне — ОБСЕ) создало пост Верховного комиссара по делам национальных меньшинств. Совет Европы принял Хартию региональных языков в 1992 г. и Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств в 1995 г. (обе вступили в силу в 1998 г.); страны СНГ в 1994 г. приняли Конвенцию об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Тем не менее права национальных меньшинств и сегодня не всегда защищены должным образом — достаточно вспомнить о новой категории «неграждан» в Латвии и Эстонии. Русское и русскоязычное население испытывает дискриминацию в использовании родного языка и в других постсоветских государствах, включая Украину.

В любом случае почти все государства в Восточной Европе стремятся в наши дни к моноэтничности.

Случай распада Югославии это подчеркивает особо. Фактически моноэтническими оказались все государства, возникшие на пространстве бывшей Югославии. Если же государства, подобно Боснии и Северной Македонии, оставались полиэтническими, то моноэтническими были их составные части. И везде во время югославского кризиса и даже после него больше всего страдали национальные меньшинства.

Так, по некоторым данным, в первые годы Хорватской войны из Республики Сербская Краина было изгнано 330 тыс. хорватов. В то же время в итоге, по переписи 2001 г., в Хорватии не стало 380 тыс. сербов¹⁶⁶. Масштабы этнических чисток оказались сопоставимы, только хорваты после окончания войны смогли вернуться в свои дома, а сербы — нет. Хорватия превратилась по существу в моноэтническое государство, в котором впервые за 300 и более лет не осталось территорий с компактным проживанием сербов.

Еще большие последствия для этнических перемен имела война, разразившаяся в Боснии и Герцеговине. В ходе этой войны из 4,5 млн. жителей довоенной югославской республики более 2 млн. покинули свои дома. Из восточной части Боснии было изгнано около 800 тыс. боснийских мусульман, из ее западной и центральной частей — около 600 тыс. сербов и из той же центральной части — около 300 тыс. хорватов. Примерно половина беженцев покинула Боснию. Другая половина — переселилась на территории, контролировавшиеся соотечественниками. Фактически в сегодняшней Боснии и Герцеговине и Республика Сербская, и обе части Федерации БиГ стали национально однородными. Сразу после войны в Республике Сербской представителей несербской национальности оставалось не более 10%. Бошняки на контролируемых ими землях

---

¹⁶⁶ См.: Vesti B92 za 20.11.2008.

составляли 80–85% населения. И наконец, в хорватской части Федерации проживало около 98% хорватов¹⁶⁷.

Наконец, война в Косово (1998–1999 гг.) и натовские бомбардировки сербско-черногорской Югославии (1999 г.) привели к новым волнам беженцев. После того как Косово полностью перешло в руки НАТО и косовских албанцев, край покинуло около 250 тыс. сербов¹⁶⁸. Косово и Метохия, где и так было около 90% албанцев, стали еще более моноэтническим образованием.

В целом считается, что за годы югославского кризиса со своих мест было прямо или косвенно изгнано около 4 млн. человек¹⁶⁹. Проигравшая «войны за югославское наследство» Сербия оказалась на первом месте в Европе по количеству беженцев и вынужденных переселенцев, которых было более миллиона.

Важно еще раз подчеркнуть, что везде на постъюгославском пространстве во время череды войн и при их урегулировании четко прослеживалась тенденция к моноэтничности, сколько бы ни говорили об обратном, о мультиэтничности и мультикультурности многочисленных западные посредники.

В то же время и насильственная мультиэтничность по сути своей тоже нарушение прав человека. Историк С.А. Романенко вынужден признать, что «насильно заставлять жить вместе народы и отдельных людей разных национальностей, которые не могут и не хотят жить вместе, отношения между которыми достигли той точки неприятия, после которой нет возврата, заставлять их ежедневно рисковать жизнью во враждебной

---

¹⁶⁷ См. там же.

¹⁶⁸ См., например: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 679.

¹⁶⁹ Напомним, что население Социалистической Федеративной Республики Югославии, по последней переписи, составляло 23,5 млн. человек.

иноэтнической среде — также является нарушением прав человека и прав национальных меньшинств, под лозунгом соблюдения которых международное сообщество пришло на постъюгославское пространство»¹⁷⁰.

Похожая ситуация, стремление к моноэтничности, отчетливо наблюдается и в других странах Юго-Восточной Европы. Так, в Болгарии болгары составляют 85,3% населения, в Румынии румын еще больше — 89,5%. В Греции греков 93%, а в Албании албанцев вообще 95%. То же самое можно сказать и про центральноевропейские страны: в Словакии — 85,7% словаков, в Чехии — 94,4% чехов, в Польше — 97% поляков, в Венгрии 98% венгров.

Еще раз подчеркнем: тенденция к моноэтничности, особенно проявившаяся Восточной Европы после Второй мировой войны, существенно отличает этот регион от Западной Европы, в которой особенно в послевоенный период заметно усилилась мультиэтничность. Она даже породила идеологическое обоснование этого процесса в виде концепции мультикультурализма.

Заметим в заключение, что Россия вписывается в оба отмеченных нами процесса — на востоке и западе Европы. В процентном отношении русских в России гораздо больше, чем в Советском Союзе, — почти 81% вместо немногим более 50%. И таким образом, Россия повторяет путь всей Восточной Европы, частью которой она и является. В то же время приезд в бывшую метрополию выходцев из бывших национальных окраин на глазах усиливает мультиэтничность России. И в этом плане Россия идет по стопам постколониальных Великобритании, Франции, Германии, Нидерландов и других стран Западной Европы.

---

¹⁷⁰ Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000. С. 493.

СОВЕТСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ТИТОВСКОЙ ЮГОСЛАВИИ

Говоря о советской и российской (после 1991 г.) историографии социалистической Югославии, позволим себе ограничиться главным образом монографическими изданиями. Для рассмотрения всех многочисленных статей в сборниках и журналах, обзоров, рецензий необходима специальная работа, сама претендующая на монографический характер. К тому же монографический уровень исследований лучше всего отражает уровень развития современной исторической науки.

Вместе с тем отечественная историография послевоенной Югославии довольно долгое время оставалась весьма скудной. Дело в том, что в СССР после 1948 г. на серьезные работы по истории социалистической Югославии было фактически наложено табу. Вместо научных работ в адрес югославского руководства неслась самая низкопробная брань. И даже после нормализации советско-югославских отношений заниматься историей считавшейся «ревизионистской» Югославии было намного труднее, чем историей социалистических стран, входивших в восточный блок.

До сих пор «вторую», титовскую Югославию часто продолжают выделять из других европейских социалистических стран, подчеркивая ее специфичность: «аутентичная» социалистическая революция, особый

путь развития вне рамок так называемого «реального социализма», наконец, межэтнические гражданские войны 1990-х годов при распаде государства. Мы же считаем, что вынесение Югославии за рамки общих процессов в социалистической Восточной Европе, включая и Советский Союз, как чего-то совершенно уникального неправомерно. В послевоенной Югославии, разумеется, была своя специфика, связанная с конфликтом 1948 г. Но и разрыв Тито со Сталиным, и эксперименты с так называемым «самоуправленческим социализмом» не были чем-то уж совсем необычным. Они вполне могут трактоваться как первая попытка реформирования тоталитарного социализма, нахождения его модели с более-менее «человеческим лицом». Тем более что в дальнейшем, после нормализации отношений с СССР, развитие Югославии в общих чертах пошло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами. И даже череда межэтнических гражданских войн после распада Югославии, которые заняли целое десятилетие, не была исключением. На пространстве Советского Союза было также много военных конфликтов, в частности на Кавказе, в Молдавии, Средней Азии, наконец, в последнее время на востоке Украины.

Но вернемся к проблемам историографии. Историей социалистической Югославии в СССР и России занимались ученые, сосредоточенные в основном в академических научных учреждениях. Прежде всего нужно назвать Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), переименованный сначала в Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ), а затем включенный отдельным подразделением в Институт экономики. Этими проблемами занимался также ряд ученых Института славяноведения (Институт славяноведения и балканистики в 1968–1997 гг.). Отдельные специалисты работали и в других институтах и вузах.

Однако, несмотря на наличие довольно значительных научных сил, долгое время, вплоть до последних лет существования СССР, специальных исследований по истории социалистической Югославии почти не публиковалось. Разрешение на публикацию любой работы, связанной с послевоенной югославской проблематикой, давалось фактически на уровне Центрального комитета КПСС, многим изданиям присваивался гриф «ДСП» (для служебного пользования), защита диссертаций по истории социалистической Югославии проходили в закрытом режиме и т.п. Одновременно югославская научная литература по указанной проблематике находилась в СССР преимущественно в закрытых фондах библиотек, в так называемом спецхране¹⁷¹.

В итоге долгое время самым серьезным исследованием по истории социалистической Югославии оставалась, на наш взгляд, вышедшая под грифом «ДСП» и скромно названная «научным докладом» монография сотрудника ИЭМСС АН СССР П.Е. Канделя «Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949–1979)»¹⁷². Книга состояла из трех глав, которые делили историю социалистической Югославии на три части: 1) «Формирование особого внешнеполитического курса и начальные этапы развития самоуправления в Югославии (1949–1964 гг.)»;

---

¹⁷¹ В системе Академии наук исключение делалось только для Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС). Как вспоминал В.М. Каменецкий, сектор Югославии этого института, в котором он работал, «получал почти все крупные югославские газеты и журналы, а также материалы посольства» (Каменецкий В. Такие были времена, или о роли фарта в жизни человека. М. 2015. С. 25. URL: <https://www.partner-inform.de/memoirs/detail/takie-byli-vremena-ili-o-rol-i-farta-v-zhizni-cheloveka/4/759/110>).

¹⁷² См.: Кандель П.Е. Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949–1979). М., 1979.

2) «Система самоуправления в период реформы и важнейшие этапы югославской внешней политики (1964–1970 гг.)» и 3) «Новый этап в развитии самоуправления, новый период в югославской внешней политике (1971 г. — ...)».

Кандель отмечал цикличность послевоенной югославской истории: «четыре конфликта с Советским Союзом и странами социалистического содружества (1948–1954, конец 1956, 1958–1961, 1968–1971 гг.) и, соответственно, несколько периодов улучшения взаимоотношений, две экономические реформы (1961–1965 гг.), открытые письма руководства членам партии (1962 и 1972 гг.)»¹⁷³. Исходя из этого, он делил всю историю Югославии после 1948 г. на более мелкие периоды, характеризовавшиеся усилением или ослаблением государственных или самоуправленческих начал. Условно обозначая периоды преобладания элементов первого ряда как «плюсовой цикл», а противоположные — как «минусовый цикл», Кандель предложил следующую периодизацию: 1948–1953 гг. — «минусовый цикл», 1954 — 1956 гг. — «плюсовой», 1956–1961 гг. — «минусовый», 1962–1963 гг. — «плюсовой», 1964–1970 гг. — «минусовый», 1971 г. — ... — «плюсовой цикл»¹⁷⁴. Такие же циклы выделяются им и в отношениях Югославии с Советским Союзом и другими социалистическими странами: 1948–1953 гг. — «минусовый цикл», 1954–1956 гг. — «плюсовой цикл», 1957–1961 гг. — «минусовый цикл», 1962–1968 гг. — «плюсовой цикл», 1968–1970 гг. — «минусовый цикл», 1971 г. — ... «плюсовой цикл». «Плюсовые циклы» здесь периоды сближения, «минусовые» — периоды отдаления¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Там же. С. 148.

¹⁷⁴ См. там же. С. 150.

¹⁷⁵ См.: Кандель П.Е. Югославское самоуправление...

Разумеется, монография Канделя была предназначена лишь узким специалистам. Для широкого советского читателя были доступны, по существу, только две книжки на стыке научных, научно-популярных и справочных изданий уже упоминавшегося Института экономики мировой социалистической системы. Эти книжки увидели свет с разницей в десять лет, но назывались одинаково: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»¹⁷⁶. Обе книжки вышли под общей редакцией заведующего сектором Югославии Отдела ЦК КПСС по соцстранам Л.А. Никифорова. Естественно, что такое кураторство во многом способствовало их появлению в открытой печати.

Первая книжка меньшего объема и в мягком переплете вышла в свет в 1975 г. Один из ее авторов, В.М. Каменецкий, вспоминал, как он вместе с коллегой В.С. Миловановым «ходили полгода, как на работу, в ЦК КПСС. Вместе с нашим куратором мы переписывали первую за все послевоенное время книгу о Югославии. То есть книга была написана нашим сектором, но для того, чтобы были довольны и югославы, и идеологи во главе Михаилом Суловым (или, как говорил наш умный куратор, “чтоб и волки сыты, и овцы целы”), мы практически переписывали каждую страницу. Повторяю, ходили полгода, и книга все же вышла»¹⁷⁷.

Книжка состояла из четырех глав, посвященных, соответственно, общественно-политическому и экономическому развитию СФРЮ, ее внешней политике и советско-югославским отношениям. В книге давался и краткий экскурс довоенной истории, где «буржуазная

---

¹⁷⁶ См.: Социалистическая Федеративная Республика Югославия / отв. ред. Л.А. Никифоров. М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия / отв. ред. Л.А. Никифоров. М., 1985.

¹⁷⁷ Каменецкий В. Такие были времена. С. 18.

Югославия» была по аналогии с царской Россией названа, в частности, «тюрьмой народов»¹⁷⁸.

Монография тщательно обходила все «скользкие» темы, тот же конфликт 1948 г. между Сталиным и Тито. Отмечалось лишь, что обеими странами были приняты усилия «по преодолению наслоений, осложнявших в 1948–1953 гг. двусторонние связи». О резком повороте внутренней политики югославских властей после конфликта говорилось, что после принятия в 1950 г. «Основного закона об управлении государственными хозяйственными предприятиями...» на этих предприятиях были созданы «новые органы управления — рабочие советы»¹⁷⁹. Появившийся в монографии новый для советского читателя термин «самоуправление» не сопровождался какой-либо дополнительной расшифровкой. Ничего конкретного не было сказано и о новой Программе СКЮ 1958 г., признанной в свое время в СССР ревизионистской. Кроме того, история Югославии была практически лишена действующих лиц, изредка приводились лишь цитаты из выступлений Тито и его ближайшего окружения.

Вторая коллективная монография «СФРЮ» вышла в свет в 1985 г., так сказать, на заре перестройки, и была уже вдвое толще первой и в твердом переплете. Книга состояла из пяти разделов — основные этапы строительства социализма, политическая система общества, экономическое, социальное развитие и внешняя политика. Во многом она повторяла оценки, данные в первой книжке, была ее прямым продолжением, но были и существенные новшества.

Уже во Введении вполне положительно говорилось о самоуправлении как «специфической системе

---

¹⁷⁸ См.: Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1975. С. 9.

¹⁷⁹ Там же. С. 19, 164.

политической организации общественной и хозяйственной жизни» Югославии и о том, что только «творческое применение общих закономерностей к конкретным условиям страны приносит ожидаемые результаты». Приводились даже слова Горбачева о «глубокой идее основоположников марксизма-ленинизма о самоуправлении»¹⁸⁰.

В первом разделе второй книги «СФРЮ» впервые на русском языке давалась периодизация истории социалистической Югославии, совпадавшая в целом с разработками югославских ученых: 1) 1945–1950 гг. — период становления и основных социалистических преобразований; 2) 1950–1963 гг. — переход к системе рабочего самоуправления; 3) 1963–1974 гг. — переход к системе общественного самоуправления; 4) с 1974 г. — этап социалистического самоуправления¹⁸¹.

Во второй книге «СФРЮ» подробно рассматривалось десятилетие с 1975 по 1985 г. и не менее подробно теоретические проблемы самоуправления в том виде, как они трактовались в тогдашней Югославии. В монографии уже отмечалось со ссылкой на югославскую печать о возникновении «феномена так называемого республиканского этатизма», о «все большем замыкании республик в собственных рамках и проведении такой политики, которая практически не учитывает интересов содружества в целом»¹⁸². Однако степень серьезности начинавшегося югославского кризиса, приведшего в конечном итоге к распаду единого государства, предсказать, конечно, было практически невозможно.

---

¹⁸⁰ Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 6–7.

¹⁸¹ См. там же. С. 26.

¹⁸² См. там же. С. 54.

В отношении советско-югославских отношений говорилось об их «нормализации» в середине 1950-х годов, о взаимной договоренности «подвести черту и не ворошить прошлое», «отмести возникшие в годы конфликта в 1948–1953 гг. наслоения»¹⁸³. Правда, опять не объяснялось, что это были за «наслоения», и несведущий читатель мог ничего не понять.

При всех издержках эти две книги под одинаковым названием «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» сыграли свою роль и долгое время оставались в Советском Союзе главными обобщающими трудами по истории и экономике социалистической Югославии.

В те годы также изредка выходили книги, посвященные отдельным проблемам послевоенного развития Югославии, но чаще это были не исторические труды, а в лучшем случае работы на стыке истории с экономикой, социологией, культурой и т.п.¹⁸⁴ Повторим, что чисто исторических монографических трудов в открытом доступе практически не было.

В 1983 г. свет увидела книга еще одного ответственного работника ЦК КПСС — Ю.С. Гиренко «Советско-югославские отношения»¹⁸⁵. Основное внимание в этой работе уделено боевому советско-югославскому содружеству. Но автор упоминает вскользь и о резолюции Информбюро «О положение в Коммунистической партии Югославии» 1948 г., правда, причины ее появления

---

¹⁸³ Там же. С. 292.

¹⁸⁴ См., например: *Тягуненко Л.В.* Развитие сельского хозяйства СФРЮ. М., 1981; *Голенкова З.Т.* Очерк истории социологической мысли в Югославии. М., 1984; *Белоусов В.Н.* Современная архитектура Югославии. М., 1986.; *Черненко М.М.* Кино Югославии. М., 1986.

¹⁸⁵ См.: *Гиренко Ю.С.* Советско-югославские отношения. Страницы истории. М., 1983. (Еще раньше он же опубликовал небольшую брошюру. См.: *Гиренко Ю.С.* Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всесторонне сотрудничество. М., 1975.)

необъяснимы: до и после этого печального случая отношения развиваются по восходящей линии. Повествование о советско-югославских отношениях доводится до начала 1980-х годов, но это, по сути, вновь обезличенная история, вехами в которой являются визиты официальных государственных делегаций — попеременно в СССР или Югославию.

Оживление в отечественной югославистике началось уже во время перестройки. Появилось сразу несколько книг, хотя в основном это были работы, написанные ранее и ждавшие своего часа. В результате в них преимущественно отражена позиция, максимально возможная в условиях предыдущего подцензурного периода. Однако начавшаяся перестройка позволила авторам вносить и некоторые существенные коррективы. Естественно, что по мере усилившейся гласности авторы становились все более свободными в выражении своих позиций.

Одной из первых таких книг стала монография известного югослависта Л.Я. Гибианского «Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг.»¹⁸⁶. Это был уже нормальный исторический труд, основанный на доступных на тот период архивных материалах. Однако собственно на новую Югославию приходилось лишь два года, и повествование обрывалось в начале 1947 г., как раз перед началом советско-югославского конфликта. Лишь в Заключении автор сумел сказать, что тесное взаимодействие между двумя странами было «нарушено происшедшим в 1948–1949 гг. фактическим разрывом советско-югославских отношений». А затем «по инициативе советской стороны в 1953–1955 гг. была осуществлена нормализация отношений между СССР и Югославией»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ См.: *Гибианский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987.

¹⁸⁷ Там же. С. 197.

Вскоре почти одновременно были опубликованы еще две монографии, также из написанного в основном в прошлые годы, но уже полностью посвященные социалистической Югославии.

В 1990 г. вышла книга В.Д. Кузнечевского, и в ней с разных сторон рассматривалась концепция югославского самоуправления¹⁸⁸. Проблемы, переживаемые Югославией, становились все более очевидными, и автор, в целом высоко оценивая югославский опыт, пытался поспеть за событиями, внести в свое сочинение изменения, позволявшие ответить на вопрос, что же все-таки привело к кризису югославскую модель социализма¹⁸⁹.

Трудность заключалась в том, что на практике так называемое самоуправление работало далеко не так, как это было изложено на бумаге. Дистанция между схоластическими построениями югославских теоретиков и реальной жизнью была огромной. И в этом, в отсутствии в книге четкой разницы между теорией самоуправления и его реализацией на деле пожалуй, главный недостаток работы Кузнечевского.

В следующем году свет увидела книга В.М. Каменецкого, посвященная политической системе Югославии, сложившейся в 1950–1980 гг.¹⁹⁰ В свое время, писал Каменецкий, его обвиняли в апологетике югославского самоуправления, а он просто «стремился дать объективный анализ системы, которая, по его мнению, еще не исчерпала своих возможностей». Однако автор уже неумолимо отставал от жизни, говоря о «гордой стране, не побоявшейся на заре своего существования вступить в конфликт с могучей военной державой мира

---

¹⁸⁸ См.: Кузнечевский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990.

¹⁸⁹ См. там же. С. 9.

¹⁹⁰ См.: Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991.

и попытавшейся создать свою собственную модель гуманного социализма»¹⁹¹. В это время рушилась уже не только югославская модель социализма, но и сама Югославия. Теперь югославское самоуправление критиковали не только и не столько коммунистические догматики, сколько сторонники более решительного перехода на путь демократического развития.

Впрочем, отголоски идеализации югославского эксперимента заметны у В.М. Каменецкого и позже. В своих воспоминаниях, проживая уже много лет в Германии, он писал, что Югославия «строила свой, югославский социализм, который ничего общего с советским социализмом не имел. В Югославии существовала так называемая система самоуправления, согласно которой заводы и фабрики принадлежали не государству, а тем, кто на них работал. Управляли производством рабочие советы и назначаемая ими администрация»¹⁹². Нужно ли говорить, насколько эти утверждения были далеки от жизни.

Монографии Кузнечевского и Каменецкого не по вине своих авторов опоздали фактически, как минимум лет на десять. И хотя крупным достижением в югославистике они, возможно, так и не стали, сам факт их появления был отраден. Между тем политические процессы и в СССР, и в Югославии стремительно развивались, попытки обновления социализма быстро переставали быть актуальными, да и о самом социализме писать нужно было уже совсем по-другому. Однако долго еще эти две книги оставались чуть ли не единственными в России монографиями по истории социалистической Югославии.

---

¹⁹¹ Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). С. 5, 118.

¹⁹² Каменецкий В. Такие были времена, или О роли фарта в жизни человека. М. 2015. С. 8.

Другим важным направлением исследований отечественных историков оставались советско-югославские отношения. В самом начале 1990-х годов более подробно свои взгляды смог изложить Ю.С. Гиренко в монографии «Сталин и Тито». Она уже прямо была посвящена запретной до этого теме — конфликту между СССР и Югославией 1948 г.¹⁹³ Эта работа с громадным для научного издания тиражом 75 тыс. экземпляров писалась в русле модной тогда политики ликвидации «белых пятен» в истории. Одним таким пятном и был конфликт 1948 г. И уже во Введении Гиренко пишет, что хотя и с югославской стороны иногда допускались ошибки, но «не вызывает сомнения, что роковую роль... сыграл великодержавный образ мыслей и действий Сталина»¹⁹⁴. Конфликту посвящена и центральная глава книги с характерным названием «Иосиф против Иосипа». И вновь со ссылкой на доклад Хрущева на XX съезде КПСС отмечается, что решающую роль в возникновении конфликта сыграло то, что Сталин стал «в послевоенный период более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность»¹⁹⁵.

Таким образом, на первый план по-прежнему выдвигался тезис о субъективном факторе — сталинских капризах. Между тем говорить следовало о созданной Сталиным системе «социалистического лагеря» с такими же лагерными порядками, входившими в противоречие с нормальными межгосударственными отношениями, с национальными интересами той или иной страны.

---

¹⁹³ См.: Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. Следует упомянуть, что еще до монографии Гиренко появились статьи на тему конфликта 1948. См., например: Волков В.К., Гибианский Л.Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7.

¹⁹⁴ Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. С. 7.

¹⁹⁵ Там же. С. 324.

Но на устои социализма автор, естественно, не мог заматываться — книга писалась в годы перестройки, которая исходила из идеи усовершенствования социализма («больше социализма»), а не его ликвидации. Да и весь жизненный путь автора вряд ли предполагал полный разрыв с коммунистическими иллюзиями.

В книге приводится много интересных сведений. Так, Ю. Гиренко, регулярно привлекавшийся в качестве переводчика с сербохорватского языка на переговоры Брежнева с югославскими товарищами, вспоминал, например, что в конце апреля 1968 г. генсек ЦК КПСС в связи с событиями в Праге заявил Тито: «Ты смотри, Броз, как бы там и у тебя не начались процессы, аналогичные чехословацким»¹⁹⁶. Таким образом, менторский тон советские руководители по отношению к югославам сохранили несмотря на то, что нормализация отношений между двумя странами началась по их инициативе и фактически с признанием собственной вины. Впрочем, подобная фамильярность подчеркивала также межпартийную товарищескую общность. А процессы, отчасти напоминавшие чешские, начались вскоре в Югославии и позже, после смерти Тито, уже в полном масштабе, сразу во всем социалистическом мире.

Кровавый распад Югославии, изменивший помимо всего прочего геополитическую ситуацию на планете, привел к тому, что начиная с 1990-х годов главное внимание российских исследователей было приковано именно к этому событию. И надо сказать, что российские ученые довольно оперативно смогли уделить самое пристальное внимание современному югославскому кризису¹⁹⁷.

---

¹⁹⁶ Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. С. 420.

¹⁹⁷ См.: Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий

Однако история социалистической Югославии вновь оказалась несколько в тени, хотя уже по совсем другой причине. Из двух направлений, обозначенных монографиями В. Кузнецевского и В. Каменецкого, с одной стороны, и книгами Л. Гибианского и Ю. Гиренко — с другой, более развернутое продолжение получило второе, связанное с советско-югославскими отношениями.

Прежде всего необходимо назвать работу А.С. Аникеева «Как Сталин от Тито ушел»¹⁹⁸, в которой рассматривается более широкий международный контекст, но в центре внимания — советско-югославские отношения. Это уже современный взгляд на эти отношения, свободный от идеологических шор. Автор видит конфликт между СССР и Югославией как первый «сбой» в кремлевском сценарии по созданию «блока послушных его воле государств». При чем югославская компартия превращалась «в часть общей борьбы с концепцией “национального пути к социализму”»¹⁹⁹.

После этого конфликта «стало ясно, что Кремль никогда не откажется от идеи жесткой вертикали, где все указания на “места” поступают из центра, и своей роли “начальника”, тщательно регламентирующего поведение “подчиненного”. Конфликт только укрепил

этап). М., 1999; Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001; она же. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. и процесс мирного урегулирования. М., 2013.

¹⁹⁸ Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002. Он же являлся ответственным редактором сборника о реакции на конфликт 1948 г. в странах восточного блока. См.: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт в странах советского блока. 1948–1953 гг.: Очерки истории. М.; СПб., 2017.

¹⁹⁹ Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел. С. 4, 174.

советское руководство в представлении, что такую практику отношений необходимо ужесточить»²⁰⁰. Со своей стороны, югославские лидеры оказались перед дилеммой — либо вернуться в лагерь «народных демократий», «но уже на условиях Москвы, либо начать самостоятельное существование во враждебном еще недавно окружении». Тито «решительно выбрал второй путь»²⁰¹.

Направление, связанное с историей советско-югославских отношений, развивает в своем исследовании А.Б. Едемский, монография которого повествует о нормализации советско-югославских отношений после смерти Сталина²⁰². Едемский вводит в научный оборот большой объем новых архивных документов и делает вывод, что «советские руководители видели в нормализации отношений лишь промежуточный этап в процессе... действий по вовлечению Белграда в советский лагерь, восстановления иерархической структуры подчинения СКЮ Кремлю». Лидеры же Югославии, наоборот, полагали, что нормализация привела к «формированию модели равноправных отношений двух социалистических государств». Естественно, что такое разночтение не могло не приводить в дальнейшем «к периодическим кризисам в советско-югославских отношениях»²⁰³.

Как упоминалось, первое направление в российской историографии, относящееся к внутреннему развитию социалистической Югославии, несколько ушло в тень в годы югославского кризиса. Работы, посвященные этой теме, появлялись главным образом в виде глав в коллективных монографиях.

---

²⁰⁰ Там же. С. 303.

²⁰¹ Там же. С. 304.

²⁰² См.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

²⁰³ Там же. С. 594–598.

Назовем, в частности, трехтомный труд сотрудников бывшего ИЭМСС «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века»²⁰⁴. Первые два тома этой публикации относятся к интересующему нас периоду, страноведческие главы по проблемам социалистической Югославии в них написали, соответственно, Н.В. Куликова и Ю.К. Князев. Упомянем также работу сотрудников Института славяноведения РАН «Власть — общество — реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века»²⁰⁵.

Необходимо также отметить, что на югославистском направлении исторических исследований произошло заметное событие. Речь идет о подготовленной в Институте славяноведения РАН большой коллективной работе «Югославия в XX веке: Очерк политической истории»²⁰⁶. Этот труд состоит из пяти частей, но часть, посвященная периоду югославского социализма или так называемой «второй» Югославии, оказалась самой обширной. При всех возможных упущениях это первый обобщающий труд на русском языке по истории всей Югославии и югославянских земель в XX в. Напомним, что предыдущий обобщающий труд по истории Югославии заканчивался Второй мировой войной, то есть 1945 годом²⁰⁷.

---

²⁰⁴ См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века.: В 3 т. / отв. ред. А.Д. Некипелов (Т. 1. Становление «реального социализма» (1945–1965). М., 2000; Т. 2. От стабилизации к кризису (1966–1989). М., 2002; Т. 3. Ч. 1, 2. Трансформации 90-х годов. М., 2002).

²⁰⁵ См.: *Никифоров К.В.* Югославский эксперимент // *Власть — общество — реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века.* М., 2006.

²⁰⁶ См.: *Югославия в XX веке: Очерк политической истории* / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011.

²⁰⁷ См.: *История Югославии: В 2 т.* / под ред. Л.Б. Валева, Г.М. Славина, И.И. Удальцова. М., 1963. Т. II.

В этот же период свет увидели большие, но несколько сумбурные книги С.А. Романенко²⁰⁸. Упомянем также книгу Ю.В. Шахина «Югославия на пути модернизации»²⁰⁹. Автор с левых позиций и достаточно комплементарно рассматривает период расцвета югославского самоуправления. В этом смысле книга Шахина выделяется на фоне большинства других современных работ.

Следует также отметить книгу Б.С. Новосельцева, посвященную внешней политике Югославии в 1961–1968 гг.²¹⁰ Автор анализирует как отношения Югославии со сверхдержавами, так и ее роль в Движении неприсоединения. Особое внимание уделено отношению Югославии к событиям 1968 г. в Чехословакии.

Нам представляется, что процессы, происходившие в 1960-е годы, еще долго будут привлекать к себе пристальное внимание. И не только югославистов. Этот период — самый интересный в истории всех социалистических стран, и Советского Союза в том числе.

Итак, российской историографией по проблематике социалистической Югославии и советско-югославских отношений сделано немало. Довольно хорошо изучены, в частности, конфликт 1948 г., а теперь и нормализация советско-югославских отношений в 1953–1956 гг. На очереди — 1960-е годы, а затем и все последующие по мере открытия архивных фондов. И эта работа уже ведется. Требуется также дальнейшее изучение внутреннего развития Югославии, приведшего к кровавому распаду этой страны в 1991–2001 гг.

---

²⁰⁸ См.: Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война; он же. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI в. М., 2002.

²⁰⁹ См.: Шахин Ю.В. Югославия на пути модернизации. 1947–1961 гг. М., 2008.

²¹⁰ См.: Новосельцев Б.С. Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015.

В заключение хотелось бы сказать о публикаторской работе отечественных историков (часто эта работа велась совместно с сербскими историками). Прежде всего упоминания заслуживает публикация, выполненная под кураторством внешнеполитических ведомств двух стран на русском и сербском языках: «Советско-югославские отношения. 1945–1956»²¹¹. Важным событием в историографии стал также большой совместный труд по изданию документов обо всех советско-югославских встречах на высшем уровне с 1946 по 1980 г. Работа завершилась изданием двухтомной публикации на русском и сербском языках, с большими вступительными статьями и подробными комментариями²¹².

---

²¹¹ См.: Советско-югославские отношения. 1945–1956: Документы и материалы. Новосибирск, 2010.

²¹² См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том первый. 1946–1964. М., 2014; Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том второй. 1964–1980. М., 2017.

«ОСОБЫЙ ПУТЬ» СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ

В социалистической Югославии, по крайней мере, на официальном уровне и в господствующей историографии существовала гордая убежденность в совершенно уникальном развитии их страны, не имевшем ничего общего не только с западными странами, но и со странами так называемого «реального социализма».

Прежде всего такая убежденность зиждилась на «аутентичной революции», а не на ее импорте из СССР на штыках Красной Армии и, во-вторых, на реализуемой в Югославии концепции особого социалистического пути. Второе было самым важным. Югославские политические верхи и обслуживавшие их обществоведы утверждали, что только Югославия после 1948 г. сумела освободиться от уз сталинского государственного этатизма и первой пойти по пути отмирания государства, который предсказывали еще Маркс и Энгельс и по которому якобы неминуемо пойдут затем и все другие социалистические страны.

Как сформулировала профессор Университета в норвежском Тронхейме, американка Сабина Рамет, после столкновения двух нелегитимных режимов произошло превращение нелегитимного югославского режима в режим условно легитимный, который базировался на трех столпах: братстве и единстве, самоуправлении

и неприсоединении²¹³. Из этой краткой формулы национальной, внутренней и внешней политики социалистической Югославии оригинальным было только самоуправление.

«Титовская Югославия, — отмечает словенский публицист Миро Симчич, — была, без сомнения, одной из коммунистических держав, в которой отсутствовали демократия, политический плюрализм и парламентаризм. ... От классического коммунистического устройства она отличалась по самоуправлению, по системе непосредственной демократии. Ее устройство было противоположным и западноевропейским государствам, где от имени народа государством управляют представители различных партий, выбранных на свободных выборах»²¹⁴.

Модель Югославии, внедрявшаяся после 1948 г., была названа самоуправленческим социализмом. Именно самоуправление стало отличительной чертой югославского эксперимента, а по сути — попыткой уйти от модели, реализуемой в других социалистических странах. Здесь югославы были первопроходцами, хотя в отдаленном виде их теоретические построения и практические действия напоминали уже полностью забытые к тому времени идеи новой экономической политики (НЭП), апробированные в СССР в 1920-е годы.

Однако с югославским самоуправлением не все так просто, как это долгие годы подавалось в югославских учебниках.

Во-первых, начинали югославские коммунисты с преобразований, которые полностью копировали те, которые осуществлялись в СССР. По скорости и радикальности внедрения большевистского опыта власти Югославии даже опережали другие страны Восточной

---

²¹³ См.: *Ramet S.P.* Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918.-2005. Zagreb, 2009. S. 243-244.

²¹⁴ *Simčič M.* Tito bez maske. Beograd, 2008. S. 390-391.

Европы. Затем на самом деле, случился поворот к самоуправлению, причем с действительными и мнимыми сталинистами в своих рядах югославское руководство обращалось по-сталински. Сеть информаторов и доносчиков составляла, по некоторым данным, около 2 млн. человек. В борьбе со сторонниками Информбюро в Югославии было арестовано более 55 тыс. человек, (около половины из них — в Сербии)²¹⁵. Арестованные в Хорватии также в большинстве своем были этническими сербами. Причем зверская система обращения с заключенными в самом известном лагере — Голи-Отоке (Голом Острове) — была цинично названа их тюремщиками «самоуправлением» и «самовоспитанием».

Поворот к самоуправлению был ситуативным. А.С. Аникеев пишет, что «во многом начатые реформы носили декларативный характер, были рассчитаны на противопоставление новой, “аутентичной” югославской концепции советской, как подчеркивалось, сталинской практике»²¹⁶.

Во-вторых, демократический потенциал самоуправления изначально «противоречил истинной природе югославского авторитарного режима, монополии коммунистической “номенклатуры” на власть и сохранению общественной собственности в доминирующей части экономики»²¹⁷. Причем совсем не случайно «антисталинистский социализм» определился в пользу “непосредственной демократии”. Большинство авторитарных

---

²¹⁵ См.: *Димић Љ*. Историја Српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 341.

²¹⁶ *Аникеев А.С.* Разрыв с Москвой и зарождение югославской модели социализма // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. М.; СПб., 2020. С. 59.

²¹⁷ *Кандель П.* Югославский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 103.

и тоталитарных режимов, люто враждуя с демократией представительной, проявляют понятную склонность к демократии непосредственной, где возможности манипуляции массами гораздо шире. По этим причинам самоуправление неизбежно принимало псевдодемократические формы»²¹⁸. Кстати, и Советы в СССР изначально были органами не представительской, а, скорее, прямой митинговой демократии. В дальнейшем они служили ширмой для партийной власти и одновременно лицемерно противопоставлялись «буржуазному парламентаризму» и системе разделения властей.

В реальной жизни югославский лидер Й. Броз-Тито ничем не отличался от других коммунистических вождей и также опирался на всеильную тайную полицию и систему привилегий для своих. Например, для высоких партийных и государственных работников в Югославии была создана сеть закрытых распределителей. В Белграде работал знаменитый «дипломатический магазин», обслуживавший членов ЦК компартии и правительства, а также иностранных дипломатов высококачественными товарами по низким ценам. Подобная система существовала во всех соцстранах. В СССР, в частности, это были закрытые распределители, а также сети магазинов «Торгсин» в 1930-е и «Березка» в 1970-е — 1980-е годы. Надо сказать, что даже язык партийных постановлений и других документов в Югославии и странах «реального социализма» был удивительно похож.

В-третьих, югославское толкование самого термина «самоуправление» было чрезмерно расширительным. В реальности никакого «социалистического самоуправления», непосредственной демократии снизу доверху и во всех сферах жизни тоже не существовало. Один из немногих осмелившихся на критику режима С. Стоянчевич справедливо отмечал, что югославскую

---

²¹⁸ Там же.

ситуацию «характеризует децентрализованный и отчасти либерализованный этатизм, в котором самоуправление ограничено рабочим местом и неполитическими вопросами»²¹⁹. По-видимому, иначе и быть не могло: опыт показывает, что реальное самоуправление возможно лишь на низшем и местном уровне. Впрочем, это ни в коем случае не отменяет огромной ценности того же местного самоуправления.

Наконец, *в-четвертых*, самоуправленческие реформы были ограничены во времени. Для югославских властей крайняя необходимость в них была в период острой фазы советско-югославского конфликта. После нормализации отношений в середине 1950-х годов нужда в самоуправлении заметно снизилась. По словам Милована Джиласа, «Тито принял новую идеологическую линию, которую ему предложили его интеллектуально более продвинутые товарищи, но после смерти Сталина он избавился от нее как от балласта и угрозы, направленной против его личной власти». Джилас вспоминал, что, когда Тито почувствовал «уменьшение нажима, он приостановил демократизацию, особенно в идейной области»²²⁰.

«Вместе с тем, — полагает А.С. Аникеев, — в 1960–1970-е гг. самоуправленческая модель получила развитие, показала свою эффективность и вместе с другими факторами позволила Югославии войти в число стран с развитой экономикой и сравнительно либеральной общественной системой»²²¹. Однако развитие социалистической Югославии шло по синусоиде, с преобла-

²¹⁹ *Stojančević S.* Sadašnja jugoslovenska kriza i neophodnost političkih reformi // Sociološki pregled. 1986. G. 20. Br. 1/2. S. 83.

²²⁰ *Джилас М.* Тито, мой друг и мой враг. Paris, 1980. С. 181. См. также: *Пирьевец Й.* Тито и товарищи. М.; СПб., 2019. С. 327.

²²¹ *Аникеев А.С.* Разрыв с Москвой и зарождение югославской модели социализма. С. 59.

данием то самоуправленческих, то этатистских начал. И нам представляется, что золотой век самоуправления случился несколько раньше и приходится на 1960-е годы, а с начала 1970-х годов, особенно со второй их половины, уже начинается сползание в застой.

Не случайно американский исследователь Дж. Лемпи в своей книге «Югославия как история» начинает главу «Ослабление титовской Югославии» с 1968 г. В целом же Лемпи предлагает такую периодизацию: возникновение второй Югославии (1946–1953 гг.), подъем титовской Югославии (1954–1967 гг.), ослабление титовской Югославии (1968–1988 гг.), конец Югославии (1989–1991 гг.).²²²

Приведенную периодизацию можно сравнить с периодизацией немецкой исследовательницы М.-Ж. Чалич: консолидация коммунистической власти (1943–1948 гг.), титовский социализм (1948–1964 гг.), реформы и соперничество (1964–1968 гг.), новый национализм (1967–1971 гг.), после «бума» (1971–1980 гг.), кризис социалистической модернизации (1980–1989 гг.), дезинтеграция и распад государства (1989–1991 гг.).²²³ И здесь 1970-е годы — это уже после «бума», это уже затухающее движение.

Наконец, приведем мнение немецкого профессора Х. Зундхауссена. «В семидесятых годах, — пишет он, — казалось, что Югославия со своей особенной экономикой и общественной моделью, связанной с культурно-политической либерализацией, нашла привлекательный “третий путь” между капитализмом и реальным социализмом». Однако история успеха, замечает Х. Зундхауссен, была уже с 1960-х годов все больше связана с кризисом, который общество сначала «с недоверием едва замечало или полностью отрицало. За блестящим внешним

²²² См.: *Lempi Dž.R.* Jugoslavija kao istorija. Bila dvaput jedna zemlja. Beograd, 2004. S. 265.

²²³ См.: *Чалић М.-Ж.* Историја Југославије у 20. веку. Београд, 2013. С. 6–7, 324.

фасадом в строительстве социализма открывались уродливые трещины быстрого, расточительного, часто хаотичного развития». Раздел своей книги, охватывающей период с 1965 до 1980 г., Зундхауссен назвал «Прощание с югославенством и конец “титовской эры”»²²⁴.

Конечно, на словах самоуправление продолжало функционировать. Оно уже стало визитной карточкой югославского режима, и полностью от него не отказывались. Но оно «со временем бюрократизировалось и становилось неэффективным»²²⁵. В целом же появившееся как антипод этатизма самоуправление, по сути, стало лишь более мягкой разновидностью того же государственного социализма.

Подчеркнем, что наиболее решительная попытка преодолеть присущие социалистической экономике пороки случилась в Югославии в 1964–1965 гг., когда начали проводиться самые радикальные реформы за время всего самоуправленческого эксперимента. Это был своего рода пик самоуправленческого развития страны. Одновременно расширились возможности для общественных дискуссий, увеличилась свобода самовыражения в литературе, живописи, философии. Именно тогда появились «черная волна» в литературе и кинематографе и «новые левые» в философии, группировавшиеся вокруг журнала “Praxis”. Причем философы еще отдавали предпочтение не многопартийности, а некой социалистической «непартийной демократии» через различные самоуправленческие организации²²⁶.

Необходимо отметить, что это было время попыток преобразований и в других европейских социалистических

---

²²⁴ Зундхауссен Х. Историја Србије од 19. До 21. века. Београд, 2008. С. 392, 398.

²²⁵ Goldstein I. Hrvatska. 1918–2008. Zagreb, 2008. S. 469.

²²⁶ См.: Николић К. Србија у Титовој Југославији (1941–1980). Београд, 2011. С. 263.

странах²²⁷. В частности, именно тогда в СССР задумывалась так и не состоявшаяся реформа А. Косыгина. В Чехословакии чуть позже случилась Пражская весна — самая известная попытка построить «социализм с человеческим лицом». Тогда же в Советском Союзе проявилось особое течение среди интеллигенции, представителей которого называли «шестидесятниками». Они обличали недостатки власти, но еще не режима в целом, критиковали Сталина, но не Ленина. Тогда же зародилось такое протестное явление, как инакомыслящие (или диссиденты как их крайняя и организованная составляющая). Начало диссидентского движения в СССР обычно связывают с процессом над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем в 1965 г.²²⁸ Диссиденты были не только в СССР, но и во всех странах «реального социализма», включая и Югославию (М. Джилас, М. Михайлов и др.)²²⁹.

Подчеркнем, что с этого момента развитие Югославии, несмотря на все своеобразие, вновь шло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами. Развитие шло по одним и тем же законам и закончилось одинаково — застоєм и крахом.

Напуганное Пражской весной, советское руководство повело дело к сворачиванию любых преобразований у себя в стране. Ужесточились и иерархические отношения внутри социалистического содружества. Именно к этому времени относится так называемая «доктрина Брежнева» — ограничение суверенитета стран социалистического содружества.

---

²²⁷ Подробнее см.: В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. М., 2011.

²²⁸ См., например: *Никифоров К.В.* Предисловие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е годы XX в. М., 2014. С. 7–12.

²²⁹ Подробнее см.: *Цветковић С.* Портрети дисидената. Београд, 2007. См. также: *Cvetković S.* Između srpa i čekića 3. Oblici otpora komunističom režimu u Srbiji 1944–1991. Beograd, 2013.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов свои кризисы стали возникать и в Югославии. Ее руководство пыталось разрешить их жестким подавлением всех несанкционированных выступлений и усилением цементирующей роли партии. Вместе с тем продолжилась политика децентрализации — переноса властных полномочий с уровня федерации на уровень республик. В частности, завершилась конституционная реформа, расширившая еще больше права республик и краев.

Тито с начала 1970-х годов подавил все модернизационные течения. Он «остановил движение, прекратил перемены и вернул творческие общественные, национальные, индивидуальные возможности к упрощенным формулам и отжившим идеалам своей молодости: партия, класс, марксизм, монолитность, индокринация. И — а как же иначе? — к дальнейшему укреплению своей единоличной власти и обожествлению своей личной власти»²³⁰.

«Золотой век титоизма», или самоуправления, к 1970-м годам закончился. То, что титоизм — иллюзия в политическом смысле, стало ясно после репрессий и возврата к старым схемам. То, что это иллюзия в экономическом смысле, стало ясно на рубеже 1970-х — 1980-х годов²³¹.

Наконец, в идеологическом смысле самоуправление превратилось в некий фетиш, догму, которую нельзя было критиковать. Вернее, критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие идеологии — считались враждебными. Импульсы прежних лет ослабли, а придать системе новое ускорение, найти новые резервы и возможности развития мешали идеологические шоры. Власть

---

²³⁰ Джилас М. Тито, мой друг и мой враг. С. 210; Пирьевец Й. Тито и товарищи. С. 529–530.

²³¹ См.: Goldstein I., Goldstein S. Tito. Novi Sad, 2018. S. 577–578.

использовала старый подержанный идеологический багаж и всё более оторванные от жизни схемы.

Повторим, что сползание к застою началось в Югославии (опять синхронно со странами «реального социализма») уже со второй половины 1970-х годов. В это время в Югославии уже полностью сформировался культ личности Тито. В 1974 г. по решению X съезда СКЮ и согласно статье 333 новой Конституции СФРЮ он стал пожизненным председателем и партии, и государства²³². Тито все более чувствовал себя непогрешимым правителем, проводя больше времени за охотой, чем за решением государственных и партийных дел. По мнению К. Николича, «фанфаронство» Тито проявлялось во многих вещах, но больше всего во дворцах и резиденциях, в которых он жил»²³³. Продолжались его официальные восхваления. В 1977 г. торжественно отмечалось 85-летие югославского лидера и 40-летие его прихода к руководству КПЮ. Этот год официальной пропагандой был объявлен «годом юбилея Тито». Незадолго перед смертью Йосипа Броза предложили наградить четвертым орденом Народного героя за то, что он удачно перенес операцию. Но это предложение не получило одобрения, поскольку Тито вскоре стало хуже²³⁴. Характерно, что в те же годы в СССР существовал верхушечный культ «дорогого Леонида Ильича Брежнева».

Подобно тому как лампочка вспыхивает ярче перед тем, как перегореть, перед окончательным застоём в Югославии также случился короткий период активной законодательной деятельности, связанный не столько

---

²³² См.: Количество членов Президиума СФРЮ, согласно Конституции 1974 г., было уменьшено с 23 до 9 человек: Тито + 8 (по одному представителю от 6 республик и 2 автономных краев).

²³³ Николич К. Србија у Титовој Југославији (1941–1980). Београд, 2011. С. 374.

²³⁴ См.: Пирьевец Й. Тито и товарищи. М.; СПб., 2019. С. 583.

с именем Й. Броза-Тито, сколько с деятельностью Э. Карделя. Эти изменения были настолько значительными, что позволили известному загребскому политологу Д. Йовичу назвать последний период существования союзного государства «карделевской Югославией»²³⁵.

В целом Йович взамен устоявшегося в историографии деления истории общего государства югославян на «первую», межвоенную королевскую и «вторую», послевоенную социалистическую Югославию предлагает собственную схему. Она состоит из четырех периодов, или «учредительных проектов», по два — на предвоенную и послевоенную Югославию: 1) проект народного единства; 2) проект договорного югославянства; 3) проект братства и единства (титовский проект) и 4) карделевский проект. Карделевской Югославии, по сути, и посвящена книга Д. Йовича об отмирающем югославском государстве, именно здесь видит он истоки будущего югославского кризиса. По его мнению, поворот к «четвертой», карделевской Югославии начался еще в 1966 г. с поражения Александра Ранковича (реалиста) и победы Эдварда Карделя (идеолога). Затем, в 1967–1974 гг., произошла коренная конституционная реконструкция государства. С этого времени и начинается отсчет карделевской Югославии, просуществовавшей от принятия Конституции 1974 г. и до распада Союза коммунистов Югославии в январе 1990 г.²³⁶

Помимо конституции 1974 г., которая переместила государственную власть с федерального на республиканский уровень, социальный эксперимент в Югославии был дополнен изобретением так называемых «организаций объединенного труда» и «делегатской системы». Было заявлено, что тем самым самоуправление

²³⁵ См.: *D. Jović. Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990)*. Zagreb, 2003.

²³⁶ *Ibid.* S. 106–107, 135–138.

выходит за рамки предприятий (которым ранее в теории отдавалось предпочтение) и образует новые общественные отношения на основе объединенного труда. Однако новые теоретические построения были крайне запутанными, схоластическими, ни к какой непосредственной демократии не вели, зато серьезно затрудняли оперативное принятие экономических решений. Достаточно сказать, что закон об объединенном труде насчитывал 671 статью. Чтобы заставить новую систему работать, было издано еще огромное количество правовых актов. Несмотря на это, любой вопрос требовал многочисленных дополнительных согласований.

По поводу концепций «объединенного труда» и «делегатской системы» П.Е. Кандель не без оснований пишет, что «все это формально выглядело как максимальная децентрализация процесса принятия решений и провозглашалось торжеством непосредственной демократии. В реальности же была создана громоздкая, преднамеренно усложненная система, ограничивающая самостоятельность предприятий и опутывающая их сетью добровольно-принудительных “общественных договоров и самоуправленческих соглашений”, при заключении которых ключевую роль играли органы власти и общественно-политические организации (читай партийные инстанции)... В этом и состояли подлинные цели нововведений: восстановить контроль политической бюрократии над хозяйственной, ставшей не в меру самостоятельной; создать систему многоступенчатых непрямых выборов с многочисленными фильтрами на всех ее этапах, позволявшую властям полностью гарантировать результат избирательного процесса»²³⁷.

Система самоуправления вылилась в Югославии в «пустые тирады о самостоятельном принятии решений трудящимися». На самом деле «самоуправление

---

²³⁷ Кандель П. Югославский «Вавилон». С. 104.

на практике создало огромный бюрократический аппарат и препятствовало экономическому развитию, маскируя партийный контроль над всеми аспектами политической и экономической жизни»²³⁸.

По сути, нововведения вели к краху югославского эксперимента. Конституция 1974 г., ослабив союзный центр, вела к распаду федеративного государства, а крайне запутанный и экономически безжизненный закон об объединенном труде — к развалу югославской экономики²³⁹.

Э. Кардель как будто бы пытался что-то изменить, придать новый импульс развитию югославского общества. В частности, широкую известность получила его книга «Направление развития политической системы социалистического самоуправления», вышедшая в 1977 г. В работе вводилось новое понятие — «плюрализм» интересов в социалистическом обществе. Однако трудно было всерьез говорить о каком-либо плюрализме в однопартийной и авторитарной политической системе. В любом случае идеи, изложенные Карделем, не получили никакой практической реализации. Сам он вскоре заболел и умер в 1979 г. Через год, в 1980-м умер Й. Броз-Тито, еще через два года, в 1982-м — Л.И. Брежнев.

Конечно, при всем сходстве «реального социализма» и режима, сложившегося в Югославии, нельзя сказать, что югославские преобразования оказались совсем напрасными. «Повседневная частная жизнь среднего гражданина» в Югославии была «гораздо более сносной». «Большая автономия частной жизни, пока она не затрагивала политики, проявлялась в широких возможностях выезда за границу, в относительной свободе

---

²³⁸ Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 350.

²³⁹ Об объединенном труде подробнее см., например: Пирьевец Й. Тито и товарищи. С. 535–538.

творчества, сравнительно либеральном цензурном режиме, свободе вероисповедания и менее репрессивном курсе по отношению к церкви, в фактической легализации забастовок». В то же время, совершенно справедливо отмечает П. Кандель, «хотя все это в пропаганде и массовом сознании отождествлялось с “самоуправленческим социализмом”, собственно к самоуправлению имело лишь косвенное отношение. Дерзнувшее провозгласить себя альтернативой “советскому социализму”, оно в действительности оказалось лишь его более гибкой и несколько улучшенной версией»²⁴⁰.

Об этом же пишет словенский академик Й. Пирьевец: «Хотя критика режима в любой форме была все еще запрещена, искусство и интеллектуальная жизнь уже не были подвержены предварительной цензуре как таковой, но продолжала существовать самоцензура, т. е. каждый нес ответственность за то, что писал. Еще важнее было то, что границы были открыты. Не только для людей, но и для идей»²⁴¹.

Еще при жизни Тито появилось понятие «титоизм» для обозначения теоретической основы того, что происходило в Югославии после 1948 г. В то же время теоретиком Тито не был, и титоизм остался скорее практикой, чем теорией. Хорватский исследователь старшего поколения Славко Голдштейн «определял титоизм как понятие, под которым в мире обычно называют систему, “которая после послевоенного пятилетнего сталинского тоталитаризма реформирована в оригинальный югославский вариант смягченного коммунизма”»²⁴².

Об этом же пишет сербский историк Коста Николич: «Специфичность югославской внутренней и внешней

---

²⁴⁰ Кандель П. Югославский «Вавилон». С. 103.

²⁴¹ Пирьевец Й. Тито и товарищи. М.; СПб., 2019. С. 604.

²⁴² Goldstein I., Goldstein S. Tito. Novi Sad, 2018. S. 576.

политики (непринадлежность к Варшавскому договору и относительно большая степень личных свобод по отношению с Восточной Европой) была следствием конфликта с Советским Союзом, после чего в Югославии утвердилась модифицированная модель социализма... Это существенно не изменило тоталитарный характер режима, который в своих важнейших элементах... был идентичен или очень похож на другие коммунистические системы»²⁴³.

Для нас важно, что большинство специалистов едины в одном: это «смягченный», «модифицированный» вариант, модель с большей степенью личных свобод, но не принципиально новая система по сравнению со странами «реального социализма». Югославы избежали лишений социализма советского типа и повседневной жестокости капитализма. Работали мало, но жизненный стандарт рос. Парадоксально, но этот наименее репрессивный облик коммунизма закончился наиболее кровавым распадом²⁴⁴.

«Свой демократический социализм Югославия отстаивала с особым рвением и завидной последовательностью, — пишет Е.Ю. Гуськова. — Но и этот вариант так называемого демократического и национального социализма потерпел неудачу, причем практически одновременно с советским»²⁴⁵. Все верно, только мы бы не стали называть югославский вариант «демократическим социализмом». Подобного варианта социализма никогда не существовало, а попытка доказать его возможность была раздавлена советскими танками в Праге в 1968 г.

---

²⁴³ Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20 веку. Београд, 2016. С. 174.

²⁴⁴ См.: Павловић Ст.К. Србија: историја иза имена. Београд, 2004. С. 273.

²⁴⁵ Гуськова Е.Ю. Реформы послевоенной политической системы Югославии: за или против социализма? // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). С. 95.

После смерти Тито его соратники выдвинули лозунг: «И после Тито — Тито», столь напоминавший советское заклинание после кончины «вождя пролетариата»: «Ленин и теперь живет всех живых». Но остановить время невозможно. В Югославии начались процессы, опять в чем-то схожие с современными им событиями в СССР и получившие в советском варианте название «перестройка»²⁴⁶. И так же как в СССР, параллельно с идеологическим послаблением стала резко ухудшаться экономическая ситуация. Так, уже через месяц после смерти Тито югославский динар был девальвирован сразу на 30%²⁴⁷.

В первой половине 1980-х годов в югославской публицистике, художественной и научной литературе поднялась волна критики существующего порядка. Критике подвергались уже не отдельные перегибы, а югославский самоуправленческий социализм в целом, представавший фактически разновидностью сталинизма. Стала появляться и критика самого Тито. Причем процесс демократизации захватил в основном Сербию, в то время как Хорватия, другая ведущая югославская республика, выглядела оплотом догматизма. Отдаленно это можно было сравнить с процессами в РСФСР и Советской Украине.

Основой внешней политики Югославии было лавирование между двумя блоками и извлечение из этого внешних ресурсов для ускоренного развития экономики страны и поднятия уровня жизни населения. Фактически СФРЮ всегда жила не по средствам, активно осваивая дотации соперничающих блоков во всех сферах.

---

²⁴⁶ О «разительном сходстве» югославских явлений с аналогичными процессами в СССР пишет Г.Н. Энгельгардт. См.: *Энгельгардт Г.Н.* «Детитоизация» в Югославии. Донесения советского посольства в Белграде о кампании критики деятельности и наследия Й. Броз Тито в 1990 г. // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). С. 244.

²⁴⁷ См.: *Николић К.* Једна изгубљена историја — Србија у 20 веку. С. 217.

Следствием этого был как более высокий уровень жизни по сравнению с другими соцстранами, так и тяжелейший социально-экономический кризис 1980-х годов, вызванный прекращением внешней подпитки югославской экономики.

Авторитет Югославии в мире поддерживался тем, что она пыталась выступить лидером стран «третьего мира», организовав Движение неприсоединения. Разрушение биполярного мира делало эту организацию бессмысленной. Еще раньше все более бессмысленной становилась доктрина самоуправления, которая десятилетиями привлекала западных интеллектуалов левой ориентации как важная инновация в социализме²⁴⁸. Таким образом, рушились оба столпа югославской привлекательности для внешнего мира.

Любопытно, что в Советском Союзе даже после нормализации межгосударственных отношений с Югославией самоуправление по-прежнему трактовалось как анархосиндикализм или ревизионизм. Однако в начале горбачевской перестройки, когда в Югославии самоуправление уже подвергалось критике, в СССР оно, напротив, на короткое время неожиданно стало почти образцом общественного развития, альтернативой административно-командной системе «реального социализма».

Приведем для примера выдержки из двух публицистических работ того времени известных отечественных политологов. Так, Ф. Бурлацкий считал, что «государственный социализм» должен преобразовываться «в новую форму, которую условно можно было бы назвать “общенародным самоуправляемым социализмом”»²⁴⁹.

---

²⁴⁸ См.: Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. С. 350.

²⁴⁹ Бурлацкий Ф. Какой социализм народу нужен // Литературная газета. 1988. 20 апр.

Ему вторил В. Киселев, который полагал, что «надо вернуться к пониманию социализма как самоуправляемого общества»²⁵⁰. Причем, повторим, такой поворот в трактовке самоуправления произошел тогда, когда в самой Югославии самоуправление уже стало подвергаться все большей критике и даже отвергаться.

Экономический и политический кризисы, охватившие Югославию в 1980-е годы, все время отягощались событиями в Косово, где положение сербского населения неуклонно ухудшалось. С 1981 г. албанские сепаратисты начали инициировать в крае вооруженные беспорядки. Тогда же на сербской политической арене появился Слободан Милошевич — главное действующее лицо сербской истории 1990-х годов²⁵¹. И это имело для Сербии далеко идущие последствия.

В то время, когда везде в Восточной Европе коммунизм доживал последние дни, старый режим в Сербии, оседлав во многом национальную волну, сумел еще раз утвердиться у власти. Фактически Милошевичу удалось свалить все грехи не на социалистическую утопию, пусть и в югославском, более мягком варианте, а на систему, установленную введением конституции 1974 г.²⁵²

В конце 1988 г. Милошевич с помощью в значительной степени инспирированных акций протеста против местной бюрократии смог заменить руководство в Воеводине и Черногории на своих ставленников.

---

²⁵⁰ Киселев В. Возвращаясь к ленинским принципам // Московская правда. 1988. 9 февр.

²⁵¹ К. Николич пишет, что культ Тито в Сербии просуществовал до 1987 г., до момента установления всей полноты власти Слободана Милошевича. См.: *Nikolić K. "I posle Tita — Tito". Održavanje i rušenje Titovog kulta u Srbiji 1980–1990 // Tito — viđenja i tumačenja. Beograd, 2011. S. 763.*

²⁵² См.: *Павловић Ст.К. Србија: историја иза имена. С. 236.*

Аналогичные попытки делались в Боснии и Герцеговине, но они провалились. Эти перевороты получили название «антибюрократических революций». Но, конечно, они не имели ничего общего с трансформационными революциями 1989 г. в Восточной Европе.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии подпитывался параллельным ростом национализма в западных республиках — Словении и Хорватии. Это накладывалось на быстрое ухудшение состояния югославской экономики. Премьер-министр страны известный экономист-практик из Хорватии А. Маркович предложил пакет мер по оздоровлению ситуации. Первые результаты реформы оказались на удивление успешными. Однако времени для продолжения начатого у Марковича уже не было.

Под давлением Запада, событий в Советском Союзе и других странах восточного блока, а также в результате своего собственного кризисного развития югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Они проходили с весны до конца 1990 г. и в четырех из шести югославских республик сыграли роль трансформационных революций, поскольку покончили с правлением коммунистов.

В целом можно сказать, что и после первых многопартийных выборов, несмотря на отмеченные различия, югославские республики по-прежнему развивались однотипно и в общем русле с другими восточноевропейскими постсоциалистическими странами. Не было ничего экстраординарного даже в череде гражданских войн на территории бывшей Югославии, которые сопровождали распад федерации. «Часто повторяют, — пишет М.В. Белов, — что государствам — наследникам Союза, во всяком случае России, удалось избежать судьбы бывшей Югославии... На самом деле это вовсе не так. На постсоветском пространстве тоже

лилась кровь, а некоторые конфликты остаются неурегулированными до сих пор»²⁵³.

И действительно, на постсоветском пространстве, в частности его европейской части, войн было предостаточно: Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия, Приднестровье, наконец, две Чеченские войны уже на территории Российской Федерации. Можно сказать, что и возвращение Крыма в Россию, и события в Донбасе — более отдаленные последствия распада СССР.

Общим было и того, что вакуум, образовавшийся на востоке Европы после краха биполярного мира, стал постепенно заполняться НАТО и Евросоюзом. Вначале этот процесс распространился на Центральную Европу, затем — на Юго-Восточную, а потом и на часть Восточной — бывшую советскую Прибалтику. Делаются попытки вовлечь в него Грузию и Украину.

Таким образом, на наш взгляд, югославский эксперимент не так уж сильно отличался от практики построения социализма в странах «реального социализма»²⁵⁴. Общего было гораздо больше, чем особенного, и Югославия, несомненно, оставалась социалистической страной. Опять же мы не видим ничего эксклюзивного и в постсоциалистическом развитии югославских государств. Они решали одни и те же задачи с другими бывшими социалистическими странами.

---

²⁵³ Белов М.В. Русские и сербы во взаимных представлениях // Человек на Балканах. Памяти А.Л. Шемякина (1960–2018). М.; СПб., 2020. С. 418.

²⁵⁴ Вывод о развитии Югославии при всей ее специфике в общем русле вместе с другими социалистическими странами был сделан нами в статье: «Особый путь» социалистической Югославии и постъюгославских государств // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1850–1970-е гг.). С. 259–272.

ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

П

еред тем как рассмотреть особенности трансформации (транзикиции) в Сербии, мы бы хотели остановиться на некоторых общих особенностях этого процесса, в том числе и на особенностях его изучения.

Начинать, наверное, нужно с дефиниций.

Во-первых, сама трансформация означала во многом модернизацию, вернее — смену одного типа модернизации, проходившей в странах региона, на другой. Вместо окончательно выдохнувшейся модернизации социалистической, альтернативной классической европеизации, в этих странах после «бархатных революций» начался переход к модернизации имитационной, догоняющей, копирующей западные образцы. Не случайно именно в это время был так популярен призыв «возвращения в Европу». Сегодня уже понятно, что странам региона вновь не удалось полностью «вернуться в Европу». По крайней мере, разрыв в развитии со «старыми европейцами» преодолеть не удалось. Повторилась ситуация как периода между двумя мировыми войнами, так и периода «социалистического строительства». Оказалось, что существующее отставание невозможно быстро преодолеть, даже резко изменив вектор общественного развития. Перепрыгнуть через эпоху вновь не удалось.

Во-вторых, до всех изменений 1990-х годов рассматриваемый нами регион назывался обычно Восточной Европой. Здесь был создан восточный блок во главе с Советским Союзом, который во времена биполярного мира противостоял блоку западному во главе с США. После краха европейского социализма и ликвидации восточного блока этот восточноевропейский регион вновь распался на исторические части: Центральную Европу (минус ГДР плюс Австрия и, возможно, Словения), Юго-Восточную Европу (Балканы и карпато-балканская Румыния), а также Восточную Европу (европейские республики бывшего СССР минус страны Балтии).

Появились и новые дефиниции. Например, в этой связи можно упомянуть никогда не существовавший ранее термин «Западные Балканы» (постъюгославские государства минус Словения и плюс Албания)²⁵⁵. Болгарский исследователь Е. Никова пишет, что это понятие было «придумано как оперативное на встрече верхов ЕС в Загребе летом 2000 г.». Она справедливо отмечает, что так и не появилось «понятия “Восточные Балканы”, куда вошли бы Болгария и Румыния... Журналисты и некоторые небрежные авторы стали часто использовать понятие “Балканы” применительно только к их западной части». Отметим также, что при таких дефинициях Греция не относится ни к Западным, ни к Восточным Балканам. Для нее тогда нужно вводить еще одно обозначение — «Южные Балканы», присоединив к ним Турцию, 5% территории которой находится Европе, на Балканском полуострове.

Однако, говоря о терминологии, прежде всего надо упомянуть о наименовании «Центрально-Восточная Европа», которым стали обозначать рассматриваемый

---

²⁵⁵ См.: Никова Е. Европейский союз и «конец» балканской истории // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 463–464, 474.

нами регион, но главным образом Центральную Европу с Украиной и Белоруссией (границы с Юго-Восточной Европой остаются размытыми). Вследствие подобного термина традиционная Восточная Европа и восточнославянский этнический массив оказываются разделенными. Россия при таком делении в лучшем случае понимается как Восточно-Восточная Европа (как вариант — Северо-Восточная), а то и вовсе никакой Европой уже не считается.

К слову сказать, в отличие от «Западных Балкан» термин «Центрально-Восточная Европа» совсем не новый. Еще в 1950 г. бывший профессор Варшавского университета О. Халецкий опубликовал в США диссертацию «Пределы и разделы европейской истории». Он критиковал деление Европы на Западную (романскую и германскую) и Восточную (прежде всего славянскую, но, в сущности, более разнообразную). Халецкий предложил делить Европу на четыре части, для чего он наряду с Западом и Востоком выделял обширную Центральную Европу, состоящую из Центрально-Западной Европы (немецкоязычные страны) и Центрально-Восточной Европы (приблизительно между Германией и Россией). Россия, в его понимании, составляла отличный от Европы регион — Евразию²⁵⁶.

Направление, основоположником которого оказался Халецкий, сначала набрало силу среди историков-эмигрантов из Польши и других стран региона, работавших преимущественно в США. Затем сторонники такого определения нашлись в Польше и Венгрии, наиболее свободных коммунистических странах²⁵⁷. Попутно сторонники концепции «Центрально-Восточной Европы» отказывали в праве на существование

---

²⁵⁶ См.: Ключовский Е. Вступление // Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё М.-Э., Ключовский Е., Самсонович Г., Вандич П. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. С. 9–11.

²⁵⁷ См. там же. С. 12.

и некогда довольно популярному, особенно в немецкоязычной среде, термину «Срединная Европа»²⁵⁸.

Но, конечно, самый сильный импульс развитию концепции «Центрально-Восточной Европы» придал распад Советского Союза, который закончился провозглашением независимости его европейских республик — Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии. В 1992 г. под эгидой поляков была основана Федерация институтов Центрально-Восточной Европы для осуществления сотрудничества польских, литовских, украинских и белорусских историков. Результаты этого сотрудничества, как пишет польский историк Е. Ключовский, уже заметны. Меньше понимания и подобной трактовки региона, по его словам, у историков «к югу от Карпат»: «Выражение “Центрально-Восточная Европа” вызывает у них сомнения, особенно если в ее состав включается Украина»²⁵⁹.

Наконец, Е. Ключовский не может не признать серьезных разногласий по поводу термина «Центрально-Восточная Европа» с российскими коллегами, отмечая, что такого термина «в традиционной русской историографии нет». Понимая, что это название, по крайней мере, спорно, польский историк подчеркивает, что «разные исторические школы иногда отстаивали и отстаивают разные положения», и признается, что «порой эти определения диктовались и диктуются геополитическими интересами»²⁶⁰.

С последним трудно спорить, но представляется, что как раз политическими соображениями и вызвано во многом появление термина «Центрально-Восточная

---

²⁵⁸ Ключовский Е. Вступление. С. 17. См. также: Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. СПб., 2009.

²⁵⁹ Ключовский Е. Вступление. С. 17.

²⁶⁰ Там же. С. 14–17.

Европа» вместо традиционного в российской историографии деления территории к востоку от Западной Европы на три части: Центральная, Юго-Восточная и Восточная Европа. Конечно, любые схемы и дефиниции не отражают полностью реальную жизнь, и они могут уточняться и пересматриваться, но тогда новые определения не должны вызывать больше вопросов, чем старые. Пока же необходимость ввода термина «Центрально-Восточная Европа» совсем не убеждает. Повторим, что предложенная схема выглядит слишком уж политически мотивированной.

Между тем термин «Центрально-Восточная Европа», родившийся в польских головах на чужбине, автоматически перенимается в терминологии российского МИДа и в некоторых российских научных работах. Сошлемся, например, на коллективный трехтомный труд сотрудников Института международных экономических и политических исследований РАН (часть нынешнего Института экономики и бывшего ИЭМСС)²⁶¹ под названием «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века»²⁶².

* * *

Понятно, что небольшие страны Центральной и Юго-Восточной Европы всегда были скорее объектом, нежели субъектом международных отношений. Они довольно быстро в ранней своей истории потеряли независимость и вошли в состав более крупных

---

²⁶¹ Еще раньше — Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, а ныне — составная часть Института экономики РАН.

²⁶² См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000; Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989. М., 2002; Т. 3. Ч. 1–2. Трансформации 90-х годов. М., 2002.

образований. И даже относительно крупная, по региональным меркам, Польша, в конце концов, оказалась разделенной между еще более крупными соседями. Только после окончания Первой мировой войны и распада четырех империй страны региона обрели независимость. Однако и в дальнейшем не они определяли ход исторического развития, а на них в решающей степени влияли все крутые повороты европейской и мировой истории, в том числе и в XX в.

Так, 1940-е годы были связаны с процессом *фашизации* этих государств. Эта политика, инициатором которой была гитлеровская Германия, но в которой достаточно активно участвовала и Италия, затронула Венгрию, Словакию, Румынию, Болгарию, Албанию, осуществлялись попытки ее распространения на Югославию. Разумеется, как это обычно и бывает, такая политика прикрывалась разговорами о «новом порядке», о «заинтересованности в сохранении мира» и т.п. После Мюнхенскогоговора установился протекторат над Чехией, а после начала войны была оккупирована Польша, а затем и Югославия. На территории Хорватии, Боснии и Срема было создано фашистское марионеточное Независимое государство Хорватия.

Период фашизации региона вследствие победы в войне СССР и союзников был относительно недолог. Но затем с точки зрения внешнего доминирования в Центральной и Юго-Восточной Европе протекал период в пол- с лишним века, и он был отмечен важным и в чем-то схожим процессом. Процесс этот, сопровождавшийся также соответствующим идеологическим обеспечением, — *советизация* Восточной Европы.

Последний процесс, о котором надо сказать, говоря о внешнем доминировании в Центральной и Юго-Восточной Европе, и который мы наблюдаем в настоящее время, — процесс *натоизации* стран региона.

И как бы мы к нему ни относились, подчеркнем, что в нем нет ничего исключительного.

Любопытно отметить, что самый сильный отпор всем трем отмеченным нами процессам на Балканах — фашизации, советизации и натоизации — оказывала одна и та же страна — Югославия, прежде всего ее сербское население. Вспомним, что в конце марта 1941 г. правительство Югославии подписало соглашение о присоединении к Тройственному союзу, и это вызвало в Белграде массовые демонстрации под лозунгом «Лучше война, чем пакт», а затем и государственный переворот. Во время Второй мировой войны на территории Югославии против немцев и их пособников был фактически открыт второй фронт задолго до того, как его открыли страны антигитлеровской коалиции. Причем подавляющее большинство участников Сопrotивления были сербы. Сербь участвовали даже в двух движениях Сопrotивления — не только в партизанских отрядах Тито, но и в отрядах четников Д. Михайловича. Вспомним и 1948 г., когда конфликт между Й. Брозом-Тито и И. Сталиным привел к выходу Югославии из так называемого социалистического лагеря. И наконец, яркое доказательство всему сказанному дает югославский кризис 1991–2001 гг., где опять именно сербы упорно сопротивлялись западной экспансии в бывшей Югославии.

Процесс натоизации Балкан, о котором мы ведем речь, конечно, оказал сильное влияние на трансформацию региона. Особенно это было заметно в активном вмешательстве НАТО во главе с США в югославский кризис, сначала в Боснии, а затем в Сербии. Под натовское ружье были поставлены все, в том числе и ОБСЕ, которая в результате подобной сервильности стремительно маргинализировалась. Сегодня в НАТО из всех балканских стран не входят только Сербия, а также Босния и Герцеговина (поскольку этому препятствует Республика Сербская).

Если почти весь XX век был временем идеологического противостояния²⁶³, то теперь оно оказалось заменено противостоянием геополитическим, характерным для XIX в. и даже для еще более раннего времени. Борьба за Балканы и вытеснение с Балкан России это ярко осветили.

* * *

Перейдем к трансформационным революциям, о которых существует уже достаточно солидная историография²⁶⁴. Известно, что отказ от социалистического развития восточноевропейских стран происходил в виде так называемых «бархатных революций» 1989 г. Формы этих трансформационных революций могли быть самыми разными — не только в виде мирных манифестаций, но и в виде насильственных бунтов, а также в форме круглых столов ведущих политических сил и даже проведения первых после многолетнего перерыва многопартийных выборов. Период «бархатных революций» на востоке Европы растянулся на десять лет, завершившись фактически «октябрьской» или «бульдозерной революцией» в Сербии в 2000 г.

---

²⁶³ Т.М. Исламов называл XX в. «веком тоталитаризма, подобно тому как XV в. вошел в историю как век Гуманизма и Возрождения, XVIII — век Просвещения, а XIX — век Романтизма и победного шествия по континентам буржуазной цивилизации» (*Исламов Т. Века тоталитаризма (Вместо предисловия) // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 3.*)

²⁶⁴ См., например: *История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). М., 2008; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011; Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг.: Документы. М., 2015.*

Причем она имела двойственную природу. Только, с одной стороны, это была последняя из тех «бархатных революций», которые начались в 1989 г. С другой же — она открывала череду новых революций на пост-социалистическом пространстве Европы, названных «цветными». Точно по сербскому сценарию произошла затем «революция роз» в Грузии, или «оранжевая революция». После фальсификации итогов президентских выборов в августе 2020 г. похожие события произошли в Белоруссии.

Фактически «цветные революции» — это второе издание «бархатных революций», это революции в тех странах, где преобразования оказались недостаточными, половинчатыми и не решили задач первых революций. На наш взгляд, и первые, и вторые революции — явления одного порядка. Их нужно рассматривать как один процесс. И их можно объединить понятием «трансформационные революции».

Следует признать, что для полноценного перехода к новому демократическому строю одного революционного потрясения, особенно в менее развитых странах, часто бывает недостаточно. И даже после нескольких революционных импульсов вполне возможны пробуксовка или даже попятное движение. Например, в России для начала реальной трансформации понадобилось два революционных потрясения. Это, *во-первых*, августовский путч 1991 г., в результате поражения которого рухнула коммунистическая монополия на власть; а *во-вторых*, события октября 1993 г., покончившие с советской организацией власти. Или на Украине, где не было выраженной «бархатной революции», но затем произошло сразу два «цветных» переворота — «оранжевая революция» в 2004 г. и так называемый Евромайдан в 2013–2014 гг. И нет никаких гарантий, что на этом будет поставлена точка.

Можно найти довольно много отличий между первым и вторым изданиями «бархатных революций». И все

они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде. Это, например, выход на авансцену событий молодого поколения, аполитичного в 1989 г. В частности, в Сербии в 2000 г. отличилась молодежная организация «Опора», в Грузии — «Хмара», на Украине во время «оранжевой революции» — «Пора» и т.п. Это и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в определенной степени неожиданными. Ко второму изданию революций все изменилось. Часто революции происходят на западные деньги и по жестким западным лекалам. Отсюда и поразительное сходство революционных сценариев в Сербии, Грузии и на Украине. Однако понятно, что если бы условия для таких революций не созрели, то не помогли бы никакие денежные вливания.

И если для центральноевропейских государств — Польши, Чехии, Словакии и др. — для проведения постсоциалистической трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то для некоторых постсоветских государств понадобились новые революционные потрясения.

* * *

Общее между двумя типами революций — «бархатными» и «цветными» — протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Это одна из главных особенностей начальной стадии трансформации, которая требует специального рассмотрения.

Известный польский диссидент Адам Михник говорил, что национализм — это последняя стадия коммунизма. Эти слова обычно расшифровывают так, что в бывших социалистических странах на смену коммунистическому режиму сначала приходит национализм, как более примитивная и понятная массам

идеология, и лишь затем — демократия, как гораздо более сложная для восприятия и реализации система взглядов. Правда, иногда происходит обратное. Коммунистические авторитарные лидеры прибегают к национализму как к последнему средству, чтобы сохранить свою власть и не допустить серьезных изменений. Самый яркий пример дает милошевичевская Сербия. Но и в первом, и во втором случае национализм служит препятствием для демократических изменений.

В противоположность таким доминирующим выводам некоторые исследователи, наоборот, видят в росте национализма во время краха коммунистических режимов положительный аспект. Они считают, что национализм являлся своего рода катализатором изменений в восточноевропейских странах и действовал в них как единственная сила, которая была способна объединить и мобилизовать массы на борьбу с институтами тоталитаризма. После решения этой задачи националистическая коалиция неизбежно распадалась, между ее частями начиналась политическая конкуренция, которая приводила к функционированию плюралистического общества²⁶⁵.

В этой связи нам представляется, что, *во-первых*, национализм проявляет себя не сразу после краха коммунизма, как можно было понять из приведенной выше формулы Михника, а после первых демократических изменений, пусть еще робких и неудачных. То есть националисты перехватывали инициативу не у коммунистов, а у демократов. *Во-вторых*, подобное происходило не только во время последних трансформационных переворотов или сразу после них, но и задолго до «бархатных» и «цветных» революций.

Приведем только два примера из истории Югославии.

---

²⁶⁵ См.: Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devedesetih. Beograd, 2002. S. 27.

Начнем с событий в Хорватии начала 1970-х годов. Тогда в ходе обсуждения поправок к конституции в Хорватии возникло «Массовое движение» — «маспок» (сокр. от *хорв.* масовни покрет), или Хорватская весна, по аналогии с Пражской. По всей республике происходили митинги и манифестации. Началось все с вопросов хорватского языка, хорватской культуры, а кончилось восхвалением фашистского Независимого государства Хорватии и обвинением федерации в унитаризме, а сербов — в «великосербстве». Появились требования немедленного пересмотра в пользу Хорватии внешне-торговой, валютной и банковской системы Югославии. Началась дискриминация живших в Хорватии сербов в быту, при приеме на работу и т. п.

Националистические силы группировались около «Матицы Хорватской» — главной культурно-просветительской организации республики и Загребского университета. Во главе же движения стояло руководство Союза коммунистов Хорватии: С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер. Активное участие в «маспоке» принимал будущий первый президент независимой Хорватии Ф. Туджман. Сам Тито долгое время выжидал, ничего не предпринимал, а потом говорил, что «его обманули». Хорватские националисты действительно превозносили его в печати как «хорвата» и устраивали ему пышные встречи. Но когда «маспок» стал приобретать все более националистические и неконтролируемые формы, Тито в декабре 1971 г. вмешался, арестовал зачинщиков движения и сменил руководство Хорватии²⁶⁶.

Все это хорошо известно. Но для нас важно подчеркнуть, что начальный демократизм хорватского

²⁶⁶ Подробнее см.: *Petranović B. Istorija Jugoslavije. 1918–1978. Beograd, 1981. S. 580–582; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. Т. 2. С. 495–496; Goldstein I. Hrvatska. 1918–2008. Zagreb, 2008. S. 532–552. См. также: Руднева И.В. Хорватское национальное движение: конец 1960-х — начало 1970-х гг. М.; СПб., 2014.*

движения довольно быстро приобрел националистический и антигосударственный характер²⁶⁷.

Другой пример дает Сербия, где после смерти Тито развивались процессы, сходные во многом с советской перестройкой. Катализатором деятельности сербских оппозиционных интеллектуалов стало запрещение книги Гойко Джого «Шерстяные времена» в апреле 1981 г. В своих стихах поэт замахнулся на самого Тито. Арест Джого вызвал волну протестов сербской интеллигенции, коллективных писем в его защиту и «вечеров солидарности». Эти акции переросли в протест против экономического положения, политического и конституционного устройства, недостатка политических свобод, несвободных СМИ и т.п. В мае 1982 г. в Объединении сербских писателей был сформирован Комитет по защите художественного творчества. Этот Комитет быстро превратился в символ демократического протеста против режима²⁶⁸.

В критике режима и всего коммунистического прошлого и настоящего участвовали ученые-обществоведы, прежде всего из сотрудничавших ранее с известным журналом «Праксис», который выходил в свет с 1964 по 1975 г.²⁶⁹ Более активными и здесь были сербы:

---

²⁶⁷ Иво Голдштейн пишет, что «в движении доминировали две основные идеи — национальная и либерально-демократическая. У некоторых участников в некоторых обстоятельствах больше проявлялась одна идея, чем другая, чаще всего было что-то смешанное с доминированием национальной» (*Goldstein I. Hrvatska. S. 538*). Впрочем, надо сказать, что под демократизацией в Хорватии понимали прежде всего расширение автономных прав хорватского народа. И в этом было отличие Хорватии от Сербии, где речь шла преимущественно о демократизации политической жизни. См.: *Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji. 1945–1991. Od zajedništva do razlaza. Zagreb, 2006. S. 379–380*.

²⁶⁸ См.: *Jović D. Jugoslavija: država koja odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb, 2003. S. 336–337*.

²⁶⁹ См.: *Aranitović D. Bibliografija časopisa “Praxis”. Jugoslavensko izdanje 1/1964–11/1974. Beograd, 2017*.

философы Любомир Тадич и Михайло Маркович, экономист Коста Михайлович, юристы Воислав Коштуница и Коста Чавошки. Двое последних были авторами работы «Партийный плюрализм или монизм», в которой оспаривалась легитимность прихода коммунистов к власти в Югославии и установление ими однопартийной системы. Особую роль сыграла в тот период и книга историка Веселина Джуретича «Союзники и югославская военная драма», в которой четники первый раз в научной литературе были показаны как антифашистская сила²⁷⁰.

Постепенно рушились основные мифы социалистической Югославии. Партизаны уже не воспринимались как единственная антифашистская сила в годы войны, а сама Югославия — как государство, создавшее совершенно иной и более прогрессивный тип социализма. Чуть позже писатель А. Исакович потребовал такого же пересмотра личности Тито, как это было после смерти Сталина или Мао, а Л. Тадич заявил, что, оспорив догму о непогрешимости своего бывшего верховного авторитета — Сталина, Союз коммунистов Югославии сам от этих догм не отрешился, но только их национализировал²⁷¹.

Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали. Они пытались остановить начавшиеся процессы, в том числе и привычными методами. В апреле 1984 г. были арестованы 28 сербских интеллектуалов. Шестерых из них позже судили. Но, как и в случае с Джого, практически всех вскоре выпустили.

Белградская интеллигенция выступала за соблюдение прав человека не только в Сербии, но и во всей Югославии. Центром подобной активности стал Комитет

---

²⁷⁰ См.: *Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest*. Zagreb, 1999. S. 698–700; *Tomas R. Srbija pod Miloševićem*. S. 56–57.

²⁷¹ См.: *Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest*. S. 698–699.

по защите свободы мысли и высказываний во главе со знаменитым писателем Добрицей Чосичем. В Комитет отказались войти представители словенской и хорватской интеллигенции, хотя и были в него приглашены. Тем не менее Комитет протестовал и против ареста Али Изетбеговича и других боснийских мусульман в Сараево, требовал освобождения находившихся в тюрьме Владо Готоваца и других участников массового движения в Хорватии. Комитет также выступал в защиту косовских албанцев, осужденных после событий 1981 г. За 1984–1989 гг. Комитет по защите свободы мысли и высказываний направил более 100 писем, протестуя против попрания в Югославии основных демократических прав²⁷².

Сразу же после очередных косовских событий сербские власти попытались вновь поднять вопрос об изменениях в Конституции²⁷³. Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к этатизму, централизму и великосербским поползновениям. Изменения конституции были заблокированы. Хотя именно «политическая система, установленная конституцией 1974 г., делала существовавший кризис более глубоким, тяжелым и безысходным»²⁷⁴.

Отсутствие правового способа решения проблемы конституции 1974 г. не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилась и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии

---

²⁷² Ibid. S. 339.

²⁷³ Попытки пересмотра Конституции со стороны Сербии предпринимались в 1975, 1981, 1984 и 1985 гг. См., например: *Димић Љ.* Србија. 1804–2004 (суочавање са прошлошћу) // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија. 1804–2004: три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 102.

²⁷⁴ *Димић Љ.* Србија. 1804–2004 . С. 100.

между «либералами» во главе с И. Стамболичем и сторонниками радикального разрешения существовавших противоречий.

Тогда же, в 1984 г., на политической арене Сербии появился С. Милошевич. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству партией. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республики²⁷⁵.

Любопытно, что «партия, правившая в течение 40 лет, ухитрилась посредством нового, как тогда говорили, «очищенного» руководства стать одновременно и властью, и оппозицией»²⁷⁶. И именно то, что Милошевич сумел «оседлать» националистическую волну, придало режиму такую устойчивость²⁷⁷.

Рост национализма в Сербии сопровождался ростом национализма в западных республиках — Словении²⁷⁸

---

²⁷⁵ См.: *Димич Л.* Историја српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 450–451, 454.

²⁷⁶ *Стоянович Д.* Порочный круг сербской оппозиции // Сербия о себе. М., 2005. С. 117. Подробнее см.: *Jović D.* Jugoslavija. Država koja je odumrla. S. 423, 430, 449.

²⁷⁷ Вспоминаются не потерявшие актуальности слова Слободана Йовановича, давшего оценку более раннему периоду сербской истории: «Сербия не создала интеллектуальную и политическую элиту с современным пониманием нации. Преобладал полуинтеллектуал, который паразитировал на национализме как единственной традиции даже тогда, когда это было уже не так». Цит. по: *Perović L.* Iskustvo sa drugim narodima // Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd, 2017. S. 207.

²⁷⁸ По мнению Д. Йовича, словенский национализм был таким же сильным, как сербский. Как и в Сербии, словенское руководство постепенно становилось все более терпимо к своей оппозиции, и

и Хорватии. Это накладывалось на быстрое ухудшение югославской экономики и события в Косово, где положение сербского населения постоянно ухудшалось. С целью обратить на себя внимание косовские сербы стали прибегать к коллективным петициям в вышестоящие органы власти и организовывать марши протеста на Белград.

Необходимо подчеркнуть, что именно события в Косово в решающей степени повлияли на то, что общеевропейский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше стал заменяться национальными идеями. Если раньше многие из оппозиционеров, включая того же Добрицу Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как прежде всего механизм для подавления всего сербского²⁷⁹. Налицо было проявление отмеченной нами закономерности — замены первоначально демократических устремлений национальными и даже националистическими.

Подобную закономерность можно наблюдать и на пространстве бывшего СССР. Например, в разных советских республиках, в частности в Прибалтике, в конце 1980-х годов были организованы Народные фронты как неформальные объединения совершенно различных сил, противостоявших монопольному положению КПСС. В целом они придерживались демократических убеждений, и их поддерживало не только титульное, но и русскоязычное население. Однако с течением времени, и особенно после прихода к власти,

---

в конце концов в республике образовался своего рода всесловенский блок. Как и в Сербии, словенские коммунисты смогли стать одновременно и властью, и оппозицией. См.: *Jović D. Jugoslavija: država koja odumrla*. S. 423, 430, 449.

²⁷⁹ См.: *Павловић Ст.К. Србија: историја иза имена*. Београд, 2004. С. 218, 227.

эти организации или вышедшие из них партии и коалиции заняли узконациональные или даже националистические позиции. Скажем, хорошо известен тот факт, что многие русские и русскоязычные в Латвии и Эстонии, даже родившиеся в этих республиках, не получили латвийского и эстонского гражданства.

Совсем другие события и совсем в другое время произошли в 2011–2013 гг. на Болотной площади в Москве. Там состоялись массовые протестные выступления граждан, главным образом против фальсификации результатов парламентских, а затем и президентских выборов. Для нас важно то, что постепенно в общедемократическом протестном движении стали выделяться и обособливаться националистические силы. И хотя они были в явном меньшинстве, но отличались гораздо большей сплоченностью и организованностью. Можно предположить, что они вполне могли перехватить инициативу, если бы протестные выступления не были подавлены властями.

Наконец, можно привести в пример и уже упоминавшийся украинский Евромайдан — политический кризис в этой стране в 2013–2014 гг. Начавшиеся с демократических требований, с выступлений против социальной несправедливости, низкого уровня жизни, разгула коррупции и т.п. протесты довольно быстро радикализировались, и лидерство в них захватили националистические и даже крайне националистические силы, восхвалявшие приспешников немецких фашистов в годы войны.

Подчеркнем еще раз. Мы видим, что национализм на самом деле чаще всего выходит на авансцену при демократических изменениях, когда демократические идеи уже пробивают себе дорогу, но еще не получили должного развития, не победили окончательно и не укоренились. Национализм в этом случае использует новые возможности, появившиеся в том числе

и благодаря процессам демократизации. На наш взгляд, это является одной из очевидных закономерностей демократических трансформаций, во время которых всегда существует реальная опасность роста национализма. Специально же разжигать национализм для борьбы с тоталитарными или авторитарными режимами — это всегда игра с огнем. Совсем не факт, что национализм уступит затем завоеванные позиции демократии.

* * *

Остается вопрос, почему у одних стран региона получилось, а другие постигла неудача при формировании жизнеспособной политической системы, отражением которой являются сменяющие друг друга у власти полноценные политические партии. Помимо всего прочего для формирования нормального парламентаризма нужна серия относительно свободных и честных выборов, а избирательная система должна действовать достаточно долго без изменений — хотя бы три-четыре раза подряд. Кроме того, демократия — это сменяемая власть. Не все страны региона сдали тест на зрелость демократии — совершили так называемый «двойной оборот Хантингтона», при котором власть хотя бы два раза мирным путем переходит к оппозиции.

Интересно наблюдение проницательного сербского исследователя З. Видоевича. Еще в 1997 г. в книге «Транзиция, реставрация и неототалитаризм» он отмечал особенности постсоциалистической трансформации. К одной из них Видоевич относит тот факт, что важные позиции в переходный период занимают представители прежней номенклатуры, а также отсутствие в некоторых постсоциалистических странах с президентским правлением реального разделения властей и сосредоточение почти всей «царской» власти в руках главы государства. По его словам, миф «авангардной»

партии заменяется мифом многопартийности. При этом умалчивается тот факт, что во многих из этих обществ многопартийная система подчиняется авторитарной и даже диктаторской форме президентского правления. По мнению исследователя: «Из такой автократии и хаоса, внутреннего и внешнего, рождаются тенденции неототалитаризма»²⁸⁰.

Свои объяснения относительно России (но это применимо и ко всем странам Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы) еще 20 лет назад дал выдающийся российский политолог А.М. Салмин. *Во-первых*, считал он, в России политическое лоббирование определенных интересов выполнялось главным образом не партиями, а другими институтами, преимущественно на партикуляристской, а не на универсальной основе. *Во-вторых*, возможность сделать карьеру была связана прежде всего с бизнесом и бюрократией. Попытки создания партии власти впоследствии приводили лишь к появлению очередной бюрократической имитации. *В-третьих*, вопрос о перспективах создания массовых электоральных партий в современных условиях в принципе является открытым. В условиях телевидения, мобильной связи, интернета, секуляризации и почти всеобщей грамотности кризис переживают даже старые партии.

Другое дело, что в некоторых странах Восточной Европы, порвавших с коммунистическим прошлым, все же сложились более или менее устойчивые партийные системы. А.М. Салмин попытался объяснить и это. По его мнению, партийные системы этих стран отличались от российских аналогичных структур, как минимум, по четырем параметрам. *Во-первых*, некоторое значение, становящее иногда решающим, имеет

---

²⁸⁰ Цит. по: Калоева Е.Б. Неототалитаризм при постсоциализме: Штрихи к портрету Ф. Туджмана // Политические лидеры в современной Восточной Европе. М., 2017. С. 151–152.

срок существования тоталитарного режима. *Во-вторых*, немаловажно и происхождение режимов. Во многих странах преобладала их трактовка как оккупационных, а победоносных антикоммунистических режимов как национально-освободительных и благословляемых церквями. *В-третьих*, все страны Восточной Европы значительно меньше России. В небольшой компактной стране все проще, чем в крупной, где большие расстояния и много жизненных укладов. *В-четвертых*, определенное значение имеет и экономическое положение, которое существенно лучше как раз в тех странах, где уже возникли устойчивые структуры гражданского общества и партийные системы²⁸¹.

---

²⁸¹ См.: Салмин А.М. Непобежденный непобедитель (вместо предисловия) // Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001. С. 12–15.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПО-СЕРБСКИ

Мы уже писали о том, что титовскую Югославию часто выделяют из других бывших европейских социалистических стран как нечто непохожее и специфичное и даже стоящее совершенно особняком во всем социалистическом лагере. При этом подчеркивается ее особый путь развития вне рамок «реального социализма» — так называемый югославский эксперимент. Такой взгляд по наследству распространяется и на милошевичевскую сербско-черногорскую Югославию, которая также трактуется как нечто совершенно выбивавшееся из общего строя стран, решавших задачи трансформации.

Однако, на наш взгляд, вынесение югославских событий за рамки общих процессов, происходивших после Второй мировой войны в Восточной Европе (включая и Советский Союз) не совсем верно. Развитие Югославии в общих чертах все же шло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами. Это, конечно, не означает, что в титовской Югославии не было своей специфики, связанной прежде всего с конфликтом между СССР и Югославией в 1948 г. Но даже эксперименты с так называемым «самоуправленческим социализмом» не были чем-то уж совсем необычным и вполне могут трактоваться как одни из первых попыток реформирования тоталитарного

социализма, поисков его менее репрессивных и более эффективных моделей.

С 1970-х годов для стран социалистического лагеря постепенно наступило время так называемого застоя. Сходные процессы происходили и в Югославии. После смерти в 1980 г. Йосипа Броза-Тито в стране начался процесс, напоминавший советскую перестройку. Сначала он проявился в Сербии, затем и в других республиках. Десятилетнее развитие этого процесса, кризисные явления в экономике и идеологии, события в Косово, усилившиеся межреспубликанские противоречия привели к тому, что югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе.

В Сербии этот процесс был затруднен с самого начала. Республиканские власти до последнего момента изо всех сил боролись против введения многопартийности. Лидер сербских коммунистов Слободан Милошевич, его супруга Мирьяна Маркович, один из идеологов сербского режима — философ-марксист Михайло Маркович развивали, в частности, идею о «демократическом беспартийном плюрализме», который для Югославии и Сербии якобы предпочтительнее многопартийности²⁸². Помимо доктринальных шор, Милошевича сдерживала боязнь получить в Сербии сильную албанскую партию²⁸³. Но остановить неизбежное было уже невозможно. 21 февраля 1990 г. скупщина Сербии приняла закон о политических организациях, введивший в республике многопартийную систему. Через неделю

---

²⁸² Уместно привести слова М. Джиласа о том, что «Тито как-то воскликнул... с таким видом, будто вспомнил о чем-то важном: “У нас не будет многопартийной системы, у нас будет многогрупповая система!”» (*Джилас М. Тито, мой друг и мой враг. Paris, 1982. С. 183*). Много позже Э. Кардель пытался ввести понятие «плюрализм интересов в социалистическом обществе». Все что угодно, только не многопартийность.

²⁸³ См.: *Јовић Б. Последњи дани СФРЈ. Београд, 1996. С. 61–62.*

многопартийная система и принцип разделения властей получили свое окончательное закрепление в новой сербской конституции.

Первые многопартийные выборы в Югославии проходили с весны до конца 1990 г. В Сербии они состоялись в декабре 1990 г. В отличие от выборов в Словении и Хорватии, где к власти пришли оппозиционеры, и от выборов в Македонии и Боснии и Герцеговине, где победили хрупкие коалиции партий различной направленности, в Сербии убедительную победу одержала Социалистическая партия — наследница Союза коммунистов Сербии. Она получила три четверти мест в парламенте, а ее лидер Слободан Милошевич был избран председателем Президиума Сербии. В Черногории также победил республиканский Союз коммунистов, который даже не менял своего названия. Лишь через два года, в 1992-м, он был переименован в Демократическую партию социалистов Черногории. Таким образом, в этих двух родственных республиках трансформационных «бархатных революций» или смены власти не произошло.

Как и в других республиках, конкуренцию бывшим сербским коммунистам составили правые и националистические (национально ориентированные) партии. Но национальный козырь был уже в руках у С. Милошевича, контролировавшего к тому же средства массовой информации. Также не добилась успеха на выборах Демократическая партия во главе с Д. Мичуновичем (позже на посту главы партии его заменил З. Джинджич²⁸⁴, а от партии откололась Демократическая партия Сербии во главе с В. Коштуницей). Полностью проиграла выборы выступившие в коалиции две небольшие

---

²⁸⁴ Подробнее о нем см.: *Пуяттина И.С.* Зоран Джинджич в общественно-политической жизни Сербии (конец 70-х годов XX в. — начало 2000-х) // *Политические лидеры в современной Восточной Европе.* М., 2017. С. 87–100.

проюгославски ориентированные партии — Союз реформаторских сил (созданный премьером А. Марковичем) и Объединение за югославскую демократическую инициативу. Присутствие этих партий на выборах было заметно лишь в Белграде.

Необходимо отметить, что к первым многопартийным выборам Милошевич сумел хорошо подготовиться. В 1987–1989 гг. он смог консолидировать собственных сторонников, его представители занимали командные позиции в политике, экономике, средствах массовой информации. В июле 1990 г. Милошевич инициировал референдум, давший ему возможность еще до выборов утвердить в парламенте новую сербскую конституцию. В то же время он фактически проигнорировал требование оппозиции провести переговоры между властью и оппозицией за круглым столом.

Как отмечал один из лидеров Демократической партии, В. Коштуница, власти превратили переговоры за круглым столом в разновидность пресс-конференций, где рапортовали о своих достижениях. И если «в большинстве восточноевропейских стран оппозиционные группы имели возможность влиять на способ организации выборов, то в Сербии речь, скорее, шла о некоторых уступках, чем о переговорах»²⁸⁵.

По итогам первых многопартийных выборов в скупщину (парламент) Сербии (декабрь 1990 г.), Социалистическая партия Сербии (СПС) получила почти половину голосов избирателей — 46,09% (194 депутатских мандата из 250), Сербское движение обновления (СДО) — 15,79% (19 мандатов), Демократическая партия (ДП) — 7,45% (7 мандатов). Лидер социалистов Слободан Милошевич был избран председателем Президиума Сербии и сохранил всю полноту власти в республике.

---

²⁸⁵ Цит. по: *Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih. Beograd, 2002. S. 90.*

Впрочем, даже после победных выборов режим Милошевича не мог спокойно почивать на лаврах. Ему пришлось выдержать столкновение с оппозицией, выведшей народ на улицы Белграда в марте 1991 г. С трудом власти восстановили контроль над ситуацией. Однако экономическое и внешнеполитическое положение страны настолько быстро ухудшалось, что в обозримой перспективе можно было ожидать повторения акций протеста еще большего масштаба и ожесточения. Союзная Федеративная Республика Югославия быстро приблизилась к своему окончательному краху.

Мартовское выступление оппозиции имело одно важное последствие. По словам английского исследователя Р. Томаса, если в 1987–1990 гг. стратегия Милошевича формировалась в рамках федеративной Югославии, то с этого времени он становится защитником и носителем идеи «Великой Сербии», идеи создания государства из тех частей Югославии, где проживали сербы. Не случайно уже 25 марта С. Милошевич провел тайные переговоры о разделе Боснии и Герцеговины с хорватским президентом Ф. Туджманом в Караджорджеве²⁸⁶.

Курс Милошевича действительно поменялся, но прежде всего вследствие становившейся все более эфемерной задачи сохранения прежней Югославии. Вряд ли решающее влияние на этот поворот могла оказать оппозиция. Кроме того, безапелляционно называть его новую стратегию «великосербской» — значит, повторять известный жупел времен еще австровенгерской оккупации Боснии и Герцеговины²⁸⁷. Впрочем, тезис о «великосербской политике» стал в 1990-е годы одним из важнейших положений антисербской пропаганды. Его автоматически, не особенно задумываясь,

---

²⁸⁶ См.: *Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih*. S. 103.

²⁸⁷ Подробнее см.: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Белград, 2003.

ретранслировали в соседних югославских республиках и многие западные наблюдатели.

И так трансформационные революции в Югославии прошли почти незаметно в форме многопартийных выборов, которые, за исключением Сербии и Черногории, во всех других республиках привели к власти оппозицию. Однако революционные потрясения на этом отнюдь не заканчивались, а только начинались. Революции совсем недолго оставались «бархатными», на смену им шли межэтнические гражданские войны, связанные с распадом и развалом многонационального государства.

С исторической точки зрения здесь не было ничего необычного, достаточно вспомнить почти бескровный захват власти большевиками в 1917 г. в России, который довольно быстро перерос в кровавую гражданскую войну на фоне распада единого государства.

В конце 1990 г. республиканские югославские руководители еще продолжали попытки как-то договориться. На заседании Президиума СФРЮ было решено провести переговоры представителей всех республик об изменении федеративного устройства страны. Такие переговоры начались в начале 1991 г. Параллельно с ними проходили двусторонние переговоры республиканских делегаций. Но все эти переговоры не принесли желаемого результата. Столкнулись в основном две концепции — сохранение федерации или ее преобразование в конфедерацию. Первую концепцию выдвигали Сербия и Черногория, вторую — Словения и Хорватия. Промежуточное положение занимали Босния и Герцеговина и Македония. Впрочем, идея конфедеративного устройства (элементы которого уже с 1974 г. существовали в стране) использовалась ее сторонниками главным образом лишь для того, чтобы замаскировать истинные цели — полное отделение от Югославии.

В своей борьбе за сохранение единого государства Сербия (не считая маленькой Черногории) все больше

оставалась в одиночестве. Действия ее руководства объяснялись тем, что, если другие народы бывшей Югославии при распаде федерации образовывали свои национальные государства, сербы, наоборот, оказывались разделенным народом. Треть сербского населения оставалась за рамками Республики Сербии. В этих условиях сербская позиция содержала несколько принципиальных положений: желательность сохранения целостности Югославии; признание за хорватами и словенцами права на образование собственных национальных государств, включающих хорватские и словенские «этнические территории»; признание за сербским народом такого же права на образование национального государства, включающего территории с преобладающим сербским населением; отказ признать межреспубликанские административные границы в качестве будущих межгосударственных границ²⁸⁸.

Таким образом, цели Сербии и западных республик были противоположными. Компромисса никто не искал. В какой-то степени свою роль сыграл и субъективный фактор. Лидеры трех ключевых для сохранения Югославии республик — Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины — были очень разными, но в своей неуступчивости и национализме в чем-то походили друг на друга. Любопытную характеристику сербского и хорватского лидеров оставил тогдашний посол США в Югославии У. Циммерман. «В отличие от С. Милошевича, — пишет он, — которым руководило стремление к власти, Ф. Туджман был обуян хорватским национализмом. Его преданность Хорватии была самого примитивного типа...»²⁸⁹ Добавим, что глава боснийских мусульман А. Изетбегович был обуян фанатичным религиозным чувством также самого

---

²⁸⁸ См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3 т. М., 2002. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 1. С. 407.

²⁸⁹ Цит. по: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 136.

примитивного толка. Еще с ранней молодости он был последовательным сторонником идеологии фундаменталистского движения «Братъев-мусульман» и стремился подчинить ее целям национально-политического движения боснийских мусульман. Своими упорными попытками создать унитарную исламскую Боснию Изетбегович провоцировал гражданскую войну, в которой затем погибли десятки тысяч его соотечественников²⁹⁰.

Национализм существовал во всех югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии. Однако в те годы он достиг почти запредельного уровня. Все республиканские СМИ соревновались в разжигании и провоцировании национальной истерии. В целом во всех югославских республиках, как и везде в Восточной Европе, национализм стал средством борьбы с коммунизмом. Только Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался, наоборот, сохранить коммунизм у себя в республике²⁹¹. Это имело для сербов самые пагубные последствия.

Формально началом распада федерации принято считать 25 июня 1991 г., когда парламенты Словении и Хорватии в одностороннем порядке объявили о выходе своих республик из Югославии и провозгласили независимость. Окончательно же Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) перестала существовать еще через полгода, 15 января 1992 г., когда независимость Словении и Хорватии была признана странами Европейского союза. 6 апреля 1992 г. была признана независимость Боснии и Герцеговины.

---

²⁹⁰ Подсчитано, что боснийская война унесла жизни около 100 тыс. жителей Боснии и Герцеговины. Точнее погибло 97 207 человек, из них: 64 036 бошняков (боснийских мусульман), 24 905 сербов, 7788 хорватов и 478 лиц других национальностей.

²⁹¹ См.: *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарцић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 375–376.

После международного признания отколовшихся югославских республик в Югославии оставались только две республики — Сербия и Черногория. На референдуме 1 марта 1992 г. черногорцы в подавляющем большинстве высказались за то, чтобы остаться с Сербией в одном государстве. В конце апреля 1992 г. руководители Сербии и Черногории объявили о создании новой федерации, претендовавшей на право быть правопреемницей распавшейся СФРЮ. 27 апреля 1992 г. скупщины этих республик приняли конституцию нового государства — Союзной Республики Югославии (СРЮ).

Таким образом, после распада «второй», социалистической Югославии Сербия не сразу стала самостоятельным государством, но сначала вместе с Черногорией составила «третью», уменьшенную Югославию. В новом государстве осталось 39% территории бывшей Югославии. Населения в СРЮ оказалось более чем в два раза меньше населения СФРЮ — 10 млн. 867 тыс. человек, в том числе в Черногории 654 тыс., а в Сербии — 10 млн. 213 тысяч. Население двух автономных сербских краев составляло 3 млн. 700 тыс. человек, из них около 2 млн. проживали в Воеводине, остальные — в Косово и Метохии. В Сербии в 1991 г. сербы составляли 65,9% населения, албанцы — 17,1, венгры — 3,5, мусульмане — 2,5, черногорцы — 1,4, хорваты — 1,1%.

Распад федеративного государства, межэтническое противостояние и гражданские войны в бывшей Югославии, вмешательство в этот конфликт так называемого международного сообщества вошли в историю под названием «югославский кризис 1991–2001 гг.» (вернее сказать, горячая, или военная, фаза того кризиса, который начался после смерти Тито)²⁹².

---

²⁹² До сих пор наиболее подробное описание югославского кризиса дается в кн.: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). См. также: Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М., 2013.

Бытующее иногда в историографии определение «балканский кризис» нам представляется ошибочным. *Во-первых*, войны не вышли за пределы бывшей Югославии, другие балканские страны этот кризис не затронул. По сути, он оставался внутренним делом Югославии. *Во-вторых*, определение «балканский» придает кризису региональный характер и открывает дорогу для внешнего вмешательства.

Межнациональное противостояние в Югославии состояло вначале из попыток Югославской народной армии (ЮНА), в которой большинство составляли сербы, не допустить распада государства. Затем это противоборство обернулось поочередно 10-дневными вооруженными столкновениями в Словении (июль 1991 г.) и двумя межэтническими гражданскими войнами - Хорватской (1991–1995 гг.) и Боснийской (1992–1995 гг.). Следующим этапом кризиса стала 78-дневная натовская агрессия против Югославии в связи с событиями в Косово в 1999 г. В 2001 г. в связи с усилением албанского сепаратизма югославский кризис сначала перекинулся в Прешевскую долину на юге Сербии (1999–2001 гг.), а затем еще на несколько месяцев распространился на Македонию (январь–август 2001 г.)²⁹³.

Отделить трансформационные революции от межэтнических гражданских войн в постсоветских или постъюгославских республиках очень трудно. И особенно это очевидно для постъюгославского пространства.

---

²⁹³ К. Николич пишет, что в этот период Сербия участвовала в двух военных конфликтах — в войнах за югославское наследство (1991–1995 гг.) и войне за Косово (1999 г.). См.: *Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20 веку*. Београд, 2016. С. 10. Но нам представляется, что все-таки разрывать войны в Хорватии и Боснии и войны в Косово, Южной Сербии и Македонии неправомерно. Это были явления одного общего процесса дробления постъюгославского пространства.

Фактически революции в республиках Югославии и Советского Союза были «бархатными» лишь в первое время и в столицах, в дальнейшем и на окраинах во многих из них процесс принял совсем не мирный характер. Наконец, в Боснии и Герцеговине, где все воевали со всеми, линии вооруженного противостояния прошли даже по столице этой республики — городу Сараево и главному городу Герцеговины — Мостару.

Революционные потрясения 1990-х годов в Восточной Европе характеризовались еще одним феноменом — возникновением сразу нескольких так называемых самопровозглашенных или непризнанных государств²⁹⁴. Конечно, многие современные государства прошли в своем развитии этапы самопровозглашения и непризнанности. Ту же Советскую Россию в течение десятка лет не признавали многие государства, включая США. Да и сами США возникли в результате самопровозглашения после кровопролитной войны за независимость.

Однако в 1990-е годы самопровозглашенные государства в Европе возникали не в связи с предшествующей национально-освободительной борьбой и/или революциями, а вследствие распада двух федераций — СССР и Югославии. Этот распад проходил по внутренним административным границам, существовавшим между национальными республиками. Добившись независимости, эти республики на короткое время стали самопровозглашенными государствами. Во время и после получения республиками международного признания происходила уже их собственная этническая фрагментация.

Всего в бывшей Югославии во время Хорватской и Боснийской войн и косовского кризиса возникло пять самопровозглашенных государств — по одному в Хорватии и Сербии и сразу три в Боснии и Герцеговине. Ими являлись

---

²⁹⁴ До этого современная Европа знала лишь одну самопровозглашенную Турецкую республику Северного Кипра.

Республика Сербская Краина в Хорватии; Республика Сербская, Хорватская Республика Герцег-Босна и Республика Западная Босния (Цазинская Краина) в Боснии и Герцеговине и, наконец, Республика Косово в Сербии.

Судьба самопровозглашенных государственных образований на территории бывшей Югославии была различной. Республика Сербская Краина и Республика Западная Босния были уничтожены в ходе боев, Герцег-Босна — упразднена согласно Дейтонским соглашениям, а для Республики Сербской в тех же Дейтонских соглашениях был найден определенный статус. Наконец, албанскому населению Косово фактически был дан зеленый свет в обретении независимости, хотя юридически край остается в составе Сербии согласно резолюции СБ ООН № 1244.

Но все-таки косовский вариант — исключение. Он возник в результате прямого военного вмешательства извне. И нигде больше, ни на постъюгославском, ни на постсоветском пространстве, Запад столь открыто не поддерживал ни одно из самопровозглашенных государственных образований. И нет никаких признаков того, что поддержит впредь. Тенденция прямо противоположная, направленная на ликвидацию этих образований.

Более универсальная модель — Дейтонская, хотя и в Боснии и Герцеговине не обошлось без прямого военного вмешательства НАТО. Но именно здесь был найден компромисс, который в определенной мере может распространиться и на другие самопровозглашенные государства. Кроме того, из всех самопровозглашенных государств на постъюгославском пространстве только Республика Сербская прошла полный цикл развития: не имевшие даже автономии боснийские сербы хотя и не добились независимости или присоединения к Сербии), но получили международное признание как одно из двух государственных образований в составе Боснии и Герцеговины.

Другое дело, что в настоящее время Дейтонская модель вызывает больше вопросов, чем ответов. И главная проблема — реализация этой модели на практике. К сожалению, еще не высохли чернила в тексте Дейтонских соглашений, а уже раздались голоса с требованием их пересмотра. И все годы существования дейтонской Боснии продолжается политика, направленная на создание централизованного унитарного государства. Эта политика проводится посредством посланных в Боснию и Герцеговину для реализации соглашения так называемых Высоких представителей и многотысячного военного контингента под командованием НАТО (затем командование перешло к европейским военным структурам).

В то же время если Босния и Герцеговина — государство, которого никогда в истории не существовало и которые имеет право на жизнь, то уж никак не в унитарной форме. В такой сложной по этническому составу стране, с такой сложной, часто трагической историей, пережившей кровавую межэтническую войну, возможно только федеративное или даже конфедеративное устройство. В любом случае государство должно стать желаемым для обоих гособразований и всех трех этнических общин.

Проблема самопровозглашенных государств заслуживает специального исследования. Заметим лишь, что и получившие международное признание бывшие югославские республики начинали свой путь к независимости не только с «бархатных революций» в форме многопартийных выборов, но и с самопровозглашения и часто вооруженной сепаратистской деятельности. Но если самопровозглашение в рамках республик международным сообществом допускалось и даже после некоторого колебания поощрялось, то самопровозглашение внутри этих республик уже рассматривалось как недопустимый сепаратизм. Исключение, повторим, было сделано лишь для сербского автономного края Косово и Метохия.

В 1990-е годы социалистам Милошевича достаточно успешно удавалось удерживаться у власти, создавая различные коалиции с радикалами В.Шешеля. Ведущими оппозиционными партиями были Сербское движение обновления (СДО) В. Драшковича, Демократическая партия (ДП) З. Джинджича и Демократическая партия Сербии (ДПС) В. Коштуницы. Оппозиция также формировала хрупкие коалиции, самыми значительными из которых были: Демократическое движение Сербии — ДЕПОС (1992 г.), объединение «Вместе» (1996 г.) и Демократическая оппозиция Сербии — ДОС (2000 г.). В целом в Сербии на протяжении всех 1990-х годов на политической арене и в парламенте существовали три политических течения: социалистическое (СПС, ЮЛ), демократическое (ДП, ДПС, СДО) и националистическое (СРС).

Уже в 1993 г. С. Милошевич начал пересматривать прежнюю политику, отходить от поддержки хорватских и боснийских сербов, что выразилось в его согласии сначала на план урегулирования боснийского кризиса, получивший название плана Вэнса–Оуэна, а затем и на план Контактной группы. После фактического отказа боснийских сербов от плана Контактной группы Югославия 4 августа 1994 г. прервала все связи с Республикой Сербской и даже ввела против нее, перекрыв все границы, экономическую блокаду. Руководителям боснийских сербов был запрещен въезд в СРЮ. Позже Милошевич принял активное участие в переговорном процессе в Дейтоне и во многом способствовал реализации Западом своих целей²⁹⁵.

²⁹⁵ О позиции сербской делегации во главе с С. Милошевичем на этих переговорах см.: *Вуйович Н.* Последний рейс из Дейтона. Переговоры за закрытыми дверями. М.; СПб., 2019; о роли американской дипломатии в разрешении боснийского конфликта см.: *Chollet D.* Tajna povijest Daytona. Američka diplomacija i mirovni proces u Bosni i Hercegovini 1995. Zagreb, 2007.

В определенной степени С. Милошевич достиг своей цели. *Во-первых*, одно время он стал рассматриваться на Западе как «фактор стабильности» и «гарант мира» на Балканах. *Во-вторых*, в октябре 1996 г., через 10 дней после официального объявления результатов выборов в Боснии и Герцеговине, Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1074 об отмене продолжавшихся 52 месяца антисербских санкций. Правда, осталась так называемая «внешняя стена» санкций. США отказались включить в резолюцию пункт, предусматривавший автоматическое восстановление Союзной Республики Югославии в ООН и других международных организациях. США также воспрепятствовали налаживанию связей СРЮ с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими финансовыми институтами. Оставались замороженными авуары экс-Югославии в западных банках.

В ноябре 1996 г. состоялись новые парламентские и муниципальные выборы. Правящая коалиция (Сербская социалистическая партия С. Милошевича и Югославские левые (ЮЛ) его супруги М. Маркович, а также партия Новая демократия) получила 48,5% голосов, или 64 из 138 мест в парламенте. Новая оппозиционная коалиция «Вместе» — Сербское движение обновления (В. Драшкович), Демократическая партия (З. Джинджич) и Гражданский союз (В. Пешич) получила заметно меньше — 23,9% голосов, или 22 места.

В то же время на местном уровне оппозиция победила во всех крупных городах. Центральная избирательная комиссия попыталась оспорить эти результаты. После этого несколько месяцев в Югославии проходили многотысячные уличные манифестации оппозиции, протестовавшей против фальсификации властями результатов выборов — «кражи голосов». Демонстранты забрасывали правительственные учреждения сырыми яйцами, поэтому эти протестные шествия назвали

еще «яичной революцией». Протест оппозиции получил международную поддержку, в частности со стороны ОБСЕ. Более того, в борьбе государства с оппозицией «международное сообщество стало третьим игроком»²⁹⁶. Причем игроком, который играл на стороне оппозиции. С. Милошевичу пришлось кое в чем уступить. Так, мэром Белграда на короткое время стал лидер Демократической партии З. Джинджич. «Яичная революция» осенью–зимой 1996–1997 г. помогла оппозиции поверить в свои силы и во многом стала репетицией и прообразом будущих революционных событий в Белграде в октябре 2000 г.

В июне 1997 г. С. Милошевич, который не мог больше баллотироваться в президенты Сербии, сменил однопартийца З. Лилича на посту президента Югославии и сохранил в своих руках всю полноту власти. Но передышки для него не наступило. Уже с начала 1998 г. стал резко набирать обороты конфликт в Косово и Метохии. Относительно умеренные албанцы во главе с И. Руговой были оттеснены боевиками из так называемой Армии освобождения Косово (ОАК) во главе с полковым командиром Х. Тачи. Фактически косовские албанцы подняли вооруженный мятеж против центральной власти. Ответные действия сербской полиции и спецназа дали повод Западу через международные организации (ООН, ОБСЕ, Контактная группа и др.) развернуть кампанию по защите прав человека в Косово.

Весной 1998 г. Югославии было предложено заключить трехгодичное соглашение, по которому НАТО получала возможность ввести в Косово 30 тыс. военнослужащих для обеспечения мира и демократических выборов. Это было расценено югославскими властями как грубое вмешательство во внутренние дела

---

²⁹⁶ Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih. Beograd, 2002. S. 305.

государства. Но уже в октябре 1998 г. С. Милошевич после многодневных изнурительных переговоров был вынужден заключить соглашение с американским представителем Р. Холбруком, по которому небо над Косовом предоставлялось для патрулирования натовскими самолетам-разведчикам, а в сам край вводилось 2 тыс. наблюдателей ОБСЕ. Кроме того, из Косово выводился сербский спецназ.

Однако и этого Западу показалось мало. В феврале 1999 г. во Франции, в замке Рамбуйе под Парижем, под эгидой Контактной группы начались переговоры между властями Сербии и представителями косовских албанцев по поиску вариантов выхода из кризиса. Как можно было ожидать, они ничего не дали. Югославское руководство было наотрез против ввода в Косово сухопутных войск НАТО. Ничего не дал и второй раунд переговоров в марте 1999 г. Тем временем ситуация в Косово еще больше обострилась. В ответ на боевые действия албанских боевиков в край была введена 40-тысячная сербская армия. Совместно с полицией она приступила к ликвидации баз ОАК, что сопровождалось жертвами и среди мирного населения. Многие албанские семьи были вынуждены покинуть край и перебраться в Албанию и Македонию, где были развернуты специальные лагеря беженцев. Не ожидая формального окончания переговоров в Рамбуйе, НАТО во главе с США приступила к подготовке ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии, хотя никакого решения СБ ООН по этому поводу принято не было. Это совершенно определенно нарушало основополагающие принципы международного права.

Агрессия НАТО против Союзной Республики Югославии под кодовым названием «Союзническая сила» началась 24 марта 1999 г., и продолжалась 78 дней, до 10 июня. Ударам с воздуха подверглась вся территория страны, включая Белград и другие крупные города, были

разрушены многие предприятия, больницы, мосты. При чем Черногория пострадала гораздо меньше, чем Сербия. Погибло более 2 тыс. югославских граждан, в том числе стариков и детей, а общий ущерб, по некоторым данным, составил около 100 млрд. долларов.

При не совсем добросовестном посредничестве России в лице В.С. Черномырдина СРЮ была вынуждена сдать — согласиться на вывод своих войск из Косово и на ввод туда многонациональных международных сил под руководством НАТО. Эти силы (около 50 тыс. человек), созданные по аналогии с силами СФОР в Боснии, получили название КФОР. В них вошел и российский контингент (3 тыс. человек), который не получил отдельной зоны ответственности. Фактически, согласно принятой резолюции СБ ООН № 1244, Косово, оставаясь формально сербским краем, оказалось под оккупацией военных сил НАТО и гражданским управлением специально созданной миссии ООН (УНМИК).

В то же время не все пункты этой резолюции были выполнены, в частности возвращение в край ограниченного контингента югославских полицейских и пограничных войск, разоружение боевиков ОАК. В результате в Косово начались массовые насилия, бесчинства, убийства мирных жителей, поджоги и разграбления имущества неалбанского населения, разрушения культурно-исторических памятников. Край были вынуждены покинуть 250 тыс. сербов и других жителей неалбанского происхождения. Произошло новая гуманитарная катастрофа.

Насилие и терроризм стали выплескиваться за административные границы края — в Южную Сербию (в долину Прешево–Буяновац–Медведже, где была создана сухопутная буферная демилитаризованная зона шириной 5 км) и Македонию, в приграничные районы с преобладающим албанским населением. Возник еще один военный очаг югославского кризиса уже на территории Центральной Сербии (то есть Сербии без автономных краев).

В июле 2000 г. парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок в конституцию государства, в частности изменил порядок выборов президента. Теперь вместо депутатов парламента его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов. Кроме того, 40 депутатов верхней палаты скупщины (Вече республик) также должны были избираться прямым голосованием (до этого парламенты Сербии и Черногории направляли туда по 20 депутатов). Этими изменениями парламент фактически открыл С. Милошевичу путь к переизбраниям на посту президента Югославии (еще дважды, каждый раз — на четыре года) и резко ослабил позиции 650-тысячной Черногории по сравнению с почти 10-миллионной Сербией.

Новые президентские и парламентские выборы в Югославии состоялись 24 сентября. Главным конкурентом Сербской социалистической партии С. Милошевича была новая коалиция — Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), выдвинувшая своим кандидатом в президенты СРЮ лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницу. ДОС состояла из 18 партий различной направленности, но в нее не вошла некогда самая большая оппозиционная партия — Сербское движение обновления В. Драшковича. Всего за 138 мест в нижней и 40 — в верхней палатах парламента боролись представители 21 партии. В знак протеста против изменения Конституции выборы бойкотировали власти Черногории.

Итоги выборов оказались сенсационными. Демократическая оппозиция Сербии получила преимущество в 600 тыс. голосов при избрании депутатов в верхнюю палату скупщины (Вече республик) и почти в 500 тыс. — при голосовании в нижнюю палату (Вече граждан). Еще увереннее выступила ДОС на президентских выборах. В. Коштуница победил уже в первом туре, набрав 50,24% голосов при 37,15% голосов у С. Милошевича. Правда, эти данные были подтверждены позже,

а до этого Центризбирком заявлял о необходимости второго тура, так как В. Коштуница получил только 48,96% голосов избирателей, то есть меньше 50%. Против фальсификации результатов выборов в Белграде и других городах начались массовые волнения, закончившиеся захватом здания парламента, отстранением С. Милошевича от власти (5 октября) и инаугурацией четвертого президента сербско-черногорской Югославии В. Коштуницы (7 октября).

Поражение Милошевича означало также окончательный крах всего проводимого им курса во время югославского кризиса. «Социалистическая партия Сербии и ее лидер добивались синтеза югославского и сугубо сербского компонента... сербы, оказавшиеся после распада Югославии в других республиках, не испытывали никакого пиетета в отношении югославского наследия и не проявляли никаких социалистических настроений. ... Основной акцент в их программах делался на национальное государство, за которое они и боролись, создавая автономные территории и стремясь в далекой перспективе к объединению их с Сербией»²⁹⁷. Но и внутри собственно Сербии попытки С. Милошевича соединить традиции Сербии 1918 г. и наследие югославского социалистического периода оказались неуспешными. Титоизм так и не удалось сузить с федерального до сербского уровня²⁹⁸.

В конце декабря 2000 г. состоялись выборы в парламент Сербии. Они принесли безоговорочную победу объединенной оппозиции. ДОС получила свыше 64% голосов, или 174 из 250 депутатских мест в парламенте, СПС — 14%, или 37 мест, Радикальная партия

---

²⁹⁷ Чиркович С.М. История сербов. М., 2009. С.378.

²⁹⁸ См.: Батаковић Д.Т. Исходишта XX века // Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарцић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 383.

В. Шешеля — 8%, или 23 мандата, Партия сербского единства убитого незадолго перед этим Ж. Ражнатовича-Аркана — 5%, или 14 депутатских мест. Не преодолели процентный барьер и не попали в парламент Сербское движение обновления и ЮЛ. Премьер-министром Сербии был назначен председатель входящей в ДОС Демократической партии З. Джинджич. Власть в Сербии полностью сменилась.

Таким образом, трансформационная революция в Сербии произошла в октябре 2000 г., через 10 лет после первых многопартийных выборов. В отличие от других стран Восточной Европы «бархатная революция» в Сербии оказалась растянутой во времени. Это был длительный процесс, который протекал от антибюрократических квазиреволюций и первых многопартийных выборов, через развал некогда общего государства, попытки поддержать самопровозглашенные сербские государственные образования в соседних республиках, санкции и агрессию НАТО, через массовые демонстрации оппозиции, включая и «яичную революцию», и до событий 5 октября 2000 г. Не будет большим преувеличением сказать, что трансформационная революция 2000 г. завершала целое революционное десятилетие.

В сербской историографии появилась точка зрения, согласно которой сербская «октябрьская революция» не была «бархатной» и мирной. А то, что эти события «не переросли во всеобщую резню и гражданскую войну», не имеет значения. Согласно этой точке зрения, «бескровность и ненасильственность суть не одно и то же»: «смена власти в Сербии произошла не мирным путем», а небольшие размеры «революционного насилия» явились «препятствием для истинной, постоянно откладываемой демократизации сербской политической жизни». Это был, скорее, переворот, «более или менее контролируемая смена, точнее, переформирование и реорганизация

правлящей элиты Сербии»²⁹⁹. На наш взгляд, *во-первых*, странно сожалеть, что революция была «бескровной». *Во-вторых*, в том числе и поэтому нет никаких причин исключать сербскую революцию из числа «бархатных». *В-третьих*, размер «революционного насилия» не всегда влияет на глубину преобразований, иногда это лишь показатель отсталости или цивилизованности определенного общества. В Румынии во время революции 1989 г. насилия было сверх всякой меры, но это совсем не значит, что она выполнила все задачи по демократизации румынского общества и что не потребуется еще множества усилий на этом направлении.

В то же время мы считаем, что «бульдозерная революция» в Сербии имела двойственную природу. Только, с одной стороны, она была последней из тех «бархатных революций», которые начались еще в 1989 г. С другой она открывала череду новых революций на европейском постсоциалистическом пространстве. Фактически это было второе издание трансформационных революций, то есть революций в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных революций». Это так называемые «цветные», или «электоральные», революции начала XXI в.

«Цветные», или «электоральные», революции начала XXI в. призваны, *во-первых*, доделать то, что не было доделано «бархатными революциями» 1989 г. Именно поэтому они и происходят в относительно менее развитых государствах — на Балканах или на постсоветском пространстве. *Во-вторых*, «цветные революции» нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации,

---

²⁹⁹ Вукадинович Дж. Сербия без Милошевича, или По ком звонит колокол? // Сербия о себе. М., 2005. С. 239–241, 248. См. также: Антонич С. Пятое октября и перспективы демократизации Сербии // Там же. С. 259, 275.

«приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на дальнейшее развитие»³⁰⁰.

Для Сербии возможность новых потрясений» отнюдь не исключается. Нормальная партийная система еще не выстроена. Причины этого — аутентичная, а не навязанная извне революция (обстоятельство, бывшее некогда предметом непомерной гордости), низкий уровень политической культуры населения, замещенный на патерналистских традициях, и тяжелейшая экономическая ситуация, на которой до сих пор сказываются десятилетний период войн и антисербские санкции.

Ситуация в стране отягощается тем, что она «находится сейчас в положении государства, потерпевшего поражение в войне и часть территории которого под оккупацией». Поэтому у Сербии «значительно ограничена возможность маневра для деятельности как на внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом направлении»³⁰¹. Ограниченность маневра связана и с желанием сербского руководства во что бы то ни стало, любыми путями вступить в Европейский союз. Тем самым маневра у него тем более не остается. Однако при невозможности нормального эволюционного развития всегда резко увеличивается шанс революционных потрясений.

---

³⁰⁰ Рябов А. Москва принимает вызов «цветных революций» // Pro et contra. 2005. Т. 9. С. 19–20.

³⁰¹ Јовановић М. Србија 1804–2004: развој оптерећен дисконтинуитетима. Седам теза // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004... С. 188–189.

РОССИЙСКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА

Ю

гославский кризис, столь сильно повлиявший на процессы модернизации, выбор пути развития во всех югославских республиках, перешел в горячую военную фазу в начале 1990-х годов.

И как раз эти годы совпали со становлением новой российской внешней политики. Ее особенности ярко проявились и на балканском направлении.

Говоря о российско-сербских отношениях в 1990-е годы, сербский исследователь С. Живанов отмечал множество комментариев, которые делали по этому вопросу сербские политологи, юристы, экономисты, социологи и публицисты. Однако «многие из этих комментариев были сильно идеологизированы и политизированы... или эмоционально окрашены, что серьезно снижает их научную ценность». И далее: «...скромные результаты сербской историографии в изучении русско-сербских отношений в этот период были несоразмерны с характером и значением этих отношений и их последствий для судьбы Сербии, сербских земель и сербов в переломный исторический период в конце XX столетия»³⁰².

---

³⁰² Живанов С. Сербская историография о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. (1990–1998 гг.). СПб., 2010. С. 285.

Эти выводы справедливы и по отношению к российским комментариям, в которых тоже преобладали подобные эмоциональные и идеологизированные оценки. Однако в те годы чрезмерной идеологизацией грешили не только комментаторы актуальных событий, но и сами проводники российской внешней политики из дипломатического ведомства. В те годы внешняя политика России, как и политика во всех других сферах, базировалась на отказе от коммунистической идеологии. Однако нельзя сказать, что под внешней политикой России не было никакой идейной базы. Наоборот, ее было слишком много. И в этом как раз и заключалась одна из главных проблем российской внешней политики.

Кроме того, из-за чрезмерной идеологизации долгое время отсутствовало понимание такого простого факта, что в отличие от внутренней внешняя политика никогда не может быть либеральной. Внешняя сфера — это жесткая конкурентная среда, где все озабочены прежде всего защитой национальных интересов.

В целом в России вместо деидеологизации внешней политики фактически произошла замена одной идеологии на другую. Вместо коммунистической идеологии и претензий на мировое лидерство во внешней политике все больше стали проявляться комплексы страны, сдавшей на милость победителей в «холодной войне» и ни на что не претендующей.

Тогдашний российский министр иностранных дел А. Козырев не только не пытался выработать государственную общенациональную внешнюю политику во взаимодействии с другими властными и общественно-политическими структурами, но и с жаром включился во внутривластную борьбу. Естественно, такая позиция исключала возможность наладить хоть какое-нибудь сотрудничество с законодательной властью, отвергала значительную часть общественных структур, экспертного сообщества.

Классический пример — присоединение России к антисербским санкциям в самом начале югославского кризиса. Сербское руководство было для министра Козырева лишь «национал-коммунистическим», и потакать, попустительствовать ему он был не намерен. Сложные геополитические процессы, национальные интересы России, исторические традиции его в данном случае не интересовали.

Сказывалось, конечно, и тяжелое экономическое положение России. Те же антисербские санкции во многом были поддержаны в обмен на обещание финансовой помощи. Не случайно, что о поддержке санкций Совета Безопасности ООН Б. Ельцин 30 мая 1992 г. проинформировал в первую очередь председателя Европейского сообщества Ж. Делора.

По записи очевидца эта встреча проходила следующим образом: «*Б. Ельцин*: “Перейдем к европейским делам. Я считаю, что процессы в России дают возможность проводить более динамичную политику в отношении интеграции России в Европейское сообщество. Россия всегда была в Европе и с Европой. Нужно уже иметь договор о вхождении России в Европу. Я благодарен за поддержку при вступлении России в МВФ. Когда будет встреча в Мюнхене, на которую я приглашен, мы не будем просить о помощи. Но будем говорить о создании механизма реализации и контроля помощи (24 млрд. долл.). Жаль, что этот процесс затянулся. Если реформы не получатся, то от этого пострадает весь мир, так как придется вкладывать триллионы долларов на гонку вооружений. Пока из 24 миллиардов мы не получили ни цента... Наша позиция в отношении Югославии... Мы голосовали против санкций в отношении Сербии. Это было продиктовано стремлением дать им еще один шанс прекратить военные действия. Но они не вняли. И сегодня ночью я дал добро голосовать за резолюцию ООН вместе со всеми по поводу санкций против Сербии”.

Ж. Делор: «Нам не хочется новой драмы в Югославии. Если мы признаем изменение границ, то эта эпидемия пойдет по всей Европе... Очень признателен за позицию, принятую сегодня ночью. Проблема Югославии может расшатать все Балканы. Очень опасна дискуссия по поводу названия «Македония». В Греции очень болезненно это воспринимают»³⁰⁵.

Одновременно во внешней политике России все сильнее стал ощущаться вакуум концептуальных, теоретических подходов. Неумение разобраться в реальном положении вещей привело к тому, что долгое время существовала наивная вера в альтруизм западных демократий. Были сильны ожидания своего рода нового «плана Маршалла» для России. Были иллюзии, что «западные демократии», забыв про свои собственные интересы, с распростертыми объятиями примут Россию в свою семью «передовых демократических государств». Когда от России требовали уступок, она шла на это с готовностью. Она делала даже те уступки, которых от нее не требовали. Главным считалось крепить во что бы ни стало отношения с ведущими западными государствами, прежде всего с США.

Считается, что с начала 1991 г. и вплоть до конца 1993 г. во внешней политике России по отношению к Западу стояла пора «очарований», длился «медовый месяц». Россия в это время в отношении югославского кризиса проводила ярко выраженный прозападный курс. И как раз в это время шли широкомасштабные военные действия в Хорватии и Боснии и Герцеговине, и очень многое решалось в судьбе всего сербского народа.

Однако все старания Россия закончили не чем иным, как решением о расширении НАТО на Восток

---

³⁰⁵ *Никифоров К.* Российско-сербские отношения во время югославского кризиса // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 346.

в 1993 г. при новом президенте США Б. Клинтоне. Именно расширение НАТО на Восток, а также все более жесткая и антисербская политика в югославском конфликте во многом выявили истинные стратегические цели США и Североатлантического альянса.

На наш взгляд, Запад во главе с США повел себя в отношении России крайне близоруко. Фактически после некоторого колебания США объявили себя единственным победителем в «холодной войне», имеющим право на «военные трофеи», то есть на заметное расширение своего влияния и даже на гегемонию в современном мире, на создание так называемого «нового мирового порядка», когда, говоря словами римской пословицы, сила определяет право. Об этом было сказано в нашумевшем выступлении В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Оно вызвало болезненную реакцию.

Но винить нужно было самих себя. Ведь совсем не Россия перед этим неоднократно нарушала международное право. Особенно заметно это было во время югославского кризиса. Скажем больше. Те же события на Балканах показали кризис западной демократии. В том же Мюнхене Путин отметил, что складывается парадоксальная ситуация: «Страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других преступников... легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди — сотни, тысячи мирных людей!»³⁰⁴

Сошлемся и на слова совсем другого человека, с совсем другими, даже противоположными политическими взглядами — Адама Михника: «Мы верили в свободу, но, когда свобода пришла, оказалось, что свобода, реализованная в демократической системе, во всем мире

---

³⁰⁴ URL: www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type-63376type63377type63381type82634_118097.shtml

переживает кризис. У нас совпали два кризиса — кризис трансформации и кризис западной демократии»³⁰⁵.

Конечно, на многие вещи в России и на Западе по-прежнему смотрят по-разному. Многочисленные примеры этого приводит в своей книге шотландская исследовательница Сара Макартур³⁰⁶. В частности, в России существование Независимого государства Хорватии времен Второй мировой войны имеет однозначно негативную оценку, а известная «Исламская декларация» лидера боснийско-мусульманской общины Алии Изетбеговича трактуется как образец фундаментализма, приведшего как одна из причин к боснийской войне. Западный же человек, не оправдывая хорватских фашистов, считает, что Независимое государство Хорватия в то же время выражало волю людей жить самостоятельно. Еще разительнее разность подходов в отношении «Исламской декларации». На Западе ее даже изучали на школьных занятиях по политологии как пример демократии. И таких примеров очень много.

Так же по-разному смотрят в России и на Западе на югославский кризис. В частности, свое вмешательство в кризис на Западе пытались обосновать как поддержку демократических сил в Словении и Хорватии, защиту мусульман в Боснии и албанцев в Косово против агрессии сербов во главе с Милошевичем, как расширение зоны стабильности и демократии на Балканы. В России это вмешательство виделось как попытка воспользоваться моментом и расширить свою зону влияния на бывшую Восточную Европу, а красивые слова лишь маскировали истинные цели.

---

³⁰⁵ Михник А. Язык Манделъштама — это язык свободы // Мир перемен. 2005. № 4. С. 111.

³⁰⁶ См.: Макартур С. Когда к штыку приравняли перо. Деятельность СМИ по освещению боснийского кризиса (1992–1995 гг.). М., 2007.

Подобную позицию часто можно встретить в сербской литературе. Например, сербский историк М. Кович писал, что «внутренние раздоры были только вирусами, из которых развилась болезнь, но смерть Югославии наступила только тогда, когда исключительно ради собственных интересов в конфликт вмешались Великие державы и соседние государства»³⁰⁷. Об этом же изредка писали на Западе. Так, французский геополитик П.-М. Галуа полагал, что хотя начальные условия для кризиса создала сама Югославия, но кризис спровоцировала Германия, а затем его углубили США в надежде извлечь максимум пользы из поддержки боснийских мусульман³⁰⁸.

К середине 1990-х годов внешнеполитические неудачи России становились все более очевидными. Против политики, которую проводил МИД, выступала уже не только оппозиция, но и почти вся политическая элита и экспертное сообщество. Утверждалось мнение, что у России должно быть собственное лицо и место в мировой политике. Конечно, это отнюдь не означало спора с Западом по любому поводу, а тем более перехода к конфронтации. Но не было никакой нужды постоянно поддакивать, причем даже в ущерб собственным интересам.

Впрочем, вина за внешнеполитические провалы ложилась не только на МИД, но и на руководство страны, которым были созданы основы такой системы, при которой МИД работал в условиях почти полного монополизма и бесконтрольности. Отсутствие коллегиального механизма разработки и принятия решений и было, пожалуй, главным пороком этой системы. Старые структуры, наподобие международного отдела ЦК КПСС, были упразднены, а новые не созданы.

---

³⁰⁷ Ковић М. Улога Руса на дугом српском путу ка бољем животу // НИН. Београд, 2009. Бр. 3068 — 15 октобра. С. 62.

³⁰⁸ См.: Галуа П.-М. Крв петрола: Босна: геополитички есеј. Београд, 1996.

Создавалось впечатление, что Б. Ельцин, не особенно вникая в детали, без каких-то дополнительных консультаций подписывал почти все, что ему «подсовывал» А. Козырев. И в любом случае дипломаты были представлены сами себе.

Собственно говоря, ожидать от российского МИДа, как и от любого другого подобного ведомства, концептуальных внешнеполитических разработок нельзя было даже не из-за какой-то злой воли его тогдашнего руководства. Были ограничения и сугубо объективного характера. Традиционно дипломаты идеи не генерируют, а выступают их исполнителями. В этом своем свойстве дипломаты похожи на военных. В зависимости от способностей и профессионализма они могут с большим или меньшим успехом выполнять спущенные им директивы. Но стратегических указаний сверху как раз почти и не было.

Все это происходило в 1990-е годы — переломные и для Европы, и для всего мира. Старая биполярная система европейской безопасности рухнула, формировалась новая. На ее формирование большое влияние оказывал югославский кризис. К сожалению, российский МИД этого долго не понимал. И уже в силу этого балканская политика России не могла быть адекватной.

Югославский кризис, так сильно повлиявший на развитие современных международных отношений, на новую геополитическую расстановку в мире, поначалу казался российским властям и дипломатам лишь досадной помехой на пути в «цивилизованный мир».

Поэтому Россия и признала в числе первых, до достижения каких-либо внутриюгославских договоренностей, независимость Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины. Поэтому в деле югославского урегулирования Россия охотно приняла западные правила игры: державы навязывают югославским народам свою волю, а те должны им беспрекословно подчиняться. Пользуясь

особым расположением к себе сербской стороны, Россия именно ей навязывала волю так называемого «мирового сообщества». Поначалу российские средства массовой информации также транслировали западное видение конфликта, что влияло и на российское общественное мнение.

Правда, уже через пару лет общественное мнение в России качнулось в другую сторону. Сказались и огромная цена реформ, и нежелание западных демократий оказать России серьезную помощь. Становилось все более очевидным, что трудности, переживаемые Россией, наоборот, используются для ее дальнейшего ослабления и вытеснения не только с Балкан, но и из всей Европы. Самым убедительным примером этого было начало процесса расширения НАТО на Восток. И соответственно полный крах потерпел курс России на создание новой системы общеевропейской безопасности на основе ОБСЕ. Это оказалось печальным и для ОБСЕ. Сегодня, на наш взгляд, это уже несамостоятельная, почти маргинальная организация.

Начиная примерно с 1994 г. российская дипломатия стала пытаться точнее соответствовать общественным настроениям внутри страны. Тем более что югославский кризис стал для России не только внешней, но и внутренней проблемой. Однако активность МИДа вылилась лишь в изменение фразеологии и стилистики официальных заявлений. Стали раздаваться фразы о равном отношении ко всем сторонам в конфликте, о признании Балкан зоной российских интересов и т. п. Некоторые наблюдатели поспешили трактовать это как переход России на просербские позиции. Но на деле ничего подобного не было. В частности, Россия продолжала оставаться в режиме антисербских санкций, неоднократно голосуя за их еще большее ужесточение.

На определенные подвижки в работе российского МИДа повлияла критика его деятельности не только

в экспертном сообществе, парламенте, но и в структурах исполнительной власти. В Администрации Президента РФ сторонники другой, более самостоятельной линии в югославском урегулировании группировались вокруг помощника Президента по национальной безопасности Ю.М. Батурина³⁰⁹.

Кроме того, как указывает, в частности, А. Мигра-нян, в отсутствие нормального механизма разработ-ки и принятия решений во внешнеполитической сфере «единственной структурой, связанной с внешней поли-тикой, при отсутствии всяких концептуальных подхо-дов как со стороны МИДа, так и СБ (Совета безопасно-сти России. — К.Н.), которая пытается сформулировать цели и определить интересы России в современном мире, оказалась Служба внешней разведки. Видимо, про-шлый опыт участия академика Примакова в определе-нии внешнеполитической линии заставил его... по мере сил восполнить этот пробел»³¹⁰. Определенную актив-ность, не всегда совпадающую с мидовской, проявлял Примаков и на балканском, югославском направлении, но, конечно, полностью заменить внешнеполитическое ведомство не мог и он.

На завершающем этапе войны в Боснии и Герцего-вине НАТО откровенно вмешалась в нее на антисербской стороне, первый раз в своей истории участвуя в воен-ных действиях, причем вне зоны своей ответствен-ности. А Россия уже совершенно бесцеремонно была отодвинута в сторону, в ее услугах больше не нужда-лись. Она была нужна лишь в качестве вспомогательно-го участника урегулирования для придания ему боль-шей легитимности и для уже традиционного давления

---

³⁰⁹ Подробнее об этом см.: *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

³¹⁰ *Миграмян А.* Россия в поисках идентичности. М., 1997. С. 394–396.

на сербов. Такую чисто вспомогательную роль сыграла Россия и во время переговоров по мирному урегулированию в Дейтоне осенью 1995 г., и во время миротворческой операции в послевоенной дейтонской Боснии.

Самым удивительным было то, что российская дипломатия публично объявляла свою политику невероятно успешной, докладывала о все новых и новых победах, о том, что влияние России в югославских событиях постоянно усиливается. В жизни все было с точностью до наоборот.

В начале 1996 г. А. Козырев был отправлен в отставку. Характерно, что Б. Ельцин поставил ему в вину две вещи: расширение НАТО на Восток и отсутствие «четкости» в политике по отношению к Югославии. Министром иностранных дел России стал Е.М. Примаков. Он уже не стеснялся говорить про национальные интересы России. Усилились связи России не только с Западом, но и с Востоком. Внешняя политика стала определяться как многовекторная. Более четко заговорили и о многополярном мире. Однако в целом российской дипломатии не удалось переломить негативные для России тенденции и добиться уважительных и равноправных отношений с Западом.

Характерно, что кризис вокруг сербского края Косово и Метохия мало что изменил и с точки зрения внешнего вмешательства, и с точки зрения позиции России. И вновь дело дошло до нападения НАТО, на этот раз — на сербско-черногорскую Югославию в марте 1999 г. И во многом именно стараниями российского спецпредставителя В. Черномырдина Западу удалось выкрутить сербам руки и сломить их сопротивление.

Знаменитый разворот самолета Е. Примакова над Атлантикой и не менее знаменитый марш-бросок российских десантников из Боснии в Приштину до и после бомбардировок Сербии еще не стали поворотом в балканской политике России. После этого Россия,

набив много шишек в югославском урегулировании и оказавшись фактически вытесненной с Балкан, долгое время почти демонстративно не вмешивалась в балканские дела. О победах в дипломатических верхах России уже не докладывали. Наоборот, вспоминали о событиях в бывшей Югославии с явной неохотой или не вспоминали вовсе. Показателем отношения России к Балканам стал вывод из Боснии и Косово немногочисленных российских миротворцев летом 2003 г.

Но главное даже не это. Главным было данное этому выводу объяснение. Напомним, что вывод войск из Косово официально объяснялся дороговизной операции и тем, что обстановка в крае уже настолько нормализовалась, что в российском контингенте нет необходимости. Тогда как объяснять это надо было совсем другим — тем, что Россию не устраивает формат операции и ее истинные цели, не устраивает вспомогательная, подчиненная роль России, отсутствие у нее самостоятельного сектора ответственности и т. п.

Такое объяснение потеряло всякий смысл, когда меньше чем через год, в марте 2004-го, в Косово прошли новые погромы сербского населения. Через два месяца, 3 июня 2004 г., президент России В. Путин встретился в Сочи с премьером Сербии В. Коштуницей. Путин уже совсем иначе расставил акценты, говоря о российском участии в косовском урегулировании. По его словам, Россия будет в нем участвовать только в том случае, если увидит, что она нужна и решения принимаются при ее участии. Он сказал: «Мы вывели отсюда свой воинский контингент не потому, что нам безразлично, что происходит в Косово, а потому, что присутствие контингента, который ни на что не может повлиять и ничего не решает, бессмысленно»³¹¹.

---

³¹¹ См., например: URL: www.rg.ru/2004/06/04/belgrad.html

Многие тогда не обратили внимания на эти слова. Но нам представляется, что именно они обозначили начавшийся поворот во внешней политике России, завершившийся упомянутой мюнхенской речью В. Путина 10 февраля 2007 г.

Слова Путина в Мюнхене, публичный отказ от податливости 1990-х годов, откровенный разговор о том, о чем раньше предпочитали умалчивать, вызвали болезненную реакцию на Западе. Тяжело было отказываться от взятой на себя самочинно прерогативы единолично интерпретировать все мировые процессы и события.

Позже В. Путин вновь вернулся к мюнхенской речи: «Я думаю, она была полезной. Потому что, по сути, я же говорил правду. Я же правду сказал!» Однако даже в России «глубина» этой правды стала ясна далеко не сразу, фактически на это ушли все 1990-е годы. А до этого, по словам Путина, «все жили по умолчанию: кто-то понимал, кто-то недопонимал», хотя здесь «все очень просто». «Нам сказали одно, а сделали совершенно другое. Причем в полном смысле этого слова надули!» Так, например, «в ходе вывода войск из Восточной Европы генсек НАТО сказал нам, что СССР во всяком случае должен быть уверен в том, что НАТО не будет расширяться дальше существующих на сегодня его границ... Обманули самым примитивным образом»³¹².

Указанный поворот во внешней политике России был, конечно, обозначен не только на вербальном уровне, но и в практических делах, в том числе и на балканском направлении. В частности, российская политика активизировалась в связи проблемой нахождения статуса Косово. Более того, по словам М. Ковича, «можно даже сказать, что все, что до сих пор удалось достичь по защите жизни и имущества граждан

³¹² Коммерсантъ. 2010. 30 августа. № 158/П.

Сербии в Косово, а это суть косовского вопроса, достигнуто благодаря поддержке России»³¹³.

Поддерживая Сербию, Россия, по сути, пыталась продемонстрировать свой окрепший международный статус после тотального отступления 1990-х годов и не допустить нового нарушения международного права. Ее позиция не изменилась и после одностороннего объявления независимости Косово в 2008 г. и даже после явного смягчения позиции в косовском вопросе сербских властей. Однако одностороннее признание Косово открыло путь к такому же признанию Россией Южной Осетии и Абхазии, а затем и признанию возвращения Крыма и Севастополя в свой состав.

---

³¹³ Ковић М. Улога Руса на дугом српском путу... С. 63.

СЕРБИЯ НА ПУТИ ПОСТ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Развал Югославии и начало трансформации

История постсоциалистической Сербии, как и всех других бывших югославских республик, берет отсчет не с момента распада страны, а с первых выборов на многопартийной основе, которые состоялись чуть раньше. Как мы уже неоднократно отмечали, эти выборы, по сути, сыграли роль трансформационных революций, сходных по характеру с «бархатными революциями» 1989 г. во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы, поскольку также способствовали смене власти и общественного развития. Правда, в Сербии (и примкнувшей к ней Черногории) этот процесс пошел по особой, более медленной траектории.

На наш взгляд, историю постсоциалистической Сербии нельзя начинать и со времени падения Милошевича в октябре 2000 г. Повторим, процесс трансформации в 1990-е годы начался в Сербии, но он был сильно искажен как внутренней политикой правящей группировки, так и огромным внешним давлением — от экономических санкций до прямой военной агрессии.

В то же время в историографии существуют разные мнения по поводу существовавшего в 1990-е годы в Сербии милошевичевского режима. Так, Д. Стоянович

называет его «постмодерным тоталитаризмом», когда государство разрешает своим гражданам все, что не угрожает самой власти. Это, по ее словам, была «своего рода разновидность политического апартеида, когда две противостоявшие стороны, власть и ее противник, жили один рядом с другим, но без взаимных коммуникаций и без возможности влияния друг на друга»³¹⁴. Соглашаясь в целом с наблюдениями сербской исследовательницы, отметим, что режим Милошевича был все-таки авторитарным, но никак не тоталитарным (пусть даже с добавлением определения «постмодерный»). Он в любом случае являлся менее авторитарным, чем «самоуправленческий» режим Тито, который по большей части также следует квалифицировать как авторитарный, а не тоталитарный. Наконец, в отличие от коммунистического милошевичевский режим сочетался все же с элементами парламентаризма.

В данном случае мы, скорее, разделяем позицию сербского историка В. Цветковича, назвавшего режим Милошевича «мягким авторитаризмом», приправленным, с одной стороны, примесью посткоммунистической криминальной «братковой» системы, а с другой — цинизмом «международного сообщества» и его глуповато-подлыми санкциями»³¹⁵.

Примерно так же оценивает режим Милошевича К. Николич. Он пишет, что «политический строй Сербии в период с 1990 до октября 2000 г. был разновидностью авторитарного режима, при котором существовали демократические и парламентские учреждения, но не реальная демократия. Учреждения режима, несмотря на их демократическую форму, были только

---

³¹⁴ Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној и историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2009. С. 145–146.

³¹⁵ См.: Цветкович В.Н. Снова в начале // Сербия о себе. М., 2005. С. 310.

фасадом для личной власти одного человека — Слободана Милошевича»³¹⁶.

В 1990-е годы социалистам Милошевича достаточно успешно удавалось удерживаться у власти. И в течение всего этого времени большинство голосов в союзной скупщине неизменно имела Социалистическая партия Сербии. Такая парламентская система фактически была не столько многопартийной, сколько полуторпартийной³¹⁷. И понятно, что единицей всегда была Социалистическая партия (иногда со своими коалиционными партнерами, чаще всего радикалами В. Шешеля).

Оставшаяся половинка приходилась на оппозицию, которая, пытаясь увеличить свою силу, также формировала коалиции, самыми значительными из которых были: Демократическое движение Сербии — ДЕПОС (1992 г.), объединение «Вместе» (1996 г.) и Демократическая оппозиция Сербии — ДОС (2000 г.).

При полуторпартийной системе до настоящей многопартийности, реальной политической конкуренции и демократии было еще далеко. В Сербии возник режим личной власти председателя Социалистической партии С. Милошевича. В таких условиях самые важные решения принимались не в стенах парламента, а в резиденции сербского президента. Одновременно парламент заменила улица, где устраивала свои шествия оппозиция. Сербскую историю в это десятилетие можно изучать и по следовавшим чередой, одна за другой уличным манифестациям: первый 50-тысячный митинг сербской оппозиции прошел в июне 1990 г.,

---

³¹⁶ Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20 веку. Београд, 2016. С.239.

³¹⁷ О полуторпартийной политической системе см. подробнее следующий очерк. См. также: Никифоров К.В. Полуторпартийная парламентская система в Сербии // Человек на Балканах. Памяти А.Л. Шемякина (1960–2018). М.; СПб., 2020. С. 341–349.

еще до многопартийных выборов, последний — в октябре 2000 г., когда оппозиция пришла к власти.

Антикоммунистической трансформационной революции в чистом виде в Сербии не произошло. В то же время в условиях начавшихся преобразований в странах Восточной Европы сербские власти не могли ничего не менять. Процесс трансформации затронул и Сербию, однако в условиях сохранения старой властной номенклатуры шел крайне медленно и непоследовательно. Но в отличие от прошлых лет в Сербии все-таки существовала, хотя и деформированная, многопартийная парламентская система, полусвободная пресса, оппозиция периодически могла проводить акции протеста, принимавшие иногда массовый характер. Однако власть и правящая партия полностью контролировали армию, полицию, в значительной степени экономику (прежде всего денежные потоки) и т. п.

На деформацию общественного развития Сербии огромное влияние оказали антисербские санкции. Санкции против Союзной Республики Югославии были введены 30 мая 1992 г. (резолюция СБ ООН № 757) в наказание за участие Югославской народной армии (ЮНА) в военных действиях в Боснии и Герцеговине. Санкции вводились без каких-либо временных ограничений и затем только ужесточались — в том же, 1992-м (резолюция № 787) и в 1993 г. (резолюция № 820). Они предусматривали запрет на торговлю, включая нефть и нефтепродукты, замораживание научно-технического сотрудничества и культурных обменов, сокращение штатов посольских и консульских представительств Югославии за рубежом, запрет на участие в международных спортивных состязаниях, блокирование воздушного сообщения и замораживание югославских авуаров в зарубежных банках. Санкции, принося страдания простым людям, объективно способствовали сохранению власти в руках Милошевича — внешняя

угроза, как всегда, сплачивала народ вокруг правящего режима и его лидера. Кроме того, санкции вели к криминализации всей сербской экономики, ведь обходить их приходилось с помощью нелегальных контрабандных методов.

Несмотря на все ухищрения, экономическое положение страны неуклонно ухудшалось. В 1993 г. Сербию захватила невиданная гиперинфляция, бившая все мировые рекорды. Курс югославского динара по отношению к немецкой марке падал каждый час. В обращении была купюра достоинством 500 млрд. динаров (5 и одиннадцать нулей!). Правительство было вынуждено перейти к нормированию основных продуктов питания. От полного коллапса экономику Сербии спасла Программа монетарной реконструкции и экономического оздоровления, реализованная главой Югославского национального банка 75-летним профессором Д. Аврамовичем. Фактически его реформа тоже была частью трансформации сербской экономики. В специфических сербских условиях такая частичная трансформация началась еще до смены власти.

В середине января 1994 г. в Югославии перестали печатать старые деньги, а 24 января началась сама реформа: был введен в обращение «новый динар», жестко привязанный в соотношении 1:1 к немецкой марке. Новые динары печатались небольшими порциями, а их эмиссия была обеспечена валютными резервами. Некоторое время в обращении были и старые, и новые динары, но курс старой национальной валюты также был фиксированным. Характерно, что новые деньги вводились в оборот не по классическому образцу. Новые динары шли прежде всего на выплату пенсий, пособий, зарплат бюджетникам. Эти категории людей находились в столь плачевном положении, что не могли конвертировать новые динары в марки, а сразу тратили их на приобретение самого необходимого.

Первый — и основной — этап реформы продолжался шесть месяцев, до 24 июля 1994 г., когда, как и предполагалось, прекратилось дефицитное финансирование бюджета. Впервые за долгие годы цены оставались стабильными, наблюдались даже дефляционные процессы. Оживилось производство. Начался рост заработной платы. Если до реформы она составляла в среднем всего несколько немецких марок, то летом — уже около 180 новых динаров (тех же немецких марок). В целом уровень жизни повысился в 2–3 раза. Конечно, не все было столь гладко. Оставались очень серьезные проблемы. К тому же вскоре началось постепенное отступление от фиксированного курса нового динара. Как это часто бывает, автор «югославского экономического чуда» был отправлен в отставку³¹⁸.

Можно сказать, что реформа Д. Аврамовича повторила судьбу реформы последнего югославского премьера А. Марковича. Успешные экономически, они были прерваны по политическим соображениям.

После Дейтонских договоренностей 1995 г. наступило некоторое затишье. Основные санкции с Сербии были сняты. В июне 1997 г. в Югославии произошла своего рода рокировка на высшем уровне. С. Милошевич, который не мог больше баллотироваться в президенты Сербии, стал президентом Югославии, сменив своего же ставленника З. Лилича. Таким образом Милошевич сохранил в своих руках всю полноту власти.

Однако передышка для него не наступила. Уже с начала 1998 г. стал резко набирать обороты конфликт в Косово и Метохии. Фактически Армии освобождения Косово (АОК) во главе с полевым командиром Х. Тачи начала вооруженный мятеж против центральной власти. Ответные действия сербской полиции и спецназа

---

³¹⁸ О реформе Д. Аврамовича см., например: *Kostić B. Iskušena čudotvorca* // НИИ. 1994. Бр. 2294. 16 decembra; *Kalajić D. Avramovićevo političko čudo* // Duga. 1995. Br. 1608. Od 4 do 17 februara.

дали повод Западу развернуть антисербскую кампанию по защите прав человека в Косово.

Тем временем ситуация в Косово еще больше обострилась. В ответ на боевые действия косовских албанцев в край была введена 40-тысячная сербская армия. Совместно с полицией она приступила к ликвидации баз АОК, что сопровождалось жертвами и среди мирного населения. Не дожидаясь формального окончания сербско-албанских переговоров в Рамбуйе и соответствующего разрешения СБ ООН, США и возглавляемый ими блок НАТО приступили к ракетно-бомбовым ударам по территории Югославии.

СРЮ была вынуждена согласиться на вывод своих войск из Косово и на ввод туда многонациональных международных сил под руководством НАТО. Согласно принятой резолюции СБ ООН № 1244, Косово формально оставалось в составе Сербии, но фактически оказалось под оккупацией НАТО и под управлением специально созданной миссии ООН (УНМИК).

Поражение Сербии и фактическая потеря Косово оказались фатальными для правящего режима. Правда, это стало понятно не сразу.

Трансформационная революция 2000 г. и правление ДОС

Очередные парламентские выборы в Югославии состоялись 24 сентября 2000 г. На них победу неожиданно одержала Демократическая оппозиция Сербии (ДОС). Президентские выборы состоялись одновременно с парламентскими. На них ДОС выдвинула своим кандидатом в президенты СРЮ председателя Демократической партии Сербии В. Коштуницу. Он выступил еще увереннее и победил уже в первом туре, набрав 50,24% голосов при 37,15% голосов у С. Милошевича.

Отказ властей признать поражение привел к массовым волнениям в Белграде и других городах страны. Крестьяне добирались в столицу на тракторах и бульдозерах, поэтому эти события называют еще «бульдозерной революцией».

В конце декабря 2000 г. состоялись выборы в парламент Сербии. Они принесли убедительную победу объединенной оппозиции, которая назначила премьер-министром Сербии председателя Демократической партии Зорана Джинджича, считавшегося менеджером предвыборной кампании ДОС. Власть в Сербии, существовавшая с социалистических времен, наконец поменялась.

Таким образом, в отличие от других стран Центральной и Юго-Восточной Европы трансформационная революция в Сербии представляла собой длительный процесс, растянутый на десять лет — от первых сербских многопартийных выборов до октябрьских революционных событий 2000 г. Он вместил в себя развал некогда общего государства, попытки поддержать сербские движения в соседних республиках, антисербские санкции и агрессию НАТО, массовые демонстрации оппозиции вплоть до революции 5 октября 2000 г.

В Сербии революция опоздала на 10 лет. Однако ничего необычного в этом нет. В Белоруссии события, подобные трансформационной революции, произошли через 30 лет после «бархатных революций» и через 20 после сербской «бульдозерной революции».

Революцию в Сербии отсрочили прежде всего межэтнические гражданские войны «за югославское наследство». Сходные процессы наблюдались в Хорватии. В этом смысле две ведущие республики бывшей Югославии развивались в первое десятилетие после ее распада достаточно однотипно. Этап демократизации и перехода к нормальной парламентской системе начался в Сербии и Хорватии также синхронно — в 2000 г. На первых

парламентских выборах после смерти Ф. Туджмана в декабре 1999 г. хорватская оппозиция пришла наконец к власти. Однако в нулевые и 10-е годы XXI в. развитие этих государств пошло по разным траекториям³¹⁹.

Надо сказать и о том, что «бульдозерная революция» в Сербии имела двойственную природу. Только, с одной стороны, она была последней из тех «бархатных революций», которые начались еще в 1989 г. С другой — она открывала череду новых революций на постсоциалистическом пространстве Европы. Фактически это было второе издание трансформационных революций. Такие революции происходили в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных революций». Это так называемые «цветные», или «электоральные», революции начала XXI в. Общее между двумя типами трансформационных революций — протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Особенность же революций начала XXI в. состояла в том, что они чаще всего происходили во время выборов. Именно многопартийные выборы стали главным завоеванием оппозиции и механизмом смены власти во многих восточноевропейских странах. Попытки пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание приводили к новым революциям.

При желании можно найти еще довольно много отличий между первым и вторым изданиями «бархатных революций». И все они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде. Это, например, и выход на авансцену событий молодого поколения, абсолютно аполитичного в 1989 г. Это и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в определенной степени

---

³¹⁹ Подробнее см. об этом в очерке «Политические системы пост-югославских государств».

неожиданными. Теперь же все изменилось. Революции происходили на западные деньги и по жестким западным лекалам. Отсюда и поразительное сходство революционных сценариев в Сербии, Грузии или на Украине. Однако понятно, что если бы условия для таких революций не созрели, то не помогли бы никакие денежные вливания.

Революции начала XXI в. были призваны, *во-первых*, доделать то, что не было доделано «бархатными революциями» 1989 г. *Во-вторых*, они нацеливались на разрешение противоречий, которые появились уже на пути трансформации³²⁰.

И здесь нет ничего необычного. Одного революционного потрясения часто бывает недостаточно. Достаточно напомнить, например, что в России трансформационная революция не была одномоментной, а состояла из двух революционных потрясений. Это, *во-первых*, августовский путч 1991 г., в результате поражения которого рухнула коммунистическая монополия на власть, а *во-вторых*, события сентября-октября 1993 г., покончившие с советской организацией этой власти.

Много раньше и в другой части Европы переход к новому обществу также состоялся не одномоментно. Классический пример дает Франция, в которой за 100 лет произошли целых четыре революции.

После свержения старой власти кризис в Сербии не прекратился. Он «продолжал углубляться и после ухода Милошевича, охватывая все сегменты внутренней

---

³²⁰ См.: *Иноземцев В.* Трудный возраст элиты. Новые «народные революции» кардинально отличаются от событий, имевших место шестнадцать лет назад // Независимая газета. 2005. 6 апреля; *Шевцова Л.* Россия — год 2005: логика отката. Основные тенденции развития власти, экономики, социальной и внешней политики // Независимая газета. 2005. 21 января; *Рябов А.* Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. С. 19–20.

и внешней политики»³²¹. И это не могло не влиять на ход трансформации.

Приведя ДОС к победе, ее лидеры В. Коштуница и З. Джинджич сразу же стали выяснять отношения между собой. Национально ориентированному и крайне щепетильному в вопросах права Коштунице было непросто смириться с прозападным и прагматичным на грани законности Джинджичем. Ярким проявлением курса последнего стала выдача в июне 2001 г. Гаагскому трибуналу С. Милошевича³²². Во время возникших между двумя сербскими лидерами разногласий лучшим аппаратчиком показал себя Джинджич. Тем более что он, получив пост сербского премьер-министра, сконцентрировал в своих руках основные рычаги власти и финансовые потоки.

Выдача Гаагскому трибуналу С. Милошевича спровоцировала внутренний кризис. Возглавляемая В. Коштуницей Демократическая партия Сербии вышла из единой парламентской фракции ДОС. Позже борьба за власть между двумя лидерами страны — В. Коштуницей и З. Джинджичем привела к тому, что представители Демократической партии Сербии вышли и из сербского правительства, а сама партия — из ДОС.

Забегая вперед, напомним, что С. Милошевич умер в гаагской тюрьме в 2006 г., когда процесс по его делу фактически зашел в тупик. Бывший сербский лидер, юрист по образованию, держался во время судебного разбирательства очень достойно. В отличие от Трибунала, который отказался отпустить Милошевича

---

³²¹ Йованович М. Сербия в начале XXI века, или О кризисе, его причинах и ответственности // Сербия о себе... С. 474.

³²² Главный редактор журнала «Новая сербская политическая мысль» Дж. Вукадинович пишет: «С коммунизмом мы потеряли ощущение традиции, с Милошевичем — ощущение реальности, а после 2000 г. — и ощущение достоинства» (Вукадиновић Ђ. Између две ватре. Београд, 2008. С. 77).

на лечение в Россию, несмотря на гарантии его возвращения, данные российским правительством.

Приход к власти ДОС радикально изменил расстановку политических сил в стране, но в гораздо меньшей степени саму систему власти. Вновь речь пошла о закреплении монополии той или иной политической силы или партии, находившейся у власти. В данном случае правящей партией становилась Демократическая партия во главе с премьер-министром З. Джинджичем. Как точно подметил В. Коштуница: «Республиканская конституция 1990 г. была конституцией Соцпартии Сербии, федеральная конституция 1992 г. была конституцией Соцпартии Сербии и Демократической партии социалистов Черногории. Новая республиканская конституция (которая в те годы разрабатывалась в Сербии. — *К.Н.*) грозит стать конституцией ДОС»³²³. По словам того же В. Коштуницы, внутри ДОС «все подчинено интересам одной Демократической партии, а сама ДОС — современный вариант Народного фронта, в котором подобным же образом доминировала КПЮ»³²⁴.

Помимо свержения Милошевича, еще одним следствием агрессии НАТО против Югославии стало усиление сепаратистской линии руководства Черногории. Казалось бы, свержение Милошевича, который объявлялся в Черногории главным препятствием демократических реформ, и приход к власти в Югославии и Сербии демократической оппозиции открывали путь к новому сближению двух республик. Но этого не произошло. Более того, сепаратистский курс черногорского руководства даже усилился. После некоторых колебаний он был фактически поддержан западными посредниками. В конце концов 14 марта 2002 г. руководители

---

³²³ Петровская Ю. Интервью с В. Коштуницей: «Влияние России на Балканах ослабевает» // Независимая газета. 2003. 22 апреля.

³²⁴ Власт замагљује атентат // Вечерње новости. 2003. 17 мая.

Югославии, Сербии и Черногории под диктовку функционеров Евросоюза подписали соглашение о переустройстве отношений в союзном государстве.

Новое объединение получило название Государственное сообщество Сербия и Черногория (СиЧ). Стороны договорились о беспрепятственном функционировании общего экономического рынка, включая свободное перемещение людей, товаров, услуг и капиталов. Имевшиеся расхождения в области торговой и таможенной политики должны были разрешаться в процессе гармонизации экономических систем республик с экономической системой Европейского союза. Следует, однако, отметить, что программа по сближению сербской и черногорской экономик оказалась полностью провальной: в Сербии и Черногории функционировали различные монетарные, налоговые, таможенные системы. Наконец, на три года вводился мораторий на проведение в Черногории референдума о независимости. Соответственно в скором будущем появлялась реальная возможность проведения такого референдума и признания его результатов международным сообществом.

Еще год ушел на подписание конституционной хартии и ее ратификацию сербским, черногорским и союзным парламентами. 4 февраля 2003 г. Союзная Республика Югославия, функционировавшая почти 11 лет и прочно связанная с именем Слободана Милошевича, перестала существовать. Она повторила судьбу СФРЮ. Ушло в историю и само название «Югославия». Осталось аморфное Государственное сообщество Сербия и Черногория. Его президентом стал представитель Черногории, близкий соратник М. Джукановича Светозар Марович.

В новом объединении президент Югославии В. Коштуница остался без своего поста. З. Джинджич явно одержал аппаратную победу. Но уже через месяц он был убит. Убийство сербского премьера, в организации

которого были обвинены спецподразделения и организованная преступность, стало началом заката правления ДОС. Но сам Джинджич посмертно превратился в символ сербской демократии.

После октябрьской революции 2000 г. и прихода к власти ДОС Белград во внешней политике взял курс на интеграцию в евроструктуры. Однако безоглядная ориентация на Запад не принесла ожидавшихся сербским руководством помощи и кредитов. Западная помощь была минимальной и обуславливалась множеством факторов, прежде всего сотрудничеством Сербии с Гаагским трибуналом по бывшей Югославии. Есть свидетельства того, что за год до своей смерти З. Джинджич стал это осознавать и корректировать однозначно прозападную позицию.

В то же время без западной помощи Сербии было почти невозможно обойтись. Ее экономическое положение после многолетних санкций и бомбежек НАТО продолжало оставаться плачевным. На высоком уровне удерживалась безработица. Ситуация осложнялась и тем, что Сербия оказалась на первом месте в Европе по количеству беженцев и вынужденных переселенцев. По данным сербского Комиссариата по делам беженцев, после окончания всех югославских войн Сербия приютила 830 тыс. человек, изгнанных из родных мест. Для 7-миллионного населения Сербии (без Косово) это была огромная цифра. По некоторым данным, к началу 2000-х годов Сербия стала беднейшей страной в Европе³²⁵.

С тех пор ситуация уже заметно изменилась. Но и через 20 с лишним лет после натовских бомбардировок в Сербии зарегистрировано более 300 тыс. беженцев

---

³²⁵ См., например: Лобанов М.М. Сербия // Постсоциалистический мир: итоги трансформации: В 3 т. СПб., 2017. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. С. 369.

и вынужденных переселенцев — 97 тыс. беженцев из Хорватии и Боснии и 236 тыс. вынужденных переселенцев из Косово. Раньше беженцев из Хорватии и Боснии было около полумиллиона человек, но за последние годы более 200 тыс. беженцев получили гражданство Сербии, другие — возвратились в родные места. Причем количество вернувшихся в Боснию намного превосходит число тех, кто вернулся в Хорватию.

Не только экономика Сербии нуждалась в оздоровлении. Коррупционные скандалы затрагивали также политическую систему, в них были замешаны члены кабинета министров. Правительство потеряло всякий авторитет, а ДОС — большинство в парламенте. В ноябре 2003 г. скупщина Сербии была распущена.

Распад ДОС фактически predetermined приход к власти в Сербии новых сил. На очередных парламентских выборах в конце 2003 г. первое место заняла Сербская радикальная партия, второе — досталось Демократической партии Сербии В. Коштуницы. Он вернулся к власти, сформировав в конечном итоге правительство парламентского меньшинства из представителей своей партии, партии «Г-17+» и блока двух партий — «Новая Сербия» и «Сербское движение обновления». Правительство парламентского меньшинства по своей природе не могло быть устойчивым. Оно также не смогло обеспечить стране политическую стабильность и экономические успехи.

Правление демократов и их соперничество

Следующий период в политической истории Сербии характеризовался правлением демократов и их борьбой друг с другом. Ни одно из враждовавших демократических течений не пользовалось достаточной поддержкой, чтобы править в одиночку, а их борьба лишь увеличивала

силы противников-радикалов³²⁶. В результате образовывались сложные конфигурации трех главных политических течений — прозападного («европеисты» — во главе с Демократической партией), центристского, национально ориентированного («народняки», возглавляемые Демократической партией Сербии) и антизападного, националистического (Сербская радикальная партия). Одновременно в это время в Сербии стал укрепляться парламентаризм, находившийся на довольно низком уровне не только во времена правления Милошевича, но и Джинджича и его преемника Живковича³²⁷.

После прошедших в июне 2004 г. очередных президентских выборов ситуация осталась сложной. Во второй тур вышли новый лидер радикалов Томислав Николич, который успешно заменил добровольно передавшего себя в руки Гаагского трибунала В. Шешеля, и новый председатель Демократической партии Борис Тадич. Последний и стал президентом, так как его поддержали все другие демократические силы, включая и премьер-министра В. Коштуницу. В лице Бориса Тадича Демократическая партия вновь обрела сильного лидера и начала укреплять свои позиции на политической арене.

21 мая 2006 г. на референдуме, предусмотренном еще в конституционной хартии Государственного сообщества Сербии и Черногории, большинство жителей Черногории (55,5%) выступило за полную независимость своей республики. 3 июня парламент Черногории провозгласил ее независимым государством. Общая

---

³²⁶ Кандель П.Е. Становление демократии в «постсоциалистических странах» // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 195.

³²⁷ См.: *Antonić S. Parlamentarianism in Serbia after 2000* // Нова српска политичка мисао. Нова едиција. Београд, 2008. Vol. XVI. № 3/4. С. 35–52.

88-летняя история Сербии и Черногории закончилась. Когда-то в конце ноября 1918 г. Сербия и Черногория были первыми государствами, которые начали югославянское объединение, они же последними положили этому объединению конец.

28–29 октября 2006 г. на всенародном референдуме была одобрена новая Конституция Сербии уже как полностью самостоятельного государства. Сербия оказалась независимым государством вновь после 1878 г., когда она получила независимость на Берлинском конгрессе, и через 88 лет после того, как сербская государственность растворилась в общем государстве югославян.

Первые парламентские выборы в новой Сербии состоялись 21 января 2007 г. Они показали, что расстановка сил на политической сцене осталась прежней и по-прежнему сербское общество расколото. Больше всех — 81 мандат из 250 — получила Сербская радикальная партия Т. Николича. На другом полюсе с 64 местами в парламенте находилась Демократическая партия президента Б. Тадича, которая фактически пребывала в оппозиции, поскольку не входила в правительство. Посередине оказалась занявшая третье место бывшая правящая, центристская Демократическая партия Сербии премьера В. Коштуницы, завоевавшая совместно с партией «Новая Сербия» 47 мандатов. «Г-17+» получила 19 мандатов, социалисты — 16 мандатов, ультралибералы во главе с Либерально-демократической партией Чедо Йовановича — 15.

Главный вопрос после выборов касался возможных коалиций и фигуры нового председателя правительства. У лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницы оказалась позиция «арбитра положения». В результате при создании широкой демократической коалиции (ДП, «Г-17+», ДПС и «Новая Сербия») он сохранил за собой кресло премьера. Однако его позиции заметно ослабли, ведущие посты в правительстве и место

спикера в парламенте заняли представители окрепшей Демократической партии. Фактически в Сербии вновь, как и во времена ДОС, сложилось своего рода двоевластие, состоявшее из президента, лидера ДП Б. Тадича и премьер-министра, лидера ДПС В. Коштуницы.

Первые президентские выборы в самостоятельной Сербии состоялись в начале 2008 г. Первый тур, прошедший 20 января, не выявил победителя. Причем повторилась ситуация четырехлетней давности: с небольшим отрывом победил радикал Т. Николич, вторым был действующий президент, демократ Б. Тадич. Ситуация повторилась и во втором туре выборов, состоявшемся 3 февраля: пост президента сохранил за собой Тадич, набравший немногим больше 50% голосов избирателей. Правда, по сравнению с предыдущими выборами его преимущество несколько уменьшилось. Отличием этих выборов было и то, что на этот раз премьер-министр Сербии В. Коштуница публично не поддержал во втором туре Б. Тадича, а предложил гражданам страны самим сделать свой выбор. Но его Демократическая партия Сербии продолжила терять позиции. Сербский избиратель продолжал отдавать предпочтение политическим флангам, а не центру.

По завершении череды межэтнических югославских войн («войн за югославское наследство») Сербия оказалась в явном проигрыше. Единственным исключением стало создание Республики Сербской — сербской автономии, одного из двух гособразований в Боснии и Герцеговине. Были потеряны не только многие территории, заселенные так называемыми западными сербами — «пречанами», но и Черногория — исторически второе сербское государство, обеспечивавшее сербам выход к морю.

В 2008 г. по сербской государственности был нанесен еще один мощный удар. 17 февраля 2008 г. парламент Косово, заселенного уже более чем на 90% албанцами, в одностороннем порядке провозгласил независимость

края, которую признали уже около 100 стран, в том числе США и большинство государств Европейского союза. Правда, Россия, Китай, Испания и ряд других государств независимость Косово не признали. Кроме того, согласно конституции Сербии, Косово и Метохия по-прежнему входят в ее состав как автономный край. Важно, что сербский суверенитет над краем подтвержден резолюцией СБ ООН № 1244. Тем не менее центр сербской средневековой государственности оказался для Сербии фактически потерян. Бывшее югославское пространство продолжало дробиться. Причем оно распадалось уже не на республики, как было раньше. Впервые раздел затронул уже территорию одной из республик.

8 марта 2008 г. премьер-министр Сербии В. Коштуница подал в отставку, так как большинство членов правительства отказались в парламенте поддержать резолюцию, согласно которой Сербия может вступить в Европейский союз, только имея в своем составе Косово. Правительство, которое уже давно разрывали внутренние противоречия, пало. Причем премьер-министр пошел на внеочередные выборы, хотя мог в рамках действовавшей скупщины составить новое правительство парламентского большинства вместе с радикалами Т. Николича. И это решение оказалось для Коштуницы серьезной ошибкой.

На вторых (внеочередных) парламентских выборах в самостоятельной Сербии, которые состоялись 11 мая 2008 г., больше всех голосов получили коалиция «За европейскую Сербию» во главе с Демократической партией Б. Тадича — 38,75% голосов (102 мандата) и Сербская радикальная партия Т. Николича — 29,22% голосов (77 мандатов). На третьем месте оказалась Демократическая партия Сербии В. Коштуницы — 11,34% голосов (30 мандатов). Социалисты получили 7,57% голосов (20 мандатов), Либерально-демократическая партия — 5,30% (14 мандатов).

На этот раз Коштуница пошел на давно ожидаемый союз с радикалами, но для формирования правительства их голосов уже не хватало, как не хватало их и у коалиции «За европейскую Сербию». Не смог Коштуница сыграть и уже привычную роль «стрелки на весах». Эту роль неожиданно взяла на себя Социалистическая партия Сербии во главе с новым лидером Ивицей Дачичем. Причем сначала он вел переговоры с Николичем и Коштуницей, но затем неожиданно переметнулся к демократам, гонителям его бывшего патрона — С. Милошевича.

Достигнув договоренности с «радикалами» и «народниками» о формировании коалиционной власти, пишет П.Е. Кандель, «изоляционисты» из социалистического блока, которых «европеисты» еще вчера требовали запретить как «охвостье диктаторского режима», совершили поворот на 180 градусов. Лидер социалистов И. Дачич, рискуя расколоть свою партию и потерять электорат, все же отважился выбрать коалицию с «европеистами». Причем в процесс формирования правительства «активно включились послы Великобритании и США, проводя “консультации” со всеми заинтересованными участниками»³²⁸.

В результате в Народной скупщине возникло большинство, состоявшее из коалиции «За европейскую Сербию» (ДС и «Г-17+»), коалиции вокруг соцпартии (СПС, партия пенсионеров, партия «Единая Сербия»), коалиции нацменьшинств — «За европейский Санджак» и Союз воеводинских венгров. Сформировать правительство было поручено технократу, бывшему министру финансов, члену Демократической партии Мирко Цветковичу.

Вместе с формированием нового правительства с техническим премьером усилились позиции президента страны Б. Тадича. Сербия, оставаясь формально парламентской республикой, все больше стала приобретать

---

³²⁸ Кандель П. Сербия между Косово, ЕС и Россией // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1. С. 58.

черты президентской. Этому способствовали и некоторые изменения в законе о правительстве.

Выборы также показали, что все существовавшие фланги сербской политической сцены в известной мере устремились в сторону центра. Демократы Б. Тадича, по крайней мере на словах, заняли относительно патристическую позицию в отношении косовского вопроса, радикалы Т. Николича отчасти смягчили некогда воинственную антизападную риторику, социалисты И. Дачича пытались всё больше позиционировать себя как левую партию европейского толка.

Слабое выступление на выборах привело вскоре к расколу Сербской радикальной партии. В сентябре 2008 г. попытки реформировать СРП во главе с умеренным партийным крылом во главе с Т. Николичем оказались неуспешными. Вверх взяли сторонники находившегося в гаагской тюрьме В. Шешеля. Николичу пришлось покинуть посты заместителя председателя партии и председателя ее парламентской фракции. Со своими сторонниками, прежде всего с бывшим генеральным секретарем Радикальной партии А. Вучичем, он создал новую партию — Сербскую прогрессивную (напредняцкую) партию (СПП).

В октябре 2008 г. подводились итоги первых ста дней работы коалиционного правительства Мирко Цветковича. Одним из наиболее крупных успехов правительства стало подписание договора с итальянским концерном «Фиат» о совместном производстве автомобилей в сербском Крагуевце. С другой стороны, правительство столкнулось с акциями протеста после ареста и выдачи Гаагскому трибуналу бывшего политического лидера боснийских сербов, экс-президента Республики Сербской Радована Караджича. Другими проявлениями слабости правительства стала временная блокада оппозицией работы скупщины, решение о пересмотре бюджета на 2008 г. в связи начавшимся глобальным финансовым кризисом.

Важным событием октября 2008 г. в Сербии стало принятие краевой скупщиной автономного края Воеводина нового высшего законодательного акта — Статута края. Его сторонники использовали свое подавляющее большинство в краевой скупщине. За принятие выработанного представителями большинства проекта Статута проголосовали 89 депутатов, против — 21, воздержавшихся не было. Депутаты от оппозиционных сербских партий говорили, что при данной редакции Статута «речь идет о документе, который нарушает Конституцию Сербии... разжигает вражду между гражданами республики и проводит новый раздел сербов, теперь в их собственном государстве». Однако в процессе обсуждения документа мнение оппозиции проигнорировали — из предложенных «народниками» (ДПС — «Новая Сербия») 68 поправок не было принято ни одной, а из предложенных радикалами 33 поправок — одна единственная. Важно, что в отличие от событий в Косово, речь шла уже о сербском сепаратизме.

Пресловутый внешний фактор продолжал оказывать на сербскую внутреннюю политику огромное влияние. Международный трибунал в Гааге фактически «все больше превращается в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности». В конце мая 2011 г. в Сербии был арестован и вскоре выдан Гаагскому трибуналу скрывавшийся около 15 лет отставной генерал, бывший командующий армией боснийских сербов Ратко Младич. Таким образом, «иностранный фактор (США, ЕС, НАТО) создал мощное средство и инструмент коррекции, давления, контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику Сербии»³²⁹.

---

³²⁹ Йованович М. Сербия в начале XXI века, или О кризисе, его причинах и ответственности // Сербия о себе... С. 476.

После трансформационной революции 2000 г. к власти в Сербии пришла демократическая оппозиция. При этом почти сразу обозначилась борьба между двумя ведущими партиями этого направления — Демократической партией и Демократической партией Сербии. Их лидеры поочередно определяли сербскую политику — З. Джинджич (2000–2003 гг.), В. Коштуница (2004–2008 гг.), Б. Тадич (2008–2012 гг.). Однако к концу первого десятилетия XXI в. становилось ясно, что власть постепенно перехватывает выделившаяся из Радикальной партии Сербская прогрессивная (напредняцкая) партия.

Доминирование Сербской прогрессивной партии

На очередных, третьих в самостоятельной Сербии парламентских выборах 6 мая 2012 г. победила коалиция «Сдвинем Сербию» во главе с Сербской прогрессивной (напредняцкой) партией Т. Николича и А. Вучича. Она получила чуть более 24% голосов избирателей, или 73 парламентских мандата из 250. Немного отстала коалиция «Выбор за лучшую жизнь» во главе с Демократической партией Б. Тадича — более 22% голосов (68 мандатов). Третьей стала коалиция вокруг Сербской социалистической партии И. Дачича (СПС — Партия пенсионеров — «Единая Сербия»), получившая 14,5% голосов (45 мандатов). Демократическая партия Сербии В. Коштуницы получила 7% голосов (21 мандат). 5-процентный барьер преодолели также Либерально-демократическая партия Ч. Йовановича и партия «Объединенные регионы» М. Динкича.

Главным победителем выборов фактически стали социалисты, удвоившие свои результаты, а их лидер И. Дачич публично выразил желание занять пост премьер-министра. Он был успешным министром

внутренних дел и сумел консолидировать голоса людей старшего поколения, ностальгировавших по прежним временам. Главным проигравшим оказалась Сербская радикальная партия все еще находившегося в Гааге В. Шешеля. Будучи на предыдущих выборах второй, она на этот раз даже не прошла в парламент, набрав лишь 4,65% голосов избирателей.

Одновременно с парламентскими состоялись президентские выборы. Дело в том, что Тадич досрочно сложил с себя полномочия, чтобы стать для своей партии своего рода локомотивом на парламентских выборах. Как и ожидалось, во второй круг президентских выборов вышли действующий президент и Т. Николич. На этот раз у Б. Тадича оказалось даже некоторое преимущество. Однако 20 мая 2012 г. во втором туре с небольшим перевесом сенсационную победу одержал 60-летний Томислав Николич. Это была его четвертая попытка прийти к власти (до этого в 2003, 2004 и 2008 гг.).

Тадича подвела, с одной стороны, низкая явка и вождистские замашки: он полностью подмял под себя правительство и фактически шел на выборы уже в третий раз (второй — по новой Конституции), что не могло понравиться некоторым поддерживавшим его ранее демократическим избирателям. *Во-вторых*, несмотря на уступки по косовскому вопросу, Тадич все-таки в сентябре 2011 г. не решился принять ультиматум Германии о подписании полной правовой нормализации с Косово. За это Берлин и Запад в целом отказали ему в поддержке на президентских выборах, сделав ставку на «раскаявшихся националистов» из СПП. Более того, при формировании правительства западные посольства не препятствовали СПС пойти на коалицию с СПП, а не с ДП.

Правительство из представителей блоков «Сдвинем Сербию» и коалиции вокруг Социалистической партии, а также ряда других партий было сформировано 27 июля 2012 г. Как и ожидалось, его возглавил лидер социалистов

Ивица Дачич, сохранивший за собой пост министра внутренних дел. Первым вице-премьером и министром обороны стал второй лидер напредняков Александр Вучич. Он также занял место лидера партии вместо пожелавшего сделаться формально беспартийным Т. Николича. Министром иностранных дел был назначен беспартийный карьерный дипломат И. Мркич.

Выборы 2012 г. стали важным рубежом в политической истории Сербии начала XXI в. «В 2000–2012 гг. государством руководили правительства с широким или преобладающим участием демократов». С этого времени «представители демократических партий не занимают ключевых постов»³³⁰.

Сербские выборы 2012 г., *во-первых*, вновь подтвердили тенденцию формирования власти не только и не столько по принципиальным идейным соображениям, сколько ради захвата и удержания самой власти. В политической жизни личная неприязнь и соперничество ведущих деятелей и партий «играли не меньшую роль, чем идейно-политические расхождения»³³¹. *Во-вторых*, после выборов Сербия фактически оказалась без сильной оппозиции. Эта роль оказалась никому не по силам, в том числе и Демократической партии, в которой произошла смена лидера — Бориса Тадича на посту председателя партии заменил мэр Белграда Драган Джилас. Однако вскоре он покинул пост градоначальника.

В то же время сама правящая коалиция не была устойчивой, и это стало особенно заметно в связи с просочившимися в СМИ сведениями о встречах И. Дачича

---

³³⁰ Лобанов М.М. Россия — Сербия // Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы. М., 2015. С. 292.

³³¹ Кандель П.Е. Становление демократии в «постсоциалистических» странах // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 195.

в период предыдущего демократического правительства с представителем сербской наркомафии. Скандал заметно ослабил позиции сербского премьера, и, наоборот, на первые позиции в стране выдвинулся его заместитель А. Вучич, ставший одновременно и самым влиятельным, и самым популярным политиком.

В конце января 2014 г. президент Сербии Т. Николич подписал указ о роспуске скупщины и проведении внеочередных парламентских выборов. Такое решение было принято из-за острого конфликта между входившими в правительственную коалицию Сербской прогрессивной и социалистическими партиями.

Четвертые (внеочередные) парламентские выборы в самостоятельной Сербии (десятые после провозглашения многопартийности) прошли 16 марта 2014 г. Они состоялись на неблагоприятном экономическом фоне. Со времени финансово-экономического кризиса 2008 г. госдолг Сербии непрерывно рос, превысив 20 млрд. евро. Уровень безработицы составлял около 30%. Средняя зарплата в Белграде не превышала 400–500 евро, а в других городах страны — еще меньше. Дефицит бюджета в 2014 г. прогнозировался на уровне 7–8% ВВП, что являлось худшим показателем среди всех балканских государств, при планируемом росте ВВП не более 1%. Если в I квартале 2014 г. ВВП вырос в годовом исчислении на 2,7%, то во II квартале — всего на 0,2%. Это было связано с тем, что главным налогоплательщиком являлся крупный бизнес (на 10 компаний в стране приходилось 90% всех налоговых сборов), а он переживал не самые лучшие времена: каждая третья компания имела налоговую задолженность. Сербия не могла жить без дополнительных денежных вливаний. Страна нуждалась в помощи извне и/или дополнительной приватизации государственной собственности.

Обычно экономические трудности ведут к смене государственного руководства, однако в Сербии произошло

наоборот. И хотя победу Сербской прогрессивной партии предсказывали, она победила даже более убедительно, чем предполагалось. СПП не только упрочила свои позиции, она победила за явным преимуществом, получив около 50% голосов избирателей, или 156 депутатских кресел в 250-местном парламенте. Впервые в новейшей истории Сербии после введения многопартийности одна партия (или одна коалиция) получила право единолично сформировать правительство. Для квалифицированного большинства в парламенте не хватало лишь нескольких голосов, но этого можно было легко добиться привлечением попутчиков.

К победе партию привел харизматичный вице-премьер предыдущего правительства Александр Вучич, которому, согласно опросам, доверяли тогда от 60 до 70% населения Сербии. Второе место, сохранив свои позиции, занял блок «Социалистическая партия Сербии — Партия пенсионеров — «Единая Сербия» во главе с премьер-министром, социалистом Ивицей Дачичем, получивший около 15% голосов, или 45 депутатских мандатов.

Успеху Сербской прогрессивной партии способствовал фактический распад традиционной оппозиции. Новая демократическая партия в коалиции с пятью малыми партнерами (лидер — экс-президент Б. Тадич) получила 18 мандатов. Бывшая правящая Демократическая партия (во главе с экс-мэром Белграда Д. Джиласом) получила 17 мандатов, на 40 мандатов меньше, чем на выборах 2012 г. Полным провалом завершились выборы для Либерально-демократической партии и Демократической партии Сербии. Без представительства в парламенте осталась Сербская радикальная партия. Не смогло преодолеть парламентский барьер и пророссийское движение «Двери сербские».

Немногим больше месяца потребовалось для образования нового кабинета. Как и предполагалось, его

возглавил А. Вучич. Прогрессисты также заняли все основные министерские посты. Лидер социалистов И. Дачич стал в новом кабинете первым вице-премьером и министром иностранных дел. Таким образом, в руководстве правительстве произошла своего рода рокировка Вучича и Дачича.

Роль, которую стал играть в стране новый премьер-министр А. Вучич, оказалась намного существеннее роли действующего президента Т. Николича. Фактически положение Вучича было столь значительным, что напоминало ситуацию со Слободаном Милошевичем в 1990-е годы.

Сербские власти внутри страны развивали тему реформ, создания новых рабочих мест, а также подняли популярную тему борьбы с коррупцией. Борьба с сербскими олигархами («тайкунами») не ограничилась на этот раз кампаниями в массмедиа, некоторых из них все-таки посадили в тюрьму. Прогрессисты продолжили также начатый еще демократами курс на евроинтеграцию, на вступление в Евросоюз. Однако Вучич при явной ориентации на Запад все же не стал сворачивать сотрудничество с Россией. Вследствие этого он в целом сумел сохранить свой авторитет, даже идя на максимальные уступки по косовскому вопросу (кроме официального признания). Нужно сказать и о том, что у Т. Николича симпатия к России была выражена все же более откровенно и однозначно, чем у А. Вучича.

17 января 2016 г. А. Вучич призвал к проведению досрочных выборов, объяснив это тем, что стране необходимы четыре стабильных года для завершения переговоров о вхождении в ЕС. В результате в марте 2016 г. президент Сербии Т. Николич распустил скупщину и назначил дату проведения выборов на 24 апреля 2016 г.

На этих парламентских выборах с большим отрывом победила коалиция «Александар Вучич — «Сербия побеждает»», сформированная вокруг правящей

Сербской прогрессивной партии (СПП). Хотя сама СПП недобрала голосов по сравнению с прошлыми выборами, она еще больше упрочила свое положение. Вместе с коалиционными партнерами партия получила 139 мандатов и по-прежнему была способна в одиночку решать любой вопрос в 250-местном сербском парламенте. В коалицию с СПП вошла также вышедшая из ДПС Народная партия Ненада Поповича. На втором месте оказался блок Социалистической партии Сербии и Единой Сербии во главе с первым вице-премьером и министром иностранных дел И. Дачичем. На третьем — Сербская радикальная партия во главе с В. Шешелем, которая вместе с вернувшимся из Гааги лидером вернулась в парламент. Пятипроцентный барьер преодолели также оппозиционная коалиция «За справедливую Сербию» — Демократическая партия» Бояна Пайтича и движение бывшего министра финансов «Было достаточно» — Саша Радулович». Пятипроцентный барьер преодолели еще две коалиции — «Социал-демократическая партия — Либерально-демократическая партия» — Лига социал-демократов Воеводины Бориса Тадича, Чедомира Йовановича и Ненада Чанака и патриотический оппозиционный блок «Демократическая партия Сербии — движение «Двери сербские»» Сандры Рашкович-Ивич и Бошко Обрадовича. Пост премьер-министра правительства сохранил А. Вучич, а вице-преьера и министра иностранных дел — И. Дачич.

В апреле 2017 г. в Сербии состоялись очередные президентские выборы. Действующий президент Т. Николич был вынужден отказаться баллотироваться на второй пятилетний срок, поскольку прогрессисты выдвинули на пост президента лидера партии А. Вучича. Он победил уже в первом туре, набрав более 55% голосов избирателей. Вторым стал независимый кандидат Саша Янкович (16,35%). Выборы в очередной раз показали отсутствие реальной оппозиции у Сербской

прогрессивной партии. Вновь в стране сложилась полупарламентская система, когда единица — это всегда СПП с партнерами, а на всех остальных партий приходится всего лишь оставшаяся половинка.

На освобожденную Вучичем должность премьер-министра Сербии была назначена беспартийная Ана Брнабич. Одновременно после выборов А. Вучич еще больше усилил свои позиции, подтвердив, что является в Сербии главным действующим лицом. И не столь уж важно, какой пост он занимает — премьер-министра или президента. И не столь важно, что по конституции Сербия — парламентская республика. В Сербии политика по-прежнему во многом персонифицирована, и важно, кто именно занимает тот или иной пост. Такое уже было в прошлом, в частности при С. Милошевиче и даже Б. Тадиче. В недавнем прошлом Б. Тадич явно доминировал в сербской политике при «техническом премьер» М. Цветковиче. Таким же доминирующим президентом оказался А. Вучич при «техническом премьер» А. Брнабич.

Сходство политической системы при Милошевиче и Вучиче бросалось в глаза. В частности, сербский историк Ч. Антич пишет, что «в отличие от популярности Тадича и Коштуницы популярность Вучича не имеет сильного противовеса. Учитывая политическое прошлое Вучича и тот факт, что СПП не имеет парламентской оппозиции справа, его положение в очень большой степени напоминает ситуацию с Милошевичем в 1988 и 1989 гг.»³³².

Подобная ситуация позволила некоторым специалистам называть сложившуюся в Сербии политическую систему полупрезидентской или даже «лжеполупрезидентской», поскольку президент страны все-таки избирается всенародно, а не парламентом. Звучат даже

---

³³² Антић Ч. Српска историја. Београд, 1915. С. 354–355.

предложения изменить конституцию так, чтобы политическая система стала либо президентской («реально полупрезидентской»), либо чисто парламентской³³³. Впрочем, одними институциональными изменениями здесь не обойтись. Нужны изменения в политической культуре, на которые требуется гораздо больше времени.

После объявления результатов выборов в Белграде и других крупных городах прошли митинги протеста против возможных фальсификаций. Наиболее активно в них участвовала молодежь. В декабре 2018 г. в Белграде вновь прошли тысячные митинги протеста против правящей Сербской прогрессивной партии. При отсутствии сильной оппозиции в парламенте протестная активность неминуемо перемещается на улицу. Так уже было при С. Милошевиче, когда Сербию также периодически сотрясали митинги и шествия оппозиции.

Рейтинг одобрения действий А. Вучича с тех пор, когда он стал президентом, несомненно, снизился (особенно из-за соглашательской позиции по косовскому вопросу), но он все равно остается самым популярным политиком в стране, а его партия по-прежнему имеет подавляющее большинство в скупщине. При таком раскладе меньшинство в парламенте не имеет никакой реальной возможности влиять на принятие решений.

Это подтвердили состоявшиеся в июне 2020 г. парламентские выборы. Хотя перед выборами проходной ценз в парламент был снижен с 5 до 3% голосов избирателей, в скупщину прошли только три политических партии (со своими партнерами). Правящая Сербская прогрессивная партия А. Вучича завоевала 188 депутатских мандатов в 250-местном сербском парламенте, еще 32 мандата получили его союзники — коалиция вокруг

---

³³³ См.: *Јовановић Мил.* У потрази за снажном државом — или како излечити институционалну импотентност «Петооктобарске републике» // *Ка српском становишту.* Београд, 2014. С. 101–103.

социалистов И. Дачича. Третьей силой в скупщине, преодолевшей 3-процентный барьер, стал блок под руководством небольшой партии Сербский патриотический союз (СПАС) во главе с успешным мэром Нового Белграда А. Шапичем. Он получил 12 депутатских мест.

Остальные партии и коалиции не преодолели парламентский барьер, причем главные силы оппозиции, объединенные в «Союз за Сербию», призывала к бойкоту выборов. Это, безусловно, сыграло свою роль. Тем не менее, по официальным данным, явка на выборы все-таки превысила 50%. По квотам в парламент попали партии национальных меньшинств (венгров, бошняков, албанцев). В сумме они получили 19 мест и потенциально стали в скупщине третьей по количеству мандатов силой. Правящие круги вполне могут опереться и на этих депутатов, которые всегда будут выступать за ослабление «патриотической» позиции, которой придерживается большинство критиков власти.

Если раньше в парламенте оппозиция была представлена столь незначительно, что не могла реально ни на что влиять, то теперь ее нет вовсе. Роль парламентской оппозиции, скорее всего, придется брать на себя партии СПАС во главе с А. Шапичем. Одновременно отсутствие оппозиции в скупщине неизбежно увеличивает будущую активность противников режима вне стен парламента. Альтернатива здесь только одна: или, так сказать, классические институционализированные протесты, или стихия улицы. Третьего не дано.

И уже 7 июля 2020 г. в Белграде произошли столкновения демонстрантов с полицией у здания скупщины. Поводом стало заявление А. Вучича о возобновлении комендантского часа и других карантинных мер из-за ухудшения эпидемиологической ситуации в стране. Вместе с тем она, возможно, ухудшилась вследствие прошедших выборов, ради которых меры противоэпидемической защиты были почти полностью сняты.

Впрочем, демонстранты были возмущены не только этим, но и политикой властей на косовском направлении.

* * *

Политическую историю Сербии после смерти Тито можно условно разделить на десятилетия: 1980-е годы (еще в составе СФРЮ) — время югославской перестройки и окончательного сползания в кризис, 1990-е — военное десятилетие социалистов С. Милошевича, 2000-е — время демократов, с 2012 г. — доминирование прогрессистов А. Вучича.

Как видим, в основном эти годы отличались отсутствием демократизма. Демократический импульс, который получила страна после октябрьской революции и падения режима Милошевича, довольно быстро затух. После смены власти и коллапса партий «Пятого октября» произошла консолидация власти вокруг Сербской прогрессивной партии. По мнению политолога Н. Владисавлевича, в Сербии начался новый период авторитаризма³³⁴.

В любом случае значительного прогресса в развитии политической и экономической системы (в частности, парламентаризма) в 1990-е годы, при С. Милошевиче, и в настоящее время, через 20 лет после его свержения, не наблюдается. Власть персонифицирована, и верховный правитель фактически не подотчетен парламенту, который, в свою очередь, трудно назвать полноценным представительным органом. И если при однопартийной системе парламентаризм в принципе невозможен, то и при полупарламентаризма — он функционирует далеко не лучшим образом и не отражает весь политический

---

³³⁴ См.: *Владисављевић Н.* Успон и пад демократије после Петог октобра. Београд, 2019. С. 315.

спектр страны. Политические партии во многом остаются партиями лидерского типа. Трансформация в Сербии до конца не завершена.

После окончания десятилетия войн в период руководства страной демократической и прогрессивной партиями отношения Сербии с соседними странами и большинством стран Запада нормализовались. Сербия взяла однозначный курс на вступление в Европейский союз. Ради этой цели она усилила сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии, выдав ему С. Милошевича, Р. Караджича, Р. Младича и некоторых других высокопоставленных сербских военных. Однако затем вопрос присоединения Сербии к ЕС стал жестко обуславливаться нормализацией отношений Сербии с Косово и фактически признанием его как независимого государства.

Жесткий курс руководства на присоединение к Европейскому союзу загоняет Сербию в угол. Однако, несмотря на это, ориентация на вступление в ЕС остается неизменной. И в целом такой курс находит понимание у населения. В 2014 г. опросы общественного мнения показали, что большинство граждан Сербии (57%) были за вступление страны в Евросоюз (но также и за самые тесные связи с Россией). В то же время вступление Сербии в НАТО поддерживали всего 26% опрошенных жителей страны. Сближение с ЕС дало для сербского населения некоторые зримые результаты. Граждане Сербии, за исключением проживающих в пределах Косово и Метохии («Республики Косово»), с декабря 2009 г. имеют право безвизового въезда в страны Европейского союза. 1 марта 2012 г. Сербия получила официальный статус кандидата на вступление в ЕС. С 2014 г. торговля Сербии с государствами, входящими в Евросоюз, ведется на беспощинной основе.

Курсу на вступление в Евросоюз оказались подчинены все другие внешнеполитические задачи. Так,

не признавая независимость этого края де-юре, сербское руководство 19 апреля 2013 г. в Брюсселе подписало договор о нормализации отношений с Косово. Тем не менее ситуация в крае в последнее время обострилась из-за односторонних и провокационных действий его албанского руководства. Так, в ноябре 2018 г. власти Приштины повысили на 100% ввозные пошлины на товары из Сербии и Боснии, а в декабре косовский парламент принял решение о преобразовании сил безопасности края в регулярную армию.

Для разрешения косовского вопроса А. Вучич выдвинул идею разграничения Центральной Сербии с автономным краем, но что это значит, не расшифровывалось. По-видимому, речь шла о разделении Косово по этническому признаку. Однако эта идея фактически провалилась. Она встретила сопротивление как внутри Сербии, так и в международном сообществе, где ее не поддержала, в частности, Германия. Следует отметить также, что предложения «поделить» сербский автономный край Косово и Метохия между сербами и албанцами высказывались и ранее. Так, еще в середине 1990-х годов их выдвигал, например, Д. Чосич³³⁵.

Несмотря на однозначную ориентацию на вступление в Евросоюз, Вучич старается проводить сбалансированную политику, выстраивая по возможности взаимовыгодные отношения с максимально широким кругом партнеров, и прежде всего с Россией и Китаем. Подобный многовекторный курс Сербии не встречает одобрения на Западе, который призывает ее перестать сидеть на двух стульях, определиться, отказаться от сотрудничества с Россией, которое якобы препятствует сербской евроинтеграции.

---

³³⁵ О различных планах раздела Косово, в том числе и Д. Чосича, см., в частности: Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М., 2013. С. 179–180.

Тем не менее сотрудничество с Россией продолжается. Между государствами установлен безвизовый режим, действует соглашение о свободной торговле. Сербия беспошлинно поставляет в РФ до 70% своего экспортного ассортимента. Это, в частности, плоды, овощи и продукты их переработки, химические товары, стиральные машины, газовые и электрогазовые плиты. В том же режиме торговли с Сербией — более 60% товаров экспортного ассортимента Российской Федерации (разнообразное оборудование, лесоматериалы, текстильные полуфабрикаты, зерно). Несмотря на давление Запада, сербские власти отказались присоединиться к антироссийским санкциям.

24 мая 2013 г., в день, когда отмечалось 1150-летие славянской письменности, президенты В. Путин и Т. Николич подписали в Сочи Декларацию о стратегическом партнерстве России и Сербии. 25 октября 2019 г. на встрече премьеров двух стран Д. Медведева и А. Брнабич в подмосковном Сколково подписано соглашение о зоне свободной торговли между Сербией и ЕАЭС (евразийской «пятеркой»).

Партнерство двух стран охватывает все сферы взаимодействия, включая политику, торговлю, экономику, культуру, науку, технику и образование. В Сербии реализуются важные стратегические инфраструктурные проекты. В 2003–2012 гг. Россия вложила в сербскую экономику, по меньшей мере, 2,85 млрд. долларов. Первой в страну пришла компания «Лукойл», которая в 2003 г. купила крупное предприятие по сбыту нефтепродуктов «Беопетрол» и его сеть из 180 АЗС.

В 2008 г. в страну пришел «Газпром», который приобрел компанию НИС («Нефтяная индустрия Сербии»). Под контроль «Газпрома» перешли нефтеперерабатывающие заводы в городах Панчево и Нови-Сад (разрушенные во время бомбежек НАТО), розничная сеть из 500 АЗС и других объектов. В 2009 г. было объявлено о начале строительства сербского участка газопровода «Южный

поток», для чего «Газпром» (51%) и «Сербиягаз» (49%) создали совместную управляющую компанию «Южный поток Сербия» и реконструировали газохранилище «Банатский двор». Однако проект «Южный поток» был сорван Болгарией, которая отказалась от участия в нем под давлением Евросоюза (принявшего так называемый «Третий энергопакет»). Ему на смену пришел «Турецкий поток». После собственно Турции Сербия — самая активная страна, участвующая в его реализации.

Российские инвестиции в энергетику создают условия для развития сотрудничества на других направлениях. В Сербии открыли филиалы два крупнейших российских банка — Сбербанк и ВТБ.

В январе 2013 г. было подписано соглашение о предоставлении Сербии кредита в размере 800 млн. долларов. Эти деньги вошли в основу аванса в размере 941 млн. долл., который правительство Сербии выдало компании «РЖД Интернешнл» («дочка» РЖД) для реконструкции железнодорожной системы Сербии. Всего РЖД планирует модернизацию 350 км железных дорог, в том числе 200 км участка линии Белград — Бар (Черногория), а также поставку в Сербию локомотивов российского производства.

Успешно развивается военно-техническое взаимодействие, помощь России в укреплении обороноспособности Сербии. В 2018 г. Сербии переданы шесть истребителей МиГ-29, в 2019 г. — десять БРДМ-2 и три транспортных вертолета Ми-17В-5. Планируется поставка в Сербию четырех боевых вертолетов Ми-35М, 30 танков Т-72 и 20 боевых машин БРДМ-2, ЗРПК «Панцирь-С1». Для сербской армии это был существенный прирост современной техники. Проводятся также совместные учения вооруженных сил двух стран³³⁶.

---

³³⁶ См.: Интервью Посла России в Сербии А.А. Боцан-Харченко информационному агентству ТАСС. Белград. 31 октября 2019 г. //

Успешно действует Российско-сербский гуманитарный центр (РСГЦ) в Нише, который, однако, так и не получил официального статуса. При активном содействии России в Белграде возведен величественный храм Св. Саввы. В сербской столице действуют две русские школы.

В свою очередь, в России свои предприятия имеют сербские компании «Хемофарм» (лекарственные препараты) и «Синтелон» (синтетические покрытия). Увеличились поставки сельскохозяйственных товаров. Сербская сторона участвовала в возведении олимпийских объектов в Сочи. По оценке Хозяйственной палаты Сербии, стоимость потенциальных совместных проектов оценивается в 7 млрд. долларов.

ПОЛУТОРАПАРТИЙНАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ СИСТЕМА В СЕРБИИ

Полупарламентарная парламентская система, которая сложилась в Сербии в последнее время, не является, конечно, уникальным явлением. Причем для Сербии полупарламентарная система — это хороший пример цикличности ее истории, о которой нам уже доводилось писать³³⁷. Проявление подобной цикличности можно увидеть в самых разных аспектах общественно-экономического развития Сербии. В этом ряду и развитие сербской политической, и в частности парламентской системы на протяжении большей части XX и в начале XXI в.

Известно, что начало XX в. Королевство Сербия встретило без конституции и без парламента. Оппозиция была также разогнана. Правда, вскоре король Александр Обренович перешел к разработке новой конституции. Но парламент по новой конституции поработать так и не успел. В мае 1903 г. сербский князь вместе с супругой был убит офицерами-заговорщиками.

На следующее утро после переворота было сформировано временное правительство, которое сразу же созвало распущенную скупщину, а она, в свою очередь, с небольшими изменениями восстановила конституцию

---

³³⁷ См.: Никифоров К.В. Цикличность новой сербской истории // Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 12–26.

1888 г. Принятая конституция 1903 г. оказалась последней конституцией Сербии до образования югославского государства. Именно ей уже присягал новый князь из другой династии — 60-летний Петр Карагеоргиевич. И это время в историографии называют порой золотым веком сербской демократии, рассветом сербского парламентаризма³³⁸, хотя подобная дефиниция и небесспорна. О явной переоценке демократических институтов и политической культуры сербского золотого века много и убедительно писал, в частности, А.Л. Шемякин.

Главной политической силой в стране была Народная радикальная партия, тесно связанная с именем выдающегося сербского государственного деятеля Николы Пашича. В тот период она раскололась на два течения — «старорадикалов» и «младорадикалов». «Старорадикалы» имели в скупщине доминирующее положение, второе место в ней занимали «младорадикалы», которые в 1904 г. образовали собственную Самостоятельную радикальную партию. Эти два радикальных течения поочередно возглавляли правительства, в том числе и в коалиции друг с другом.

А.Л. Шемякин писал, что «отношения большинства и меньшинства в парламенте оставались прежними — большинство как угодно стремилось навязать свою волю, полагая ее единственно верной». И далее: «Политическим гегемоном в стране на протяжении всего предвоенного периода оставалась радикальная партия во главе с бессменным лидером Николой Пашичем. При этом и вождь, и партия мало изменились как в своем “мессианстве”... так и в восприятии демократии, парламентаризма, плюрализма, политической

---

³³⁸ Одним из первых об этом начал писать сербский историк, будущий профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Д. Джорджевич. См., например: *Ђорђевић Д. Историја модерне Србије 1800–1918*. Београд, 2017. С. 311–315.

культуры. Они по-прежнему рассматривали демократию как неограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм — как институционализацию такого права, с порога отвергая плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителем интересов всего народа»³³⁹.

По существу, в стране сложилась своего рода полупарламентарная политическая система: «старорадикалы» и «самостальцы» всегда имели голосов намного больше, чем все их соперники вместе взятые. В социально однородном и политически не структурированном сербском обществе избирательная процедура «не только не обеспечивала торжество плюрализма, но напротив — закрепляла политическую монополию одной-единственной партии»³⁴⁰.

Мы не будем далее останавливаться на этом временном отрезке сербской истории, который, повторим, досконально изучен А.Л. Шемякиным. Достаточно назвать проект из восьми книг под общим названием «Человек на Балканах», инициированный и реализованный им совместно с Р.П. Гришиной³⁴¹.

---

³³⁹ Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах: особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016. С. 220, 222.

³⁴⁰ Шемякин А.Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 41, 45.

³⁴¹ См.: Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.). СПб., 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации

С 1918 по 1991 г. существовала «первая», а затем и «вторая» Югославия. Сербия являлась частью Югославии. Отдельный самостоятельный сербский парламентаризм фактически отсутствовал, будучи растворен в югославском. Тем более что в коммунистический период при однопартийной системе и безальтернативных выборах говорить о каком-либо парламентаризме вообще не приходится.

Впрочем, можно найти некоторое сходство между социалистическим и предыдущим периодами. Так, ссылаясь на известного сербского историка Латинку Перович, И.С. Путятина указывает, что из двух наиболее влиятельных и существовавших дольше остальных партий — Народной радикальной и Коммунистической, первая была партией-гегемоном, а вторая обладала политической монополией. С помощью иерархической организации они претендовали на роль единственных защитников народных интересов, а с политическими противниками обращались как с врагами³⁴².

Собственно сербская история фактически возобновилась только после 1991 г., когда на развалинах социалистической Югославии сначала на пятнадцать лет возник союз двух исторически сербских государств — сербско-черногорская «третья» Югославия³⁴³. Именно

на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. М., 2012; Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности. М., 2016.

³⁴² См.: Путятина И.С. Зоран Джинджич в общественно-политической жизни Сербии (конец 70-х годов XX в. — начало 2000-х) // Политические лидеры в современной Восточной Европе. М., 2017. С. 100.

³⁴³ Исторически это было именно так. Не случайно, например, второй том трехтомника «История сербской государственности»,

тогда Србија вноуе вернулаа к мноуартитноа, а значит, и к парламентаризму.

Правда, к появлению мноуартитноа и новые партии, и население Србија оказались плохо подготовленными. Хотя в республике существовало представление о якобы хороаих предпосылках для обновления парламентаризма, основанное на традициях начала XX в. — том самом золотом веке сербской демократии³⁴⁴. Но в данном случае традиции играли, скорее, отрицательную роль.

На первых мноуартитных выборах лидеры Србија и Черногории сохранили свою власть. В апреле 1992 г. скупщины этих республик приняли Конституцию нового государства — Союзной Республики Югославии (СРЮ). В соответствии с этой Конституцией Югославия объявлялась плюралистическим государством, базирующимся на парламентарской демократии, законах, социальной справедливости, правах человека, свободной рыночной экономике, свободе деятельности и равноправности всех ее граждан.

Однако, как часто бывает, конституционные положения представляли собой, скорее, благие пожелания. В реальной жизни возник режим личной власти председателя Социалистической партии Србија С. Милошевича. Правда, личная власть президента Србија сочеталась все же с элементами парламентаризма.

написанный Р. Люшичем, называется «Србија и Черногория — сербские государства в новое время». См.: *Люшић Р. Историја српске државности*. Нови Сад, 2001. Књ. 2. Србија и Црна Гора — нововековне српске државе. В то же время нельзя не отметить, что руководство Черногории с конца XX в. проводит курс на полное обособление от Србија, причем на создание не только отдельного государства, но и черногорской нации, черногорской церкви и даже черногорского языка.

³⁴⁴ См.: *Николић К. Једна изгубљена историја — Србија у 20 веку*. Београд, 2016. С. 233–234.

По сравнению с коммунистическим временем это был несомненный шаг вперед — по крайней мере, официально была признана и узаконена многопартийность. Но до настоящей демократии было еще далеко.

В целом в политической жизни Сербии в 1990-е годы были в основном представлены три политических течения с различными переходными формами: социалистическое, демократическое и националистическое. В то же время большинство мест в союзной скупщине в течение этого времени неизменно занимали представители Социалистической партии Сербии. В борьбе за власть она периодически блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра, — чаще всего с Радикальной партией В. Шешеля и небольшими партиями, включая «Югославских левых» (ЮЛ), которых возглавляла жена Милошевича Мира Маркович. Такая система фактически тоже была полуторпартийной — по аналогии с ситуацией, сложившейся в Сербии в начале XX в.

Поскольку полуторпартийный парламент не мог отражать всю политическую палитру общества, не менее важные события Сербии в 1990-е годы происходили на улице. Поэтому история Сербии в указанное десятилетие — это в известном смысле «хроника уличных демонстраций»³⁴⁵.

В 2000 г. С. Милошевич проиграл президентские выборы. Он пытался оспорить свое поражение, но был лишен власти вышедшим из повиновения населением. Президентом Югославии стал В. Коштуница. Места поменялись. К власти пришла «Демократическая оппозиция Сербии» (ДОС) — блок небольших партий преимущественно демократической направленности,

---

³⁴⁵ См.: *Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih*. Beograd, 2002. S. 295, 423. См. также: *Кремpton P.Д. Балкан после другог светског рата*. Београд, 2003. С. 378–384; *Павловић Ст.К. Србија: историја иза имена*. Београд, 2004. С. 250–251, 257–258, 265–269.

а в новой оппозиции оказались социалисты и радикальные националисты. Однако нельзя сказать, что парламентаризм в Сербии и после этого приобрел совершенно иной вид.

Вновь речь пошла о закреплении монополии той или иной политической силы или партии, находившейся у власти. В данном случае правящей партией становилась Демократическая партия во главе с премьер-министром З. Джинджичем. Подобная тенденция никуда не исчезла и тогда, когда демократы уступили власть Сербской прогрессивной (напредняцкой) партии (СПП). Более того, тенденция к полупарламентарности стала еще более отчетливой.

Прогрессисты, возглавив коалицию «Сдвинем Сербию», стали победителями на выборах в скупщину в 2012 г. Вместе с социалистами они получили большинство в парламенте, а их лидер Т. Николич победил на выборах президента страны. Внеочередные выборы в марте 2014 г. вообще стали своего рода рубежом в политической жизни Сербии. Они завершились убедительной победой СПП, которая получила около 50% голосов избирателей и 156 депутатских кресел в 250-местном парламенте. Впервые после введения многопартийности одна партия получила исключительное право сформировать правительство. Как и предполагалось, кабинет возглавил новый лидер прогрессистов — А. Вучич, а лидер социалистов И. Дачич стал первым вице-премьером и министром иностранных дел. С этого времени уже совершенно очевидно начинается период сербской истории, тесно связанный с именем Александра Вучича.

В апреле 2017 г. в Сербии состоялись очередные президентские выборы, на которых уже в первом туре победил А. Вучич, набравший более 55% голосов избирателей. Одновременно выборы показали, что реальной оппозиции у Сербской прогрессивной партии нет. После выборов А. Вучич еще больше усилил свои позиции,

подтвердив, что является в Сербии главным действующим лицом. И не столь уж важно, какой пост он занимает — премьер-министра или президента. И не столь важно, что по конституции Сербия — парламентская республика.

Подобная ситуация позволила некоторым специалистам назвать сложившуюся сербскую политическую систему полупрезидентской или даже «лжеполупрезидентской», поскольку президент страны все-таки избирается всенародно, а не парламентом. Звучат даже предложения изменить конституцию так, чтобы политическая система стала либо президентской («реально полупрезидентской»), либо чисто парламентской³⁴⁶. Впрочем, одними институциональными изменениями здесь не обойтись. Нужны изменения в политической культуре, на которые требуется гораздо больше времени.

История Сербии вновь закольцовывается. Парламентская система никак не может выйти из заколдованного круга полупарламентской системы. В начале XX в. подобную политическую систему создали радикалы Н. Пашича, в конце XX в. — социалисты С. Милошевича, а в начале нынешнего, XXI века — прогрессисты (напредняки) А. Вучича.

Как известно, политические системы бывают однопартийными и многопартийными. В любом случае многопартийность предпочтительнее. Но, когда партий чрезмерно много, достоинства многопартийности могут превратиться в ее недостаток. Устойчивую демократию чаще всего характеризуют два политических направления или две крупные партии, представляющие правый и левый центр. Более мелких партий может быть больше, чтобы на политической арене был представлен

---

³⁴⁶ См.: *Јовановић Мил. У потрази за снажном државом — или како излечити институционалну импотентност «Петооктобарске републике» // Ка српском становишту. Београд, 2014. С. 101–103.*

весь спектр общественных предпочтений, а право голоса имели все слои общества, например выступающие за защиту окружающей среды. Здесь уместна аналогия с крупными и небольшими компаниями в рамках национальной экономики. Корпорации никогда не смогут удовлетворить все экономические потребности страны, между ними всегда останутся зазоры, которые и должны быть заполнены мелким и средним бизнесом. Также должен существовать механизм, позволяющий учитывать интересы разнообразных меньшинств, отношение к которым — один из отличительных признаков демократичности того или иного общества.

Особо нужно выделить многопартийность с абсолютным доминированием одной партии. Тогда такая система превращается в полупарламентарную, что противоречит самой сути многопартийности с ее плюрализмом и политической конкуренцией.

Подобная ситуация, как мы уже отмечали, встречается, конечно, не только в Сербии. В политологии есть даже определение — «электоральный авторитаризм». Его разновидностью является «конкурентный авторитаризм», когда есть многопартийность, выборы и даже оппозиция, представленная в парламенте. Но равного доступа к политическому полю нет. Дальнейшее развитие в эту сторону — система партийной гегемонии, где выборы окончательно превращаются в фарс. «Такие выборы сравнимы с забегом, — отмечает политолог М. Пожарский, — где у всех бегунов, кроме единственного, подрезаны сухожилия на ногах. Соревнование есть? Есть. Победитель есть? Есть. Но есть и нюанс»³⁴⁷.

«Настоящую демократию, — продолжает он, — отличает не то, сколько людей поддерживает

---

³⁴⁷ Пожарский М. Электоральная автократия и популизм // Блог Михаила Пожарского. URL: <http://www.facebook.com/michael.pojarsky/posts/217646167907810>

верховного правителя. А то, насколько представлены те, кто его НЕ поддерживает. Мерилом является независимость политических институтов — парламента, судов и т.д., которые могут быть в оппозиции. В авторитарных странах их уничтожают первым делом. Причем ссылаясь на то, что вся эта мишура мешает президенту (или партии) напрямую исполнять волю народа»³⁴⁸.

Еще раз подчеркнем, что значительного прогресса в развитии парламентаризма на историческом отрезке от Сербии до Сербии, в XX — начале XXI в. не произошло. Даже в свои лучшие годы такой важнейший политический институт государства функционировал преимущественно как обрамление для своего рода полупарламентской политической системы или системы конкурентного авторитаризма. Власть персонифицирована, и верховный правитель фактически не подотчетен парламенту. И если при однопартийной системе, во времена социалистической Югославии, парламентаризм был в принципе невозможен, то и при полупарламентской — он функционирует далеко не лучшим образом. Выборы есть, а реальная демократия отсутствует. Причем парламентаризм до сих пор зачастую понимается преимущественно как неограниченная власть большинства. Права политического или какого-либо иного меньшинства, как правило, не учитываются. А именно уважение к правам меньшинств и является истинным мерилем демократии.

---

³⁴⁸ Там же.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПОСТЪЮГОСЛАВСКИХ ГОСУДАРСТВ

Более 30 лет, прошедших после первых трансформационных, названных «бархатными», революций 1989 г., — достаточный срок. Он позволяет сделать выводы о том, что стало с бывшими социалистическими странами после их трансформации — перехода к новому состоянию, к демократическому политическому устройству и рыночной экономике. По сути, это означало очередные в истории этих стран попытки (иногда успешные, иногда не очень) модернизации или европеизации. Лозунг возвращения в Европу в качестве основной цели признавался практически всеми политическими силами. Причем если предыдущая социалистическая модернизация была альтернативной западной (в Югославии даже альтернативная альтернативной), то в 1990-е и последующие годы страны региона вновь вернулись к модернизации имитационной.

Стартовые позиции у различных государств были разные, центральноевропейские страны опережали в своем развитии Балканские. Часто считают, что если в Центральной Европе период трансформации уже закончился, то для Балкан он еще продолжается. Впрочем, бытует мнение, что трансформационные процессы не доведены до конца — и не только на Балканах, но и в Центральной Европе. И.И. Орлик в 2015 г., ссылаясь

на мнение других исследователей, писал, что трансформация общественного строя для стран региона «в определенной для каждой из них мере еще продолжается, переходный период далеко не завершен». И далее: «По мнению квалифицированных экономистов и политологов, переходный постсоциалистический период может занять еще более 20 лет»³⁴⁹.

За прошедшие годы появились новые научные работы, анализирующие изменения, происходившие в регионе в последние три десятилетия. Много лет этой темой занимается Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН³⁵⁰. Не раз обращались к подобной теме ученые из Института экономики РАН (бывшие сотрудники ИЭМСС и ИМЭПИ). Из их последних работ мы бы выделили труд, подводящий некоторые итоги трансформации стран региона³⁵¹.

Несомненным достоинством этого труда является то, что его авторы занимаются насущными проблемами развития общества, макроэкономическими сюжетами, а не обращаются к модной ныне микроисторической проблематике, по-своему важной, но все-таки второстепенной. Этому служит и структура труда. Как и предыдущие работы этого коллектива,

---

³⁴⁹ Орлик И.И. Центрально-Восточная Европа: интеграция и дифференциация // Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы / отв. ред. И.И. Орлик. М., 2015. С. 16.

³⁵⁰ См., например: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития / отв. ред. К.В.Никифоров. М.; СПб, 2015; Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. М., 2020.

³⁵¹ См.: Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П. Глинкиной: В 3 т. СПб., 2017. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / отв. ред. Н.В. Куликова.

книга разделена на две части — теоретическую, освещающую проблемы всего региона, и страноведческую. Вводной основой всей работы является предисловие С.П. Глинкиной «О разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации». Оно имеет самостоятельную ценность, являясь методологической основой всего труда, и заслуживает нескольких дополнительных слов.

Один из интереснейших вопросов, поставленных в этом предисловии, — «анализ внутреннего разнообразия капитализма, который до 1989 г. практически отсутствовал». Автор приводит слова С. Хантингтона о том, что «Запад — странное хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли... Запад уникален, а вовсе не универсален»³⁵².

Собственно говоря, это и есть один из самых важных выводов представленного труда. И подтверждение тому можно найти не только в современном трансформационном процессе постсоциалистических стран, но даже в Древней истории. В частности, классическое античное рабство существовало фактически только в Древней Греции и Древнем Риме. В процентном отношении оно занимало ничтожную часть тогдашней ойкумены. В других центрах древних цивилизаций рабство и в целом рабовладельческие отношения проявлялись в совершенно других формах или же не получили столь значительного развития.

Мы далеки от теории «третьего пути» — какого-то совершенно особого пути развития России и других бывших европейских социалистических стран. Развитие все-таки происходит в определенных заданных

³⁵² Постсоциалистический мир... С. 14.

рамках. Но эти рамки достаточно широкие, внутри них возможно любое разнообразие, не обязательно тождественное образцам стран, наиболее развитых в данную историческую эпоху.

Нам хотелось бы посмотреть на подобное разнообразие при решении трансформационных задач государствами на постъюгославском пространстве. Мы уже рассматривали в предыдущих очерках политическое развитие Сербии. Теперь же можно сравнить это развитие с процессами, происходившими в других бывших югославских республиках.

Как мы уже неоднократно отмечали, классических трансформационных «бархатных революций» 1989 г., положивших конец европейскому социализму, в югославских республиках не было. Эту роль сыграли первые многопартийные выборы. Именно они решали ключевой вопрос любой революции — вопрос о власти.

Выборы проходили в атмосфере роста национализма во всех республиках с весны до конца 1990 г. В результате в четырех из шести югославских республик победила оппозиция, с правлением коммунистов было покончено. В Сербии и Черногории коммунисты сохранили свою власть. Но и они были вынуждены приступить к преобразованиям. В этом не было ничего особенного. Во многих советских республиках никаких революций изначально тоже не было, но преобразования начались, где более, где менее решительно.

После многопартийных выборов югославские республики типологически разделились попарно на три группы. В Словении и Хорватии победили демократические, национально ориентированные силы; в Боснии и Македонии к власти вместо коммунистов пришли разношерстные хрупкие коалиции, а в Сербии и Черногории, как уже отмечалось, многопартийные выборы прошли под контролем старых властей, сумевших сохранить свое доминирующее положение в обществе и государстве.

В условиях сохранения у власти старой номенклатуры, а затем и в обстановке антисербских санкций процесс трансформации в Сербии и Черногории шел крайне медленно, непоследовательно и с большими извращениями. Но все-таки он начался. В Сербии, в отличие от прошлых лет, существовала, хотя и деформированная, многопартийная парламентская система и полусвободная пресса. Можно сказать, что в Сербии существовал режим личной власти с элементами парламентаризма. Сходные процессы происходили и в Черногории. Впрочем, до 1997 г. политика в двух республиках мало чем отличалась, затем черногорские власти, которые возглавил М. Джуканович, начали постепенно дистанцироваться от политики С. Милошевича. Но все же до 2003 г. Сербия и Черногория составляли одно государство — Союзную Республику Югославию (СРЮ), а затем еще три года, до 2006 г., — Государственное сообщество Сербии и Черногории (СиЧ).

Отмеченное разделение постъюгославских государств после первых многопартийных выборов на три пары оказалось удивительно устойчивым. В целом оно сохранилось и в нулевые, и в 10-е годы XXI в., и в наши дни.

Отметим, что для 1990-х и самого начала 2000-х годов П.Е. Кандель дает несколько иную квалификацию стран Юго-Восточной Европы: «Среди них стоит особо выделить Словению — на фоне соседей едва ли не образцовую парламентскую демократию. В Болгарии и Румынии установилась относительно стабильная и функционирующая, пусть и не без изъянов, демократическая политическая система... Сербия и Хорватия, напротив, оказались не способны противостоять искусству националистических идей и режима “сильной руки”. Они стали прямыми или косвенными участницами межнациональных войн на территории бывшей Югославии, а свою демократическую историю им пришлось начинать как бы заново с падением

в 2000 г. авторитарных режимов С. Милошевича и Ф. Туджмана. Наконец, Албания (1997 г.) и Македония (в 2001 г.) пережили острейшие внутренние вооруженные конфликты... поставившие под угрозу само существование их государственности. Но и им, хотя и с внешней помощью, все же удалось восстановить внутренний мир и удержать вектор демократического развития»³⁵⁵.

Нам же представляется, что «внешняя помощь» чаще не смягчала, а провоцировала конфликты. Когда же вооруженные столкновения в основном закончились, пути развития Сербии и Хорватии разошлись, и их следует относить к разным типам государств. Ситуация вновь вернулась к прежнему состоянию: по крайней мере, для двух первых десятилетий XXI в. страны постъюгославского пространства по-прежнему распадаются на три прежние пары.

* * *

Словения и Хорватия

Уже первые парламентские выборы в независимой Словении в декабре 1992 г. показали, что в стране ни одна из многочисленных политических партий не сможет получить абсолютное большинство мест в парламенте — Государственном собрании. Словения оказалась обреченной на коалиционные лево- или правоцентристские правительства.

Первое правительство, сформированное по результатам выборов 1992 г., было левоцентристским. Его возглавил Янез Дрновшек, лидер Либерально-демократической партии (ЛДП). С небольшим перерывом в 2000 г., когда к власти пришла правоцентристская коалиция,

---

³⁵⁵ Кандель П.Е. Становление демократии в «постсоциалистических» странах Юго-Восточной Европы // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 153.

он и президент страны Милан Кучан сохраняли за левоцентристами главные государственные посты на протяжении всего первого десятилетия независимости Словении. В 2002 г. Я. Дрновшек сменил М. Кучана на посту главы государства. На парламентских выборах 2004 г. политический маятник качнулся вправо, относительное большинство голосов избирателей завоевала правоцентристская Словенская демократическая партия (СДП). Коалиционное правоцентристское правительство сформировал лидер СДП — бывший диссидент Янез Янша.

В 2004 г. Словения первой из государств бывшей Югославии стала членом НАТО и Европейского союза. Первой с 2007 г. перешла на общеевропейскую валюту — евро и вошла в Шенгенскую зону европейских государств без пограничного контроля между собой.

В последующие годы принципиальных перемен в политической жизни страны не произошло. В ноябре 2007 г. политическую сцену оставил один из самых крупных словенских политиков — Янез Дрновшек. Его сменил кандидат левого центра Данило Тюрк. Состоявшиеся на следующий год парламентские выборы также принесли успех левоцентристам. Но сформированное лидером социальных демократов Борутом Пахором коалиционное правительство ждало нелегкие времена, ему пришлось бороться с обрушившимся на Словению мировым финансово-экономическим кризисом 2008 г.

На внеочередных парламентских выборах в 2011 г. победу одержала другая левоцентристская партия — «Список Зорана Янковича — “Позитивная Словения”», но воспользоваться своим успехом она не смогла. Ее лидер был обвинен в коррупции. В этих условиях формирование кабинета министров перешло к занявшей на выборах второе место правоцентристской СДП Я. Янши. Однако это не значило, что левые полностью утратили симпатии общества. На прошедших в 2012 г.

президентских выборах основная борьба развернулась между двумя кандидатами левого лагеря — действующим президентом Д. Тюрком и экс-премьером, представителем «новых левых» Б. Пахором. Последний и победил во втором туре.

Затянувшийся экономический кризис привел к росту политической нестабильности в Словении. В начале 2013 г. после вынесения парламентом вотума недоверия ушло в отставку правоцентристское правительство, а его глава Я. Янша был осужден по обвинению в коррупции. Бразды Управления страной снова перешли к левоцентристам, но они также не справились с кризисом. На досрочных парламентских выборах в 2014 г. неожиданно для всех победила созданная за месяц до выборов центристская партия Миро Церара, который и возглавил правительство. Через несколько месяцев он переименовал свою партию в Партию современного центра.

В октябре 2017 г. в Словении состоялись очередные президентские выборы. В них участвовали девять кандидатов, включая президента страны Б. Пахора. Он и прошел во второй тур вместе с мэром небольшого городка Камник, бывшим комедийным актером и журналистом Марьяном Шарцем. Во втором туре победу одержал Б. Пахор, сохранивший пост президента.

Внеочередные парламентские выборы прошли в Словении в июне 2018 г. Они состоялись раньше намеченного срока, поскольку премьер-министр М. Церар подал в отставку. Это были уже третьи досрочные выборы в истории Словении. На них победила оппозиционная Словенская демократическая партия Я. Янши, экс-преьера страны (в 2004–2008 и 2012–2013 гг.). На втором месте оказался «Список Марьяна Шарца», на третьем — социал-демократы (входившие в правящую коалицию), на четвертом — партия также бывшего премьера М. Церара. После коалиционных переговоров в августе 2018 г. премьер-министром Словении был

избран М. Шарец, вице-премьером и министром иностранных дел стал М. Церар.

Как видим, в результате постсоциалистической трансформации в Словении фактически сложилась такая система, когда партии, олицетворяющие левый или правый центр, попеременно сменяют у власти друг друга. Известно, что двухпартийная (двухполюсная) система характерна для относительно устойчивых демократий, что справедливо и для Словении. И если правое политическое крыло в этой стране было представлено в основном Словенской демократической партией, то на левом фланге смена основных политических сил происходила чаще. В то же время левые партии больше времени находились у власти, и избиратели успевали от них устать³⁵⁴.

На фоне соседей Словения построила едва ли не образцовую парламентскую демократию. Интересно, в частности, и такой факт: «Если во всех странах региона постсоциалистическое десятилетие было отмечено религиозным ренессансом, то среди словенцев, напротив, выросло число атеистов и лиц, религиозно не определившихся»³⁵⁵.

* * *

В Хорватии в условиях войны и послевоенной неурядицы сложился авторитарный режим президента

³⁵⁴ Подробнее о возникновении современной Словении см.: *Пилько Н.С.* Образование независимой республики Словения (1980–2006) // *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011. С. 407–441. См. также: *Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije. 1848–1992. 2. Doba druge Zugsoslavije 1945–1992* // *ured. Z. Čepič, A. Gabrič.* Ljubljana, 2005; *The Land Between. A History of Slovenia* / ed. by O. Luthar. Frankfurt am Main, 2008.

³⁵⁵ *Кандель П.Е.* Становление демократии в «постсоциалистических» странах Юго-Восточной Европы. С. 153, 175.

Ф. Туджмана с фактически однопартийным правлением основанной им партии — «Хорватского демократического содружества» (ХДС). Классический пример «пост-социалистического неототалитаризма». Однако после смерти Туджмана в декабре 1999 г. ХДС постепенно отошло от прежних радикальных позиций, и в Хорватии, как и в Словении, стала складываться нормальная двухпартийная система.

Уже на парламентских выборах 2000 г. оппозиционная коалиция одержала победу и сформировала коалиционное правительство во главе с лидером социал-демократов Ивицей Рачаном. Состоявшиеся тогда же президентские выборы выиграл Стипе Месич, в свое время последний президент СФРЮ³⁵⁶, до 1994 г. один из лидеров «Хорватского демократического содружества». Однако на момент выборов он порвал с ХДС и возглавлял небольшую Хорватскую народную партию.

Парламентские выборы 2003 г., принесшие победу ХДС, показали, что в стране складывается практика чередования левых и правых правительств. Альтернативой социал-демократам стало ХДС, которое, побывав в оппозиции, сильно изменилось. В частности, оно порвало с радикальным национализмом. Новым лидером ХДС стал Иво Санадер, возглавлявший правительство вплоть до 1 июля 2009 г., когда он неожиданно подал в отставку. Место главы правительства и руководителя партии заняла вице-премьер и заместитель Санадера в ХДС Ядранка Косор. В истории Хорватии это была первая женщина на столь высоких государственным и партийном постах.

---

³⁵⁶ Об этом периоде см.: Месич С. Как развалилась Югославия. М., 2013. На последнем заседании Президиума СФРЮ С. Месич заявил: «Спасибо за оказанное мне доверие бороться за интересы Хорватии на том участке, который был мне поручен. Думаю, я выполнил задание — Югославии больше нет» (Эхо планеты. 2000. № 6).

Два поражения подряд социал-демократов на парламентских выборах и смерть их многолетнего лидера И. Рачана привели к реорганизации этой партии и приходу к руководству в ней новых людей во главе с юристом и дипломатом Зораном Милановичем. Уже вскоре их усилия принесли успех. Этому способствовал и начавшийся в 2008 г. финансово-экономический кризис. В 2010 г. кандидат социал-демократов композитор Иво Йосипович был избран президентом Хорватии.

Коррупционные скандалы и затянувшийся финансово-экономический кризис спровоцировали досрочные парламентские выборы в 2011 г. На них победила левоцентристская коалиция «Кукареку» во главе с З. Милановичем. На долю левоцентристов пришлось завершение процесса интеграции Хорватии в НАТО (2009 г.) и ЕС (2013 г.). Однако эти знаковые события, к которым хорватский политический класс последовательно шел с момента обретения независимости, не помогли правительству Милановича сохранить свое влияние на избирателей.

На президентских выборах в 2015 г. И. Йосипович проиграл Колинде Грабар-Китарович из ХДС. Впервые президентом Хорватии стала женщина. Теперь глава государства и глава правительства представляли главные соперничающие партии страны — ХДС и социал-демократов. Но полностью развить свой успех на парламентских выборах 2015 г. ХДС не удалось. Хотя возглавленная им «Патриотическая коалиция» правых партий и получила относительное большинство голосов, опередив социал-демократическую коалицию «Хорватия растет», но единоличного права возглавить очередное правительство оно не получило. Дело в том, что по итогам выборов на политическую сцену буквально ворвалась третья сила — созданная в конце 2012 г. либерально-реформистская партия МОСТ, в которую вошли в основном молодые люди, ранее не замеченные в политике, но проявившие себя в других сферах.

После продолжительных межпартийных переговоров премьер-министром был утвержден 49-летний беспартийный бизнесмен Тихомир Орешкович, кандидатура которого была предложена возникшей коалицией — МОСТ и ХДС. Однако отработать полностью свой срок правительство не смогло.

Внеочередные парламентские выборы в Хорватии состоялись всего через 10 месяцев, в сентябре 2016 г. Они стали возможны, поскольку правительство Т. Орешковича получило вотум недоверия в парламенте. В результате повторилась ситуация предыдущих выборов. Победу одержало правоцентристское «Хорватское демократическое содружество», получившее 61 место в 151-местном парламенте. На этот раз правительство смог сформировать председатель ХДС Андрей Пленкович. Занявшие второе место социал-демократы получили 54 места. Их лидер, один из бывших премьеров З. Миланович, признал поражение, заявив, что день выборов «не был счастливым для Хорватии». Еще 12 мест в парламенте получило движение МОСТ, сохранившее в целом свои позиции.

Таким образом, ХДС вновь оказалось наверху хорватского политического олимпа. Этой партии удалось, наконец, получить два главных поста в стране — президентский и премьерский. Но такая ситуация не продлилась долго.

На рубеже 2019 и 2020 гг. в Хорватии прошло два тура президентских выборов. На них с небольшим отрывом победил кандидат оппозиционной левоцентристской Социал-демократической партии Зоран Миланович. На втором месте оказалась действующий президент страны К. Грабар-Китарович.

Наконец, еще одни выборы в однопалатный 151-местный парламент (140 мест выборных) состоялись 5 июля 2020 г. Правящее ХДС во главе с премьером А. Пленковичем сохранило свои позиции в саборе,

завоевав 66 мандатов. Второе место заняла коалиция «Перестройка» во главе с социал-демократами, близкими президенту З. Милановичу. Они получили 41 мандат, на 13 меньше, чем в прошлый раз. Третье место — у еще более правого, чем ХДС, «Отечественного движения» певца и бизнесмена М. Шкоро — 16 мест в парламенте. С другой стороны, неожиданно в сабор прошла платформа «Можем!», представители которой были левее социал-демократов. В парламент вновь попало независимое движение МОСТ, потерявшее часть прежней поддержки. В целом ситуация в стране сильно не изменилась.

В итоге после периода авторитаризма, характерного для 1990-х годов, в Хорватии установился режим с двумя ярко выраженными полюсами — правоцентристским и левоцентристским³⁵⁷. В этом отношении она разбивается по пути, напоминающему словенский.

В 2009 г. Хорватия стала членом НАТО, а в 2013 г. — Европейского союза. Она стала вторым постъюгославским государством, принятым в эти организации после Словении.

* * *

Босния и Герцеговина и Северная Македония

На первых многопартийных выборах в республиканский парламент (скупщину) Боснии и Герцеговины (БиГ) в ноябре 1990 г. победила неформальная коалиция оппозиционных партий, представлявшая интересы национальных общин — мусульман (Партия демократического действия, ПДД), сербов (Сербская демократическая партия, СДП) и хорватов (Хорватское

³⁵⁷ Подробнее о современной Хорватии см.: Пивоваренко А.А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М.; СПб., 2018. См. также: *Marijan D. Hrvatska 1989.-1992. Rađanje države. Zagreb, 2017; Barić N. Srpska pobuna u Hrvatskoj 1990.-1995. Zagreb, 2005.*

демократическое содружество БиГ, ХДС БиГ). В сумме эти партии получили 84% мест в парламенте. Их лидеры возглавили высшие органы власти республики: хорват Юре Пеливан — правительство, серб Момчило Краишник — парламент, мусульманин Алия Изетбегович — президиум БиГ.

Однако уже в начале 1991 г. коалиция трех национальных партий распалась, в том числе из-за начавшейся войны в соседней Хорватии. Затем война перекинулась и на БиГ. Центральным правительством международное сообщество признало руководство мусульманской (бошняцкой) общины в Сараево во главе с А. Изетбеговичем. Сербы создали свое самопровозглашенное государственное образование — Республику Сербскую во главе с Р. Караджичем. Хорватское население республики (концентрировавшееся главным образом в Западной Герцеговине) также провозгласило своего государственное образование — Хорватскую республику Герцег-Босна (ХРГБ) во главе с Крешимиром Зубаком.

Война в Боснии и Герцеговине длилась четыре года (1992–1995 гг.) и была прекращена прямым военным вмешательством западных посредников. Послевоенное устройство БиГ было сформулировано в Дейтонских соглашениях (21 ноября 1995 г.), согласно которым формально единое государство делилось на два равноправных государственных образования — Республику Сербскую (РС, 49% территории) и Федерацию Босния и Герцеговина (ФБиГ, 51%). Хорватская республика Герцег-Босна упразднялась. Общим органом являлся ограниченный в своих полномочиях Президиум Боснии и Герцеговины (состоявший из трех человек, по одному представителю от каждой общины). Все внутренние вопросы РС и ФБиГ решали самостоятельно. Они имели свои законодательные органы и правительства (в РС избирался еще и президент), вооруженные

силы. По условиям Дейтонских договоренностей, в Боснию и Герцеговину был направлен 60-тысячный контингент многонациональных миротворческих сил под руководством НАТО. Западные посредники контролировали всю жизнь БиГ и после заключения мира. Вмешательство извне было настолько мощным, что государство потеряло значительную часть своего суверенитета, превратившись фактически в протекторат «Дейтонская Босния».

Необходимо подчеркнуть, что с самого начала мирной жизни курс западных держав в Боснии и Герцеговине был направлен на пересмотр Дейтона, на придание государству унитарного характера путем сокращения прав и полномочий Республики Сербской. Ревизией Дейтонских соглашений так или иначе занимались все Высокие представители ООН, которые изначально такими полномочиями не обладали.

В 2002 г. в Боснии и Герцеговине была проведена конституционная реформа. В ее результате Республика Сербская утратила свой чисто сербский характер, теперь она считалась «образованием сербов, бошняков, хорватов и других народов», было запрещено проведение референдумов, в том числе и по вопросу о самоопределении. У президента РС и спикера парламента появились заместители — бошняк и хорват, в правительстве РС было зарезервировано пять мест для бошняков и три места для хорватов. Ограничению прав сербской автономии служила также военная реформа, когда под угрозой ликвидации Республики Сербской лидеров боснийских сербов заставили согласиться на общую с ФБиГ армию. Всего этого не было в Дейтонских соглашениях. Особым инструментом давления на сербов в эти годы стал Международный трибунал по бывшей Югославии. Фактически под угрозой ареста оказался любой совершеннолетний житель Республики Сербской.

Однако первые послевоенные парламентские выборы в Боснии и Герцеговине в 1996 г. завершились провалом умеренных сил, на которые делал ставку Запад. Победили партии и лидеры, которые возглавляли национальные общины Боснии во время войны: в ФБиГ — правящая мусульманская Партия демократического действия и Хорватское демократическое содружество БиГ, в РС — Сербская демократическая партия. В Президиум БиГ были избраны их лидеры — бошняк А. Изетбегович, серб М. Краишник и хорват К. Зубак. Приверженность большинства избирателей этим партиям продемонстрировали также парламентские выборы 2002 г.

Результаты парламентских выборов 2006 и 2010 гг. показали, что эти наиболее авторитетные в условиях войны и в первое послевоенное время партии постепенно утратили монополию на власть в своих национальных общинах. Всеобщие и республиканские выборы 2006 и 2010 гг. в Республике Сербской у СДП выиграл созданный в 1996 г. Милорадом Додиком Союз независимых социал-демократов (СНСД). Додик активно эксплуатировал национальные устремления в среде сербских избирателей. В хорватской общине на этих же выборах ХДС БиГ уступило Социал-демократической партии, а в бошняцкой общине в 2006 г. победу праздновала Партия за БиГ. Однако уже в 2010 г. ПДД, которую возглавил Бакир Изетбегович (сын умершего в 2003 г. А. Изетбеговича), вернула себе лидерство и не уступила его на выборах 2014 г.

Победившим на выборах 2010 г. партиям понадобился год, чтобы выработать компромиссную правительственную программу и сформировать правительство Федерации. Во многом это объяснялось разразившимся в 2008 г. кризисом в экономике, для преодоления которого от кабинета министров требовались непопулярные меры. В феврале 2014 г. в Сараево и других городах Федерации прошли даже массовые акции

протеста. В РС, где у власти второй срок подряд находился Союз независимых социал-демократов, проблем с формированием кабинета не было, но от этого положение дел в экономике не улучшалось.

На выборах 2014 г. оппозиции в РС удалось сплотиться и заручиться поддержкой Запада, несмотря на то что в ее основе были «старые националисты» из Сербской демократической партии. СНСД получил лишь 29 мандатов (против 37 — в 2010 г.), тогда как оппозиция увеличила свои фракции. На результате выборов не могла не сказаться тяжелая экономическая ситуация да и моральная усталость избирателей от долгого правления СНСД. М. Додик все же смог повторно избраться на пост президента РС, но его перевес над оппозиционным кандидатом О. Тадичем оказался минимальным. Главной неудачей СНСД стало поражение его кандидата в борьбе за сербское место в Президиуме БиГ. Это место занял глава оппозиционной Партии демократического прогресса М. Иванич.

У хорватской общины главные национальные партии — ХДС БиГ и ХДС 1990 смогли взять реванш за поражения на выборах 2006 и 2010 гг., сообщив набрав 90% голосов. Этот успех подтвердил поддержку хорватами идеи создания «третьей автономии», то есть возрождения в том или ином виде Хорватской республики Херцег-Босны. Лидер ХДС БиГ Д. Чович завоевал также хорватское место в Президиуме Боснии и Герцеговины.

В октябре 2018 г. в стране состоялись очередные выборы на всех уровнях власти. В Президиум БиГ были избраны: от сербов — Милорад Додик, от боснийских мусульман (бошняков) — Шефик Джаферович и от хорватов — Желько Комшич. М. Додик, который после двух сроков не мог больше баллотироваться на пост президента РС, с минимальным преимуществом победил бывшего сербского представителя в Президиуме М. Иванича («Союз ради победы»). Ш. Джаферович

был выдвинут Партией демократического действия, чей представитель, предыдущий член Президиума Бакир Изетбегович, не мог в третий раз выдвигать свою кандидатуру. Наконец, Желько Комшич от хорватов (партия «Демократический фронт») победил во многом благодаря голосам бошняков (из-за особенностей избирательной системы). Он обошел бывшего хорватского представителя Драгана Човича от ХДС БиГ. Подобное развитие событий вызвало недовольство хорватской общины. Союз независимых социал-демократов М. Додика отпраздновал победу и на выборах президента РС. Им стала бывший премьер-министр РС Желька Цвианович, которая опередила, представителя оппозиционной Сербской демократической партии.

Таким образом, относительный порядок в Боснии и Герцеговине базируется во многом на долголетнем международном военном и гражданском присутствии. В то же время западные посредники все же не до конца реализовали свои планы. Даже через двадцать пять лет после Дейтона во главе всех трех национальных общин страны остаются национально ориентированные партии, только в Республике Сербской эту роль вместо Сербской демократической партии стал играть Союз независимых социал-демократов во главе с М. Додиком. Главная неудача западных посредников — само существование Республики Сербской. И именно Республика Сербская препятствует вступлению Боснии и Герцеговины в НАТО³⁵⁸.

* * *

В Македонии на первых республиканских многопартийных выборах в ноябре 1990 г. борьба развернулась

---

³⁵⁸ О Республике Сербской подробнее см.: *Антић Ч., Кецмановић Н.* Историја Републике Српске. Београд, 2016.

между тремя политическими блоками: левоцентристским — во главе с реформированным Союзом коммунистов Македонии (позже — Социал-демократический союз Македонии — СДСМ); правым, национально ориентированным — во главе с Внутренней македонской революционной организацией — Демократической партией за македонское национальное единство (ВМРО-ДПМНЕ) и албанским, возглавляемым Партией демократического процветания (ПДП). Поскольку ни один из предвыборных блоков не получил абсолютного большинства, было создано коалиционное правительство. Президентом независимой Македонии парламент избрал Киро Глигорова — коммунистического функционера, работавшего еще в команде Тито.

Македония с самого начала своей самостоятельности оказалась обреченной на коалиционные правительства, причем выбирать себе партнеров и левым, и правым политикам титульной нации приходилось из албанцев. Это подтвердили парламентские выборы 1994 г., по итогам которых правительство сформировал социал-демократ Бранко Црвенковский, парламентские выборы 1998 г., когда во главе кабинета встал основатель ВМРО-ДПМНЕ Любчо Георгиевский, и президентские выборы 1999 г., завершившиеся победой однопартийца Георгиевского Бориса Трайковского.

Македонии удалось избежать военных столкновений при распаде Югославии, однако появились другие серьезные проблемы. В апреле 1993 г. республика была принята в ООН под названием «Бывшая югославская республика Македония» (БЮРМ). Это стало следствием протестов Греции, настаивавшей на том, что использование названия «Македония» равнозначно завуалированным территориальным претензиям соседнего государства. Еще более острой являлась проблема албанского меньшинства, составлявшего не менее трети населения страны.

Дестабилизирующее влияние на обстановку в Македонии оказывали события в соседнем сербском крае Косово, где сербские военные и силы правопорядка пытались подавить вооруженный мятеж албанских сепаратистов. Это вызвало приток в Македонию албанских беженцев. Нападение блока НАТО на СРЮ привело к тому, что поток албанских беженцев усилился еще больше. Вместе с ними переправлялись боевики с оружием. Негативное влияние оказывали также события на юге Сербии, в Прешевской долине, на которую распространились военные действия из Косово.

С начала 2001 г. Македония перестала быть «единственным оазисом стабильности», единственной республикой на пространстве бывшей Югославии, которую еще не затронула военная фаза югославского кризиса. Албанскими сепаратистами, часть которых проникла в Македонию из Косово и Южной Сербии, была сформирована так называемая Освободительная народная армия (ОНА) под командованием Али Ахмети. Начались военные столкновения албанских повстанцев и сил безопасности Македонии, которые длились несколько месяцев.

13 августа 2001 г. в курортном Охриде лидеры основных политических партий Македонии, включая албанские, а также президент страны Б. Трайковский в присутствии международных посредников подписали рамочный договор о политическом разрешении кризиса. Согласно этому документу, из конституции Македонии устранялось упоминание о македонцах как титульной нации. Кроме македонского народа в нее были добавлены проживающие в Македонии граждане, «являющиеся частью албанского народа, турецкого народа, влашского народа, сербского народа, цыганского народа, бошняцкого народа, и другие». Македонская православная церковь также перестала быть единственным упоминаемым в конституции религиозным сообществом. Албанский язык получал статус официального во всех общинах, где

проживало 20 и более процентов этнических албанцев, разрешено его употребление в парламенте. Значительно увеличивалось представительство албанцев в органах судебной и государственной власти, в том числе в полиции. Было изменено административно-территориальное деление страны, приведшее к образованию на севере и западе Македонии связанных между собой территорий с преобладающим албанским населением.

В то же время вытекавшие из соглашения конституционные поправки не изменили принцип формирования правительства: ни лево-, ни правоцентристские партии не могли создать кабинет министров без блокирования с одной из албанских партий. Об этом свидетельствовали все парламентские и президентские выборы начиная с сентября 2002 г.

Тогда в Македонии состоялись новые парламентские выборы. Правящая партия ВМРО-ДПМНЕ Л. Георгиевского потерпела поражение. Победу одержала оппозиционная коалиция «Вместе за Македонию» во главе с Социал-демократическим союзом Македонии. Лидер СДСМ Б. Црвенковский вернулся на пост главы правительства. Социал-демократы сохранили свои позиции во власти и после трагической гибели президента Б. Трайковского в авиакатастрофе в феврале 2004 г. В стране прошли внеочередные президентские выборы, на которых победу одержал представитель социал-демократов — премьер-министр страны Б. Црвенковский. Он и стал третьим президентом независимой Македонии.

Тем не менее на парламентских выборах в июле 2006 г. политический маятник качнулся в другую сторону — победила оппозиционная коалиция во главе с председателем ВМРО-ДПМНЕ Николой Груевским. В 2009 г. в Македонии прошли очередные президентские выборы. Во втором туре президентом страны был избран кандидат правящей ВМРО-ДПМНЕ Гёрге Иванов. В 2014 г. состоялись новые парламентские

выборы. В победе ВМРО-ДПМНЕ с учетом популярности как самой партии, так и ее лидера Н. Груевского мало кто сомневался. Так и вышло. Правящая партия набрала более 42% голосов. Оппозиционный Социал-демократический союз — почти вдвое меньше.

Однако это было лишь началом новых политических баталий. Глава крупнейшей оппозиционной партии СДСМ Зоран Заев обвинил власти республики в фальсификации парламентских выборов и отказался признать их итоги. В 2015 г. противостояние СДСМ с ВМРО-ДПМНЕ перешло в острую фазу. Начались масштабные протестные акции, столкновения с полицией. В центре Скопье оппозиция разбила палаточный городок. Правящая ВМРО-ДПМНЕ ответила своим многотысячным митингом в поддержку премьера.

Вскоре последовала новая, еще более мощная волна демонстраций, получившая название «Разноцветная революция». Протесты были основаны на вполне справедливых претензиях к власти, копившихся годами. Причем, когда у власти находились социал-демократы, претензий к руководству было не меньше. Параллельно с демонстрациями усиливалось и международное давление со стороны западных политиков и дипломатов на македонскую власть. Стало окончательно ясно, что они в македонском конфликте явно заняли сторону СДСМ и персонально З. Заева.

В американском посольстве был составлен новый договор, который предполагал проведение внеочередных парламентских выборов осенью 2016 г. Они состоялись чуть позже — в декабре. ВМРО-ДПМНЕ опять завоевала большинство голосов, но не смогла сформировать коалицию. Благодаря поддержке албанцев преимущество перешло к социал-демократам. За это они согласились на избрание спикером парламента албанца Т. Джафери. 31 мая 2017 г. парламент Македонии все же проголосовал за З. Заева в качестве нового премьер-министра. В то же

время многолетний председатель партии ВМРО-ДПМНЕ, бывший премьер-министр страны Н. Груевский, опасаясь уголовного преследования, попросил политического убежища в Венгрии.

17 июня 2018 г. главы МИД Македонии и Греции на берегу озера Преспа подписали соглашение о новом официальном наименовании бывшей югославской республики. По Преспанскому соглашению, страна была переименована в «Республику Северная Македония». Соглашение было подписано под жестким давлением США, НАТО и Запада в целом и разрешило 25-летний спор Скопье и Афин о названии государства. Одновременно это открыло Северной Македонии путь в НАТО и Евросоюз.

Ситуация в стране не изменилась и после новых президентских и парламентских выборов. Пятым президентом страны в мае 2019 г. был избран представитель Социал-демократического союза Македонии Стево Пендаровский, и, таким образом, эта партия получила контроль над двумя главными постами в стране — президентским и премьерским. 20 марта 2020 г. С. Пендаровский поставил свою подпись под документом о вступлении Северной Македонии в НАТО. Северная Македония стала тридцатой страной — членом альянса.

Поскольку Евросоюз отказался от начала переговоров о членстве Северной Македонии, З. Заев предложил провести досрочные парламентские выборы для подтверждения правильности политического курса страны. Такие выборы состоялись в июле 2020 г. Правящая коалиция «Мы можем» во главе с Социал-демократическим союзом Македонии набрала более 36% голосов, что гарантировало его членам 46 из 120 мест в парламенте. Всего два мандата уступила лидеру оппозиционной коалиции, возглавляемая партией Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное

единство (ВМРО-ДПМНЕ). Она набрала более 34% голосов. На третьем месте (11,5% голосов) оказался албанский Демократический союз за интеграцию. Всего в парламент прошло шесть партий. З. Заев вновь занял пост председателя правительства.

Таким образом, раскол в македонском обществе сохраняется, а самые главные решения в государстве (вплоть до смены его названия) принимаются под давлением и по подсказке США, НАТО или ЕС. Причем изменения в государственном устройстве и политике, безальтернативно навязанные западными посредниками, столь существенны, что страна превратилась уже в качественно иное государственное образование по сравнению с тем, которое провозгласило независимость. В этом смысле «Охридская Македония» имеет определенное сходство с «Дейтонской Боснией»³⁵⁹.

* * *

Сербия и Черногория

По итогам первых многопартийных выборов в скупщину (парламент) Сербии (декабрь 1990 г.) Социалистическая партия Сербии (бывший Союз коммунистов) получила почти половину голосов избирателей. Лидер социалистов и бывший глава сербских коммунистов Слободан Милошевич был избран председателем Президиума Сербии, сохранив всю полноту власти.

Как и в других республиках, конкуренцию социалистам на выборах составили правые — демократические и националистические (национально ориентированные) — партии. Но в тот период самый весомый национальный козырь был уже в руках у С. Милошевича,

---

³⁵⁹ Подробнее о Северной Македонии см.: Колосков Е.А. Страна без названия. Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М., 2013.

контролировавшего к тому же основные финансовые потоки и средства массовой информации.

После распада СФРЮ Сербия вместе с Черногорией составила Союзную Республику Югославию (СРЮ), уменьшенную сербско-черногорскую Югославию, в которой С. Милошевич также контролировал всю ситуацию. Его положению угрожала не столько оппозиция, сколько международное давление. Так, после введения СБ ООН антисербских санкций из-за поддержки боснийских сербов в стране началась чудовищная гиперинфляция. Но в целом в 1990-е годы социалистам Милошевича достаточно успешно удавалось удерживаться у власти, создавая различные коалиции, прежде всего с Сербской радикальной партией В. Шешеля.

Надо сказать, что режим Милошевича был все-таки менее авторитарным, чем «самоуправленческий» однопартийный режим Тито. Парламентская система при Милошевиче была не совсем многопартийной, а, скорее, полуторпартийной. До настоящей многопартийности, политической конкуренции и демократии было еще далеко.

В июне 1997 г., когда С. Милошевич не мог больше баллотироваться в президенты Сербии, он стал президентом Югославии. Таким образом Милошевич сохранил в своих руках всю полноту власти. Однако передышка для него не наступила.

Уже с начала 1998 г. стал резко набирать обороты конфликт в Косово и Метохии. Он привел к попыткам сербской армии и полиции подавить начавшийся в крае албанский мятеж, что, в свою очередь, вызвало агрессию НАТО против СРЮ в 1999 г. Сербия была вынуждена уступить, а Косово, согласно резолюции СБ ООН № 1244, оставаясь формально сербским, оказалось под оккупацией НАТО и под управлением специально созданной миссии ООН (УНМИК).

В июле 2000 г. парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок в конституцию государства, в частности изменил порядок выборов президента. Этими изменениями парламент фактически открыл С. Милошевичу путь к переизбраниям на пост президента СРЮ (еще дважды, каждый раз — на четыре года) и резко ослабил позиции 650-тысячной Черногории.

Очередные парламентские выборы в Югославии состоялись 24 сентября 2000 г. Социалистическая партия Сербии С. Милошевича проиграла коалиции своих оппонентов — Демократической оппозиции Сербии (ДОС). Наряду с парламентскими состоялись президентские выборы. На них ДОС выдвинула своим кандидатом в президенты СРЮ лидера Демократической партии Сербии В. Коштуницу, который победил уже в первом туре и стал четвертым президентом СРЮ.

Власть в Сербии сменилась. Но это случилось на десять лет позже трансформационных «бархатных революций» 1989 г. и первых многопартийных выборов в югославских республиках.

Приведя ДОС к победе, ее лидеры В. Коштуница и З. Джинджич сразу стали выяснять отношения между собой. Национально ориентированному и крайне щепетильному в вопросах права Коштунице было непросто смириться с прозападным и прагматичным на грани законности Джинджичем. Во время возникших между двумя сербскими лидерами разногласий лучшим аппаратчиком показал себя Джинджич. Тем более что он, получив пост сербского премьер-министра, сконцентрировал в своих руках основные рычаги власти и финансовые потоки.

Приход к власти ДОС радикально изменил расстановку политических сил в стране, но в гораздо меньшей степени саму систему власти. Вновь речь пошла о закреплении монополии той или иной политической силы или партии, находившейся у власти. В данном случае

правлящей партией становилась Демократическая партия во главе с премьер-министром З. Джинджичем.

Помимо свержения Милошевича, еще одним косвенным следствием агрессии НАТО против Югославии стало усиление сепаратистской линии руководства Черногории. В конце концов, 14 марта 2002 г. руководители Югославии, Сербии и Черногории под диктовку функционеров Евросоюза подписали соглашение о переустройстве отношений в союзном государстве. Новое объединение получило название Государственное сообщество Сербии и Черногории (СиЧ). Еще год ушел на подписание конституционной хартии и ее ратификацию сербским, черногорским и союзным парламентами. 4 февраля 2003 г. Союзная Республика Югославия, функционировавшая почти 11 лет и прочно связанная с именем Слободана Милошевича, перестала существовать.

В народе новое объединение получило наименование «Солания» по имени координатора внешней и оборонной политики ЕС Хавьера Соланы. Другим народным названием было «Джукаджин», производное от сокращенных фамилий лидеров Черногории и Сербии — Джука(новича) и Джин(джича). Название намекало также на Дукаджин — средневековое княжество в Албании³⁶⁰.

В преобразованном объединении президент Югославии В. Коштуница остался без своего поста. Казалось, что его оппонент З. Джинджич может торжествовать. Но уже через месяц в результате покушения он был убит³⁶¹. Убийство сербского премьера, в организации

³⁶⁰ См., например: *Кнежевић М.* Изневерена држава. Србија и Црна Гора у времену разлаза. Београд, 2007. С. 148.

³⁶¹ Гибель Зорана Джинджичаполнила трагический список первых лиц Сербии, умерших не своей смертью в XX — начале XXI в. Покушение на сербского премьера случилось ровно через 100 лет после убийства в 1903 г. сербского короля Александра Обреновича с супругой, королевой Драгой. В октябре 1934 г. в Марселе группой

которого были обвинены спецподразделения и организованная преступность, стало началом заката правления ДОС.

Политическую систему также сотрясали коррупционные скандалы, в которых были замешаны и члены кабинета министров. Правительство потеряло всякий авторитет, а ДОС — большинство в парламенте. В ноябре 2003 г. скупщина Сербии была распущена.

На очередных парламентских выборах в конце 2003 г. первое место заняла Сербская радикальная партия, второе — досталось Демократической партии Сербии В. Коштуницы. Он вернулся к власти, сформировав в конечном итоге правительство парламентского меньшинства.

Следующие годы в Сербии характеризовались борьбой демократов друг с другом и с радикалами. Ни одно из враждовавших демократических течений не пользовалось достаточной поддержкой, чтобы править в одиночку, а их борьба лишь увеличивала силы противников-радикалов³⁶².

заговорщиков был убит прибывший туда с визитом король Югославии Александр Карагеоргиевич. Еще через три года после смерти Джинджича, в марте 2006 г., в гаагской тюрьме скончался бывший президент Югославии и Сербии Слободан Милошевич. Он тоже был фактически убит, поскольку его лишили необходимой медицинской помощи. Но и раньше, в XIX в., сербские вожди редко правили безмятежно. По приказу руководителя Второго сербского восстания Милоша Обреновича убили и отрубили для доставки в Стамбул голову руководителя Первого сербского восстания Карагеоргия. Милош и Михаил Обреновичи правили дважды, поскольку в первый раз их свергли и изгнали из страны. Свергли и сына Карагеоргия, князя Александра Карагеоргиевича. Князя Михаила Обреновича убили заговорщики. Король Милан Обренович был вынужден отречься от престола в пользу несовершеннолетнего сына Александра, того самого, которого потом убили вместе с женой. В своей солдатской постели умер только старый Петр Карагеоргиевич, получивший престол после убийства Александра Обреновича и уже передавший власть сыну-престолонаследнику Александру Карагеоргиевичу.

³⁶² См.: *Кандель П.Е.* Становление демократии в «постсоциалистических» странах Юго-Восточной Европы. С. 195.

В результате образовывались сложные конфигурации трех главных политических сил — прозападных демократов Б. Тадича, национально ориентированных умеренных демократов В. Коштуницы и радикалов Т. Николича, который успешно заменил добровольно передавшего себя в руки Гаагского трибунала В. Шешеля. Одновременно в это время в Сербии стал укрепляться парламентаризм, находившийся на довольно низком уровне не только во времена Милошевича (1990–2000 гг.), но и во время правительств ДОС³⁶³.

21 мая 2006 г. на референдуме большинство жителей Черногории (55,5%) выступило за полную независимость своей республики. Государственное сообщество Сербии и Черногории вслед за Союзной Республикой Югославией прекратило свое существование. Общая 88-летняя история Сербии и Черногории закончилась.

Вскоре по сербской государственности был нанесен еще один мощный удар: 17 февраля 2008 г. косовский парламент в одностороннем порядке принял Декларацию о независимости. 8 марта премьер-министр В. Коштуница подал в отставку, так как большинство правительства отказалось в парламенте поддержать резолюцию, согласно которой Сербия может вступить в Европейский союз, только имея в своем составе Косово.

На очередных, третьих в самостоятельной Сербии парламентских выборах 6 мая 2012 г. победила коалиция «Сдвинем Сербию» во главе с Сербской прогрессивной (напредняцкой) партией Т. Николича и А. Вучича. Немного отстала коалиция «Выбор за лучшую жизнь» во главе с Демократической партией Б. Тадича. Третьей стала коалиция вокруг Сербской социалистической партии И. Дачича. Причем социалисты набрали

³⁶³ См.: *Antonić S. Parliamentarianism in Serbia after 2000* // *Нова српска политичка мисао. Нова едиција. Београд, 2008. Vol. XVI. № 3/4. С. 35–52.*

вдвое больше голосов, а их лидер И. Дачич получил пост премьер-министра. Главным проигравшим оказалась Сербская радикальная партия, не сумевшая восстановиться после раскола. Будучи на предыдущих выборах второй, она на этот раз даже не вошла в парламент.

Одновременно с парламентскими состоялись президентские выборы. Во втором туре с небольшим перевесом сенсационную победу одержал 60-летний Томислав Николич. Это была его четвертая попытка прийти к власти (2003, 2004, 2008 и 2012 гг.).

Первым вице-премьером и министром обороны в новом правительстве стал второй лидер напредняков Александр Вучич. Он также занял место председателя партии вместо пожелавшего сделаться формально беспартийным Т. Николича. Постепенно и внешне незаметно Вучич стал самым влиятельным и самым популярным политиком в стране.

В этот период Сербия фактически оказалась без сильной оппозиции. Эта роль оказалась никому не по силам, в том числе и Демократической партии. Наступила эра Сербской прогрессивной партии и ее лидера А. Вучича.

В апреле 2017 г. в Сербии состоялись очередные президентские выборы. Действующий президент Т. Николич был вынужден отказаться баллотироваться на второй пятилетний срок, поскольку прогрессисты выдвинули на пост президента Александра Вучича. Он победил уже в первом туре, набрав более 55% голосов избирателей. Выборы вновь показали отсутствие реальной оппозиции у Сербской прогрессивной партии. В который раз в стране сложилась полупартийная система, когда единица — это всегда СПП, а на всех остальных приходится лишь оставшаяся половинка.

Наконец, парламентские выборы 2020 г. еще больше укрепили позиции прогрессистов А. Вучича. Бойкотировавшая выборы оппозиция оставила парламент полностью на откуп властям. Некоторые наблюдатели даже

заговорили о переходе от полуторпартийной системы к однопартийной. В любом случае шаг в этом направлении был сделан, и с точки зрения демократии это был регресс.

Таким образом, период развития демократии после революции 2000 г. оказался очень коротким и крайне неустойчивым. К власти вернулась коалиция обновленных партий старого режима. Это ускорило падение демократии и возрождение нового авторитаризма³⁶⁴.

Трудности с развитием демократии, в частности сербского парламентаризма, имеют серьезные причины. Сербия в XX в. несколько раз меняла свою государственность, последовательно находясь после Первой мировой войны в составе Королевства СХС и Королевства Югославии, а после Второй мировой войны — в составе СФРЮ, СРЮ, СиЧ и, наконец, не только разделилась с Черногорией, но и потеряла управление над частью своей территории. Сербия подверглась жесточайшим санкциям и прямой агрессии, столкнулась с войнами в соседних государствах и у себя дома, приняла сотни тысяч беженцев и вынужденных переселенцев.

В результате в стране все еще ощущается явная недооценка демократических ценностей. Личным качествам руководителя партии или представителя власти придается большее значение, чем идеям и ценностям, которые он отстаивает. А сами партии часто отражают лишь интересы небольших групп, которые их непосредственно возглавляют.

* * *

В Черногории, в отличие от других республик СФРЮ, коммунисты шли на первые многопартийные выборы 1990 г. под старым названием — Союз коммунистов

³⁶⁴ См.: *Владисављевић Н.* Успон и пад демократије после Петог октобра. Београд, 2019. С. 24.

Черногории (СКЧ). Им удалось добиться убедительной победы и остаться во главе республики. Председателем Президиума Черногории стал лидер СКЧ Момир Булатович. Только спустя два года СКЧ был переименован в Демократическую партию социалистов Черногории (ДПСЧ)³⁶⁵.

На прошедшем в марте 1992 г. референдуме о дальнейшей судьбе Черногории абсолютное большинство ее жителей проголосовали за единое с Сербией государство, претендовавшее на право быть правопреемником распавшейся СФРЮ. В конце апреля 1992 г. было объявлено о создании федерации Сербии и Черногории — Союзной Республики Югославии (СРЮ).

Наравне с Сербией Черногория оказалась под международными санкциями, негативно влиявшими на ее экономику, способствовавшими росту контрабанды, коррупции и сокращению поступлений в казну. Трудности в экономике отражались на политической жизни республики. Рубежным стал 1997 год, когда монополично правившая до этого ДПСЧ пережила раскол, вызванный борьбой за лидерство между президентом Момиром Булатовичем и главой правительства Мило Джукановичем. Считается, что Джуканович и его сторонники сумели использовать ситуацию с санкциями для укрепления политического влияния и личного обогащения. Прежнее название партии осталось за последователями М. Джукановича, сторонники М. Булатовича взяли себе новое — Социалистическая народная партия (СПП).

На президентских выборах 1997 г. с минимальным перевесом в 5,5 тыс. голосов победил премьер-министр. Новое руководство Черногории под предлогом

---

³⁶⁵ В отличие от Сербии, где в 2000 г. все-таки произошла трансформационная революция, в Черногории подобных революционных потрясений, связанных с приходом к власти оппозиции, до сих пор не было.

того, что режим Милошевича тормозит необходимые реформы, взяло курс на ослабление связей с Сербией.

В правящем блоке произошла полная замена политических целей. Ими стал суверенитет. Характерно, что сначала после возникновения в Черногории многопартийности именно оппозиция состояла из групп, ориентированных на сепаратизм и суверенитет. Смена курса черногорскими властями противопоставила их проюгославскому, соответственно просербскому течению в Черногории, а также правящим сербским кругам того времени и большинству сербских оппозиционных партий³⁶⁶.

Подгорица по мере сил дистанцировалась от военно-полицейской операции Белграда против албанских сепаратистов в Косово. В результате черногорская территория пострадала гораздо меньше от натовских бомбардировок 1999 г. При этом одним из последствий агрессии НАТО против СРЮ стало еще большее усиление сепаратизма черногорского руководства. Этот курс сохранился после сербской «бульдозерной революции» 2000 г. и свержения С. Милошевича, противоречиями с которым Джуканович часто оправдывал свою политику. Впрочем, поддержка Западом нового курса черногорских властей являлась важной составляющей его политики по устранению Милошевича от власти в Сербии.

После трансформации СРЮ в Государственное сообщество Сербии и Черногории (СиЧ) руководство Подгорицы еще больше активизировало усилия, направленные на полный разрыв с Белградом. Тем более что к этому времени стала приносить плоды и политика ускоренного формирования черногорской идентичности. Согласно переписи 2003 г., уже 40% жителей Черногории определили себя как черногорцев и только 30% — как сербов. Впрочем, в отличие от сербов процесс самоопределения черногорцев не завершен.

³⁶⁶ См.: *Кнежевић М.* Изневерена држава. С. 78–79.

21 мая 2006 г. в Черногории состоялся референдум о государственной самостоятельности. Евросоюз согласился признать независимость Черногории, если за нее высказается не менее 55% участников голосования. Почти такими и оказались официальные результаты референдума: 55,4% его участников поддержали курс Джукановича на отделение и восстановление утерянного в 1918 г. государственного суверенитета. Причем проживавшим в Сербии черногорцам было запрещено участвовать в референдуме.

На первых после обретения самостоятельности парламентских выборах в сентябре 2006 г. победила правящая коалиция «За европейскую Черногорию» во главе с Демократической партией социалистов, получив 41 мандат из 82. Это давало ДПСЧ возможность вместе с представителями партий национальных меньшинств иметь абсолютное большинство.

Согласно принятой в 2007 г. конституции, Черногория объявлялась государством черногорского народа, а черногорский язык — государственным. Но упоминались также сербы, бошняки, албанцы и хорваты, которым гарантировалось равноправие, в том числе в языковой сфере. Вводился запрет двойного гражданства, направленный прежде всего против черногорцев, проживающих в Сербии.

Победой партии Джукановича завершились и все другие регулярные и досрочные парламентские выборы. И это было не случайно, черногорский лидер сконцентрировал в своих руках все рычаги власти. Нельзя не согласиться с историком П. Вукичем, который считал, что многопартийная система в Черногории функционировала только формально, — по сути, в политической жизни существовала лишь имитация многопартийности³⁶⁷.

Политолог М. Кнежевич подтверждает, что, «хотя в Черногории существует политический плюрализм в виде многопартийной парламентской системы,

---

³⁶⁷ Цит. по: *Кнежевић М.* Изневерена држава. С. 79.

мрачная реальность черногорской многопартийности указывает на привилегированность правящей партийной коалиции, особенно самой массовой и сильной партии Черногории — Демократической партии социалистов»³⁶⁸. Мы уже называли такую систему в лучшем случае полуторпартийной.

Сам М. Джуканович занимал разные посты — президента, премьер-министра, просто лидера партии, но при этом неизменно оставался в Черногории главным действующим лицом и политиком № 1. Кнежевич считает, что в Черногории даже стал развиваться новый культ самого молодого в ряду других «отцов» черногорской нации и государства — Мило Джукановича³⁶⁹.

Если ДПСЧ уверенно удерживала позицию главной политической силы страны, то влияние СНП неуклонно сокращалось. Позиции Момира Булатовича особенно пошатнулись после свержения С. Милошевича. Он потерял пост премьера СРЮ, а вслед за этим и пост лидера СНП, уступив его Предрагу Булатовичу. Позицию второй политической и главной оппозиционной силы Черногории на парламентских выборах 2012 г. и президентских 2013 г. занял «Демократический фронт», который объединил в основном правоцентристские, национально-консервативные и просербские силы («Новая сербская демократия», «Движение за перемены», «Демократическая сербская партия», «Демократическая народная партия»).

В октябре 2016 г. состоялись очередные парламентские выборы. Правящая Демократическая партия социалистов вновь смогла завоевать большинство мест в парламенте Черногории. Оппозиционный «Демократический фронт» вновь был вторым. Новый кабинет возглавил член ДПСЧ Душко Маркович. В день парламентских выборов

³⁶⁸ Там же. С. 481.

³⁶⁹ Там же. С. 482.

произошла предполагаемая попытка государственного переворота, в организации которого руководство страны немедленно обвинило группу граждан из Сербии, Черногории и России. В международный розыск по линии Интерпола были объявлены двое граждан России и трое граждан Сербии. Согласно заявлениям властей Черногории, целью России было не допустить вступления их страны в НАТО.

МИД России отверг какую-либо причастность РФ к попытке государственного переворота. Лидеры оппозиции Черногории также заявили об инсценировке, целью которой было обеспечение победы партии Джукановича на парламентских выборах. В мае 2017 г. в ответ на присоединение Черногории к антироссийским санкциям и их расширение Россия дополнила собственные санкционные списки М. Джукановичем и рядом других черногорских политиков. Тогда же Черногория официально стала новым членом НАТО.

В апреле 2018 г. в Черногории состоялись третьи после обретения независимости президентские выборы. Причем действующий президент Ф. Вуянович не имел права выставлять свою кандидатуру на третий срок. В результате новым президентом Черногории был избран лидер ДПСЧ М. Джуканович, получивший более 50% голосов уже в первом туре.

Таким образом, в Черногории сложился режим личной власти М. Джукановича. Интересы страны во многом оказались подчинены интересам этого политика и его ближайшего окружения. В чем-то Джуканович напоминает своего главного противника во второй половине 1990-х годов — сербского лидера С. Милошевича. М. Булатович, проработавший много лет с обоими политиками, признавал, что «речь идет в основном об очень схожих по своей структуре личностях»³⁷⁰.

---

³⁷⁰ *Bulatović M. Pravila ćutanja (četvrto izdanje). Niš, 2005. S. 278.*

Мы уже сравнивали политику сербских властей в начале XX и в начале XXI в. Подобные сравнения вполне применимы и к Черногории. В частности, Я. Вишняков пишет, что «проводимый президентом Мило Джукановичем курс отнюдь не нов. Его действия вполне укладываются в традиционную для черногорских властей схему, основанную на коррупции, патримониальном характере государственной власти и желании понравиться западным “хозяевам”... Ровно такую же лицемерную политику... проводил “зять всей Европы” черногорский правитель Никола»³⁷¹.

Не ново и то, что главной силой, которая стала противостоять черногорскому режиму в отсутствие нормальной политической жизни в стране, оказалась Сербская православная церковь, вернее, один из самых влиятельных ее иерархов — митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий (Радович). Необходимо напомнить, что в 1516–1852 гг. Черногория являлась теократическим государством, которое управлялось православными митрополитами. Авторитет церковных владык в Черногории традиционно очень высок.

И в Сербии, и в Черногории остается партийный метод хозяйствования. «Кадровые, инвестиционные и многие другие экономические решения до 2000 г. принимала верхушка Социалистической партии Сербии во главе с лидером С. Милошевичем. Почти все руководители государственных учреждений и предприятий, министры и замминистры правительства — члены ЦК СПС»³⁷². В этом смысле ничего не изменилось

³⁷¹ Вишняков Я. Мило Джуканович и невыученный урок истории. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5cc7066297408300b318ba2d/milo-djukanovich-i-nevyuchennyi-urok-istorii-5e39bcb19293b32fb29a51db>

³⁷² Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007. С. 43–44.

и при демократах, и при прогрессистах. А в Черногории власть и правящая партия даже не менялась в течение 30 лет. Е.Г. Пономарева называет подобную систему патримониальной: «Именно наличие патримониальных связей объясняет ситуацию в сербском и черногорском обществах»³⁷³. Партия, победившая на выборах, получает возможность рассадить сверху донизу на все мало-мальски значимые посты своих однопартийцев — вплоть до директоров средних школ. Об эффективности подобной системы говорить бессмысленно.

В регионе остались многие старые противоречия... Та же Е.Г. Пономарева отмечает и сохранившееся противостояние Сербии и Хорватии за региональное лидерство и их борьбу за Боснию, «несмотря на пост-дейтонские заверения сербских и хорватских лидеров об отказе от территориальных претензий». Но все же главными «болевыми точками» в регионе, по ее мнению, останутся «Косово и Македония... из-за “перемешанности” народов, проживающих в этом регионе». «С ними связана и черногорская проблема». Еще одна болевая точка — самоопределение черногорцев». Страны региона в обозримой перспективе останутся примыкающими «к коренной Европе», но не входящими в нее ³⁷⁴. Мы бы добавили еще старые противоречия Греции и Турции, которые периодически обостряются. Греция, правда, давно входит в Евросоюз, но ее все-таки нельзя назвать ни «старой», ни «новой Европой». Греция, на наш взгляд, занимает некое промежуточное положение. Турцию же в «коренную Европу» никогда не пустят, тем более при ее нынешнем крене в сторону исламизма. В любом случае Балканы остаются беспокойным регионом.

---

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ См.: Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М., 2010. С. 225–226.

* * *

В целом можно сказать, что после первых многопартийных выборов, несмотря на отмеченные различия, югославские республики развивались однотипно и в общем русле с другими восточноевропейскими постсоциалистическими странами. Например, в соседней Болгарии события развивались вначале по словенско-хорватскому типу: основная политическая борьба с переменным успехом шла между двумя силами — демократической и социалистической направленности. Одно время, когда разочарование в этих силах достигло предела, предпочтение избирателей качнулось даже в сторону бывшего монарха Симеона II Саксен-Кобург-Готского, основавшего новую политическую формацию — Национальное движение «Симеон Второй». Правда, премьерство бывшего монарха осталось лишь эпизодом.

Гораздо более весомым фактором в политической жизни страны стала новая политическая сила — правополитическая партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), созданная мэром Софии харизматичным Бойко Борисовым. На очередных, седьмых по счету парламентских выборах 5 июля 2009 г. эту партию поддержало большинство избирателей. На этот раз болгары проголосовали за «сильную руку»: Борисов сформировал однопартийный кабинет и обещал победить коррупцию, преступность и искоренить бедность.

С небольшим перерывом партия ГЕРБ вновь одержала победу на парламентских выборах в 2014 г. Б. Борисов опять возглавил кабинет министров, заверив, что он будет проевропейским и реформаторским. Новая победа Борисова произошла, несмотря на затянувшийся политический кризис, разочарование в правящей элите и усталость от перманентной предвыборной кампании. Н.А. Подчасов пишет: «В новейшей истории Болгарии, начиная с падения режима Тодора Живкова,

каждая партия, приходившая к власти, за годы своего правления теряла популярность и на следующих выборах терпела поражение. Первым исключением стала партия Борисова»³⁷⁵. Болгарский электорат стал отдавать предпочтение «харизматичной личности» в ущерб политическому выбору, и тем самым болгарская политическая система качнулась в сторону концентрации личной власти премьер-министра. И этим она напоминает ситуацию, сложившуюся в Сербии и Черногории.

После начала трансформации отмечает болгарская исследовательница И. Баева, в Болгарии был восстановлен политический плюрализм. «Но спустя некоторое время болгарская политическая практика продемонстрировала, как все демократические достижения могут формально сохраниться, но оказаться лишь фасадом, за которым исполнительная власть узурпирует функции других ветвей власти». Из-за этого фасада более ясно вырисовывается авторитаризм. Появляется «новая политическая цензура», причем нельзя забывать, что «обратная сторона цензуры — пропаганда»³⁷⁶. Конечно, выводы болгарского ученого справедливы не только в отношении Болгарии.

Таким образом, на наш взгляд, развитие постъюгославских государств не так уж сильно отличалось от событий в других европейских постсоциалистических странах. Они решали одни и те же задачи. Делали одни и те же ошибки. В разных сочетаниях отдельные черты политической системы постъюгославских государств можно найти сегодня в различных странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

---

³⁷⁵ Подчасов Н.А. Бойко Борисов: Факты биографии // Политические лидеры в современной Восточной Европе. М., 2017. С. 36.

³⁷⁶ Баева И.В. Политическая цензура в постсоциалистической Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2020. Т. 15. № 1/2. С. 140.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, последние полтора века сербской истории не замыкались на одной только модернизации, но ее поиски, попытки ее достижения играли очень существенную роль. В какой-то степени эта цель остается актуальной и сегодня. Причем как после обретения независимости в 1978 г., так и в настоящее время модернизация в Сербии неразрывно связана с лозунгом «возвращения в Европу».

Многочисленные войны, которые Сербия вела в этот период, не столько приближали ее к этой цели, сколько отдаляли. После поражения в войнах за «югославское наследство» (1991–2001 гг.) даже территориально Сербия вернулась к периоду до Первой балканской войны. Фактически потеряно Косово, по крайней мере, сербское правительство ситуацию в крае не контролирует. Единственные исключения – Воеводина, недавно отметившая 100-летний юбилей нахождения в составе сербского государства, а также Республика Сербская, добившаяся международного признания в качестве государственного образования в соседней Боснии.

Косово и Воеводина — неразрывно связаны между собой. Великое переселение сербов в 1690 и 1740 гг. из Османской империи в Австрийскую, из Старой Сербии в Южную Венгрию привело к опустошению южносербских земель и появлению компактного сербского населения

в будущей Воеводине. И это создавало другую, уже не хронологическую, а географическую вертикаль - от Сербии до Сербии. В гораздо меньшем размере в XVIII в. началось переселение из Австрии в Российскую империю, где появились сербские поселения – Славяносербия и Новая Сербия. Но если в России сербы быстро ассимилировались, то в Австрии они укоренились и сыграли огромную роль в грядущей сербской модернизации.

Достаточно сказать, что из австрийских земель вышли самые значительные сербские просветители и множество государственных деятелей. Революция в Австрии 1848–1849 гг. также невольно повлияла на «европеизацию» автономного Сербского княжества. Во время революции и борьбы сербов Воеводины за свои права произошел широкий обмен между турецкими и австрийскими сербами. Сначала сербские добровольцы отправились в Воеводину помогать соплеменникам, затем после ряда чувствительных поражений в боях с венграми многие сербы из Австрии бежали за Дунай в княжество, прежде всего в Белград. Под влиянием тесных контактов жители Сербии быстрее стали отказываться от турецких обычаев. Нагляднее всего это было заметно по одежде, манера одеваться по-восточному стала постепенно уходить в историю.

Но, конечно, модернизация пошла более быстрыми темпами после обретения независимости. Период «первой модернизации» от Берлинского конгресса до Первой мировой войны назван даже некоторыми сербскими историками «золотым веком». Однако за фасадом «европеизации» скрывалась во многом еще патриархальная крестьянская страна.

Наконец, весь период новой сербской истории тесно связан с Россией. Получение сербами государственности после многовекового турецкого ига не было бы возможно без широкомасштабной военной и дипломатической помощи Российской империи. Помощь России Сербии в Первой мировой войне также сыграла решающую роль

в сохранении сербской государственности. Русские эмигранты внесли посильный вклад в развитие сербской культуры и науки в период между двумя мировыми войнами. По сути, это была встреча русского городского мира с сербским сельским. Не менее важной была и помощь СССР в освобождении Восточной Сербии и Белграда от оккупантов в годы Второй мировой войны. Конечно, отношения между двумя странами были разными, были периоды охлаждения. Однако русский и сербский народы всегда испытывали друг к другу искреннюю симпатию.

Итак, за полтора века Сербия перепробовала разные варианты модернизации, которая носила имитационный, альтернативный и вновь имитационный характер. Но фактом остается то, что ее задачи не были до конца решены ни в период Сербского королевства, ни в межвоенном королевстве Югославии, ни в послевоенной социалистической Югославии, ни в постсоциалистической сербско-черногорской Югославии, ни в современной Республике Сербии. Отставание от Европы и современного мира не только не уменьшается, но даже увеличивается. Наверное, самый значительный успех имела титовская Югославия, которая, балансируя между двумя блоками, заняла в мировой политике место, намного превышающее ее реальный политический и экономический вес. Просто-му советскому человеку жизнь в Югославии казалась даже почти западной. Но во многом это была жизнь в долг.

Одним из главных препятствий модернизации на протяжении всего рассматриваемого периода были отсутствие демократии, политической конкуренции, кумовство и коррупция. Парламентаризм в системе государственной власти и управления или не функционировал, или функционировал плохо, в лучшем случае принимая облик полуторпартийной системы. И сегодняшний надвигающийся авторитаризм в долгосрочной перспективе может иметь разрушительные последствия для задач модернизации Сербии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аврамович Д. 189–190
Александр Карагергиевич, кн. 260
Александр Карагеоргиевич, кор. 34, 42, 65, 260
Александр Обренович 259–260
Александр I Павлович Романо 12в
Александр II Николаевич Романов 42
Алексун Н. 129
Амфилохий (Радович) 269
Аникеев А.С. 102, 109, 111
Антанасиевич И. 68
Антич Ч. 214
Антоний (Храповицкий) 74
Антонич С. 169, 200, 261
Аранитович Д. 139
Арсеньев А.Б. 43–44, 48, 50–51, 66–67
Астромов Б. 41
Ахмети А. 252
- Баева** И. 272
Барич Н. 245
Батакович Д.Т. 119, 155, 167
Батурин Ю.А. 180
Белаяц М. 8
Белов М.В. 18, 30, 32, 125–126
Белуосов В.Н. 96
Биланджич Д. 140
Бовуа Д. 129
Борисов Б. 271–272
Боцан-Харченко А.А. 221
Брглез А. 75
Брежнев Л.И. 101, 114, 116, 119
Брнабич А. 214, 220
Булатович М. 264, 267–268
Булатович П. 267
Бурлацкий Ф.М. 123
- Вагапова Н.М. 64
Валев Л.Б. 104
Валецкий О.В. 56
Вандич П. 129
Ваннер Я. 79
Варнава (Росич) 70
Видоевич З. 145
Виноградов В.Н. 11, 14, 24, 26.
Вишняков Я.В. 4, 25, 269
Владиславевич Н. 217, 263
Волков В.К. 100–101
Врангель П.Н. 43, 74
Вуйович Н. 161
Вукадинович Дж. 169, 195
Вучич А. 205, 209–217, 219, 229–230, 261–262
Вуянович Ф. 268
- Габрич А. 241
Галуа П.-М. 177
Ганин А.В. 68
Георгиевский Л. 251, 253
Гибианский Л.Я. 80, 97, 100, 102
Гиппиус З.Н. 47
Гиренко Ю.С. 96, 100–102
Глигоров К. 251
Глинкина С.П. 234–235
Голдштейн И. 80–81, 113, 115, 120, 138–139
Голдштейн С. 115, 120
Голенкова З.Т. 96
Гомулка В. 83
Готовац В. 141
Грабар-Китанович К. 243–244
Грдина И. 20
Грильпарцер Ф. 18
Гришина Р.П. 25, 225
Грубмайр И.И. 75
Груевский Н. 253–255
Гусев Н.С. 26
Гуськова Е.Ю. 81, 87, 102, 121, 154, 156, 219
- Дабчевич-Кучар С. 138
Даниэль Ю.М. 114
- Дачич И. 204–205, 207, 209, 211–213, 216, 229, 261–262
Девич-Романова В.П. 53–54
Делор Ж. 173–174
Джафери Т. 254
Джаферович Ш. 249
Джилас Д. 209, 211
Джилас М. 40, 111, 115, 149
Джинджич З. 150, 161–163, 168, 192, 195–198, 200, 226, 229, 258–260
Джого Г. 139
Джонстон Д. 9
Джорджевич Д. 224
Джуканович М. 237, 264, 266–269
Джуретич В. 140
Джурич О. 48, 66
Димитров Д. 83
Димич Л. 109, 141–142, 170, 186
Динкич М. 207
Додик М. 248–250
Достян И.С. 12, 30
Драга Обренович 259
Драшкович В. 161–162, 166
Дрляка Д. 40, 46–47, 58, 60
Дрновшек Я. 238–239
Дюкрé М.-Э. 129
- Едемский А.Б. 103
Елизавета Петровна Романова 33
Ельцин Б.Н. 34, 147, 173, 178, 181
Ерофеев В. 59
- Живанов С. 171
Живанович М. 48
Живков Т. 83, 271
Живкович З. 200
Животич А. 38
- Завс З. 254–256
Земляниченко М.А. 65

- Зубак К. 246, 248
 Зудинов Ю.Ф. 83
 Зундхауссен Х.
 112–113
 Зуппан А. 39
- Иванич М.** 249
 Иванов Г. 253
 Изетбегович А. 141,
 154–155, 176, 246, 248
 Изетбегович Б. 248, 250
 Иноземцев В.Л. 194
 Исакович А. 140
 Искендеров П.А. 26
 Исламов Т.М. 134
- Йованович Мир.** 33,
 35, 38, 41–42, 44–47,
 50–51, 59–60, 69–70,
 73, 195, 206
Йованович Мил. 215
Йованович С. 142
Йованович Ч. 201, 207,
 213
Йович Д. 117, 142
Йосипович И. 243
Йоханнис К. 81
- Кадиевич А.** 65
 Калаич Д. 190
 Калинин Н.Н. 65
 Калоева Е.Б. 35, 146
 Каменецкий В.М. 91,
 93, 98–99, 102
 Кандель П.Е. 91–93, 109,
 118, 120, 200, 204, 209,
 237–238, 241, 260
 Карагеоргий Петрович
 260
 Караджич Р. 218, 246
 Кардель Э. 117, 119, 149
 Качаки И.Н. 66–67
 Качинский Я. 22
 Кашуба М.С. 40, 47, 58, 60
 Керимова М.М. 31
 Кецманович Н. 250
 Кирилина Л.А. 241
 Киселев В. 124
 Клаус В. 22
 Клинтон Б. 175
 Клочовский Е. 129–130
 Кнежевич М. 259,
 265–267
 Князев Ю.К. 104
 Кович М. 177, 183, 184
- Козырев А.В. 34, 172–
 173, 178, 181
 Колосков Е.А. 256
 Комшич Ж. 249–250
 Косик В.И. 43, 64
 Косор Я. 242
 Костич В. 190
 Костич М. 38
 Косыгин А.Н. 114
 Коштуница В. 150–151,
 161, 166–167, 182, 191,
 195–196, 199–204, 207,
 214, 228, 230, 258–261
 Крайшник М. 246, 248
 Краснов Н.П. 65
 Кремптон Р.Дж. 228
 Кузнечевский В.Д.
 98–99, 102
 Кулаковский П.А. 105
 Куликова Н.В. 104, 234
 Кучан М. 239
- Ленин В.И.** 114, 122
 Лещиловская И.И. 37
 Лилич З. 163, 190
 Лобанов М.М. 198, 209
 Лутар О. 241
 Лэмпи Дж.Р. 112
 Люшич Р. 12, 227
- Маевский В.А.** 47,
 49–50, 70
 Макартур С. 176
 Максаков А.А. 67
 Мао Цзэдун 140
 Мариян Д. 158
 Маркович А. 125, 190
 Маркович Д. 267
 Маркович Мир. 149,
 162, 228
 Маркович Мих. 140,
 149
 Маркс К. 107
 Марович С. 197
 Мартынова М.Ю. 40,
 47, 58, 60, 101
 Марьина В.В. 78, 81–82
 Махин Ф.Е. 68
 Медведев Д.А. 220
 Межински М. 66
 Месич С. 242
 Мигранян А.М. 180
 Милан Обренович 260
 Миланович З. 243–245
 Миленкович Т. 71
- Миллер А.И. 16, 19
 Милованов В.С. 93
 Милорадович Г. 39–40
 Милош Обренович
 260
 Милошевич С. 28, 34,
 124–125, 142, 149–152,
 154–155, 161–164, 166–
 167, 169, 176, 186–188,
 190–191, 194–196, 200,
 204, 212, 214–215, 217–
 218, 228, 230, 237–238,
 256–261, 265, 267–269
 Мирзеханов В.С. 16,
 23, 25
 Мирович Д. 35
 Михаил Обренович 260
 Михайлов М. 114
 Михайлович Д. 133
 Михайлович К. 140
 Михник А. 136, 176
 Мичунович Д. 150
 Младич Р. 206
 Мрчић И. 209
- Наполеон Бонапарт** 12
 Некипелов А.Д. 104
 Никифоров К.В. 12–13,
 26, 63, 71, 74, 83, 101,
 104, 114, 174, 180, 187,
 223, 234
 Никифоров Л.А. 93
 Ницова Е. 128
 Никола Петрович 269
 Николай II Алексан-
 дрович Романов 41, 65
 Николич К. 9, 28–29,
 120, 124, 157, 186
 Николич Т. 200, 202, 208,
 210, 212–213, 229, 262
 Новосельцев Б.С. 4, 105
- Обрадович Б.** 213
 Орбан В. 22
 Ордоский-Танаев-
 ский М.Л. 67
 Орешкович Т. 244
 Орлик И.И. 233–234
- Павич М.** 46
 Павлович М. 71
 Павлович Ст.К. 121,
 124, 143, 228
 Пайтич Б. 213
 Палеолог С.Н. 42, 50

- Пахор Б. 239–240
 Пашич Н. 224, 230
 Пеливан Ю. 246
 Пендаровский С. 255
 Перович Л. 142, 226
 Петранович Б. 138
 Петричевич М.Л. 129
 Петровская Ю. 196
 Пешич В. 162
 Пётр I Карагеоргиевич 224, 260
 Пилипович Р. 74
 Пилько Н.С. 241
 Пиркер П. 138
 Пирьевец Й. 111, 115–116, 119–120
 Писарев Ю.А. 63
 Пленкович А. 244
 Пивоваренко А.А. 245
 Годовин А.Л. 17
 Подчасов Н.А. 271–272
 Пожарский М. 232
 Пономарева Е.Г. 269–270
 Попович Н. 213
 Примаков Е.М. 180–181
 Принцип Г. 28
 Протич М.Ст. 119, 123, 155, 167
 Путин В.В. 175, 182–183, 220
 Пуятин В.С. 69
 Пуятин И.С. 150, 226
 Пушкадия-Рыбкина Т.В. 75
 Раделич З. 139
 Радойчич Д. 58
 Радулович С. 213
 Ражнатович-Аркан Ж. 168
 Ракитин Б.К. 57
 Ракитин Ю.Л. 65
 Рамет С.П. 108
 Рачан И. 242–243
 Рашкович-Ивич С. 213
 Ровинский П.А. 31
 Романенко С.А. 87–88, 102, 105
 Ругова И. 163
 Руднева И.В. 138
 Рудяков П.Н. 37
 Рябов А.В. 170, 194
 Сабинович М. 66
 Салмин А.М. 146–147
 Самарджич Н. 119, 123, 155, 167
 Самсонович Г. 129
 Санадер И. 242
 Селяк М. 75
 Силкин А.А. 31.
 Симеон II Саксен-Кобург-Готский 271
 Симчич М. 108
 Синявский А.Д. 114
 Славин Г.М. 104
 Солана Х. 259
 Солженицын А.И. 79
 Сталин И.В. 51, 100–102
 Стамболич И. 142
 Стоянович Д. 142, 185
 Стоянчевич С. 110
 Субаев Р.Р. 15, 19
 Суслов М.А. 93
 Тадич Б. 200–205, 207, 209, 213–214, 230, 261
 Тадич Л. 140
 Тадич О. 249
 Тачи Х. 163, 190
 Тесемников В.А. 63–64
 Тимофеев А.Ю. 25, 37, 51–52, 68
 Тито-Броз Й. 34, 39, 90, 94, 100–103, 110–111, 115–117, 119–120, 122, 124, 133, 138–140, 149, 156, 167, 186, 217, 251, 257
 Тодорова М. 11
 Томас Р. 137, 140, 151, 152, 163, 228
 Трайковский Б. 251–253
 Трѣбст Ш. 84
 Трипало М. 138
 Туджман Ф. 138, 146, 193, 238, 242
 Тюрк Д. 239
 Удальцов И.И. 104
 Улуян Ар.А. 19
 Фотич А. 119, 123, 155, 167
 Хаванова О.В. 31
 Халецкий О. 129
 Хамкин Ю.М. 56
 Хантингтон С. 145
 Хлебникова В.Б. 26
 Хобсбаум Э. 26
 Холбрук Р. 164
 Хрущев Н.С. 100
 Цветкович М. 186
 Цветкович С. 29
 Цвианович Ж. 250
 Церар М. 240–241
 Циммерман У. 154
 Црвенковский Б. 251, 253
 Чавошки К. 140
 Чалич М.-Ж. 112
 Чанак Н. 213
 Чаушеску Н. 81
 Чепич З. 241
 Червенков В. 83
 Черненко М.М. 96
 Чиркович С.М. 60, 167
 Чович Д. 250
 Чоллет Д. 161
 Чосич Д. 7–8, 141, 143, 219
 Чуркина И.В. 241
 Шапич А. 216
 Шарец М. 240–241
 Шатко Е.В. 46
 Шахин Ю.В. 105
 Шевцова Л.Ф. 194
 Шемякин А.Л. 19, 31–32, 57, 70, 126, 187, 224–225
 Шешель В. 161, 168, 187, 200, 205, 208, 213, 228, 257, 261
 Шкаренков Л.К. 114
 Шкуро М. 245
 Экмечич М. 20
 Энгельгардт Г.Н. 57, 122
 Энгельс Ф. 107
 Яжборовская И.С. 78, 81–82
 Янкович З. 239
 Янкович С. 213
 Янша Я. 239–240

Nikiforov K.V.

From Serbia to Serbia in Search of Modernization. Late XIX – early XXI Century. — M.: Indrik, 2021. — 280 p.

ISBN 978-5-91674-619-8

DOI: 10.31168/91674-619-8

The author examines nearly a century and a half of the Serbian history — from the Serbian Principality gaining the independence in 1878 to the present day, to the reemergence of Serbia as an independent state after its long existence within the framework of the “Three Yugoslavias”. He pays main attention to the political modernization, which was initially nothing more than an imitation, later turned to be an alternative (and even an alternative to the alternative), subsequently — back to the imitation again. The researcher studies in a particular detail Tito’s and Milošević’s (Serbian-Montenegrin) Yugoslavia, as well as post-Milošević’s Serbia. He considerably explores the issues of historiography, Russian-Serbian relations, the specifics of socialist Yugoslavia, and the Serbian version of the post-socialist transformation.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КОНСТАНТИН НИКИФОРОВ

ОТ СЕРБИИ ДО СЕРБИИ

**В ПОИСКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ
КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI в.**

Оригинал-макет А.С. *Старчеус*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 (495) 938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

17,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ НИКИФОРОВ

РОДИЛСЯ В 1956 г. В ПЕКИНЕ. В 1982 г. ОКОНЧИЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ И В 1985 г. АСПИРАНТУРУ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ. В 1987 г. ЗАЩИТИЛ В ЭТОМ ИНСТИТУТЕ КАНДИДАТСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ, А В 2000 г. — ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ. С КОНЦА 2004 г. — ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН. ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ». В 2006-2020 гг. ПРЕПОДАВАЛ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН. ИСТОРИК, СПЕЦИАЛИСТ ПО НОВОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ СЕРБИИ И БАЛКАН. АВТОР 220 ПЕЧАТНЫХ РАБОТ, В ТОМ ЧИСЛЕ МОНОГРАФИЙ «НАЧЕРТАНИЕ ИЛИИ ГАРАШАНИНА», «МЕЖДУ КРЕМЛЕМ И

РЕСПУБЛИКОЙ СЕРБСКОЙ» И «СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ. XX ВЕК». ОН ОДИН ИЗ АВТОРОВ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЙ, В ЧАСТНОСТИ, ТАКИХ КАК «ИСТОРИЯ БАЛКАН. НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ» И «ЮГОСЛАВИЯ В XX ВЕКЕ». ЕГО РАБОТЫ ПУБЛИКОВАЛИСЬ НА РУССКОМ, СЕРБСКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, РУМЫНСКОМ, ВЕНГЕРСКОМ, ГРЕЧЕСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

